

Татьяна Латукова

**ПЯТЬ,
ВОСЕМЬ,
ТРИНАДЦАТЬ...**

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
Л27

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Латукова Татьяна

Л27 Пять, восемь, тринадцать... / Татьяна Латукова. — [б. м.] :
Издательские решения, 2019. — 294 с.
ISBN 978-5-4496-5791-6

Хозяйка маленькой гостиницы в курортном местечке попадает в череду происшествий. Кто стоит за опасными инцидентами? Новый кавалер или старый друг? Давно потерянная родная мать или склочные соседи? Может, дело в забытой истории из мутных девяностых? Или в спекуляциях винного короля?

Наташа Ладوشкина ищет правильные вопросы, а простые ответы оказываются совсем рядом.

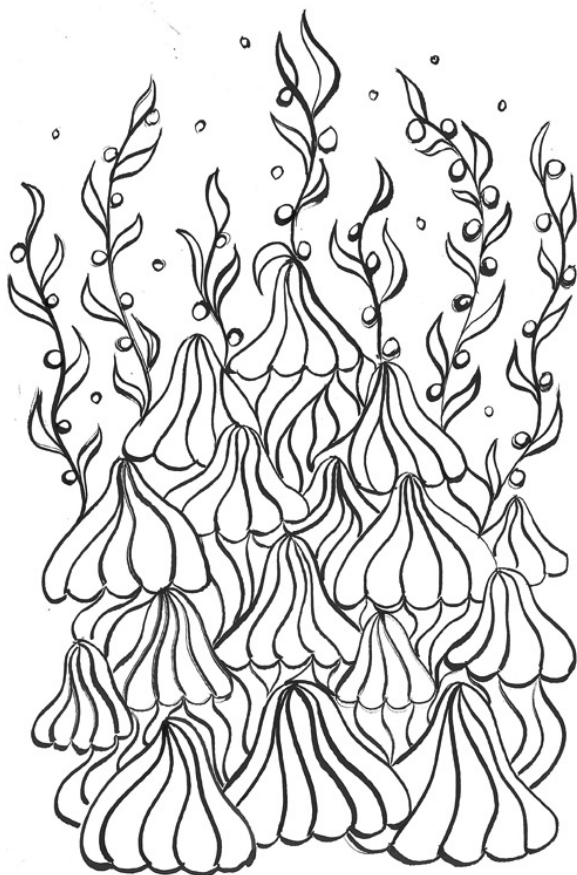
**УДК 82-3
ББК 84-4**

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4496-5791-6

© Татьяна Латукова, 2019

ΓΛΑΒΑ 1

1. МАЛЕНЬКИЙ ОТЕЛЬ

— Эге-гей! Эгей!

Редди пронёсся по двору и вскочил в кузов грузовичка. Протянув вперёд правую руку, он замер, пытаясь войти в образ памятника вождю.

Так себе памятник. Ничего общего с классическими советскими образцами.

Грузовичок стоял в луже. Лужа растекалась по песку, который нанесло с дюны. На некотором отдалении от грузовичка теснилась толпа любопытных отдыхающих — расслабленная и цветная масса людей, проматывающих время. От одного до другого края толпы незаметно смещался Сюр. Как бы прогнать его отсюда и куда подальше? У забора перебрасывались комментариями Володя и Маринка. Сезон заканчивался, и соседи отложили важные дела, чтобы посмотреть наше бесплатное представление.

Три человекоподобных существа тянули из кузова грузовичка старый сейф. Сейф лежал поперёк кузова, свешиваясь из него примерно на треть. Существа отдалённо напоминали сапиенсов, но нечленораздельные звуки, которые они издавали, заставляли предположить, что они и есть та потерянная ветвь эволюции, которую антропологи ищут где-то под землёй.

Редди нашёл сейф на помойке. И привёз ко мне. С гениальной идеей вскрыть это таинственное сокровище, озолотиться и махнуть в соседнюю галактику. На распродажу досок для сёрфинга. Сёрфингист из Редди — как из меня балерина. Да и мировые космические агентства вряд ли одобряют несанкционированные перемещения в соседние галактики. Но ведь главное — чтобы доска была космически крутой.

И как меня угораздило связаться с таким шалопаем?

На обитателях курортных мест вроде нашего лежит невидимая, но осязаемая печать уверенности в будущем. Кто-нибудь да придет. Сколько-нибудь коек да сдадим. Как бы плоха ни была ситуация в экономике, без рублика-другого не останемся. Лишь бы не было войны. Или урагана внезапного.

Мои дедушка и бабушка приехали сюда не за рублика-ми. Но остались, когда поняли, что три лачуги во двореке куда выгоднее грядки с помидорами.

Родственников со стороны деда Михаила я не знаю. Мать Мишеньки была репрессирована, отец погиб на фронте. После войны, приписав себе пару лишних лет, Миша окончил торговый техникум и тихо-мирно тянул лямку товароведа.

О семье Бабани, то есть бабушки Ани, известно и того меньше. Она родилась в Ленинграде, и её смутные детские воспоминания полны кружев, корзин с цветами и музыки, которую красивые люди играли на рояле. В начале 1942 года малышка осталась совсем одна рядом с этим роялем. Ей повезло — её нашли, вынесли, вывели. Но роялей она боится до сих пор.

Пожились Миша и Аня скромно, жили в комнатке от фабрики, в столовке которой Аня трудилась поварихой. А в край пионерских здравниц семья перебралась после того, как их единственному сыну Сашеньке поставили диагноз туберкулёз. Через три года диагноз сняли, но уезжать было некуда и незачем.

Несколько десятилетий промоталось спокойно и неторопливо. Потом повеяли новые исторические вихри, и появилась я. Не то, чтобы вихри меня принесли, но так совпало, что перемены начались после того, как кулёк с младенцем плюхнулся на старый деревянный стол.

Бурные девяностые в нашей тёплой местности были отмечены лихорадочным переделом, строительством, азартом. В мутном потоке договорённостей, сделок, об-

манов, подстав и разборки кто-то вырывал свой лакомый кусок, кто-то терял всё.

Мой дед сумел вовремя договориться с директором разоряющегося северного заводика и выкупить у него только что приватизированный клочок земли с маленькими деревянными сарайчиками. Многие такие сарайчики в округе и по сию пору сдаются — пусть за смешные деньги, но всё же деньги. Дед сделал верную ставку на приличные деньги и снёс всё подчистую, запланировав построить три домика с хорошими гостиничными номерами по самым высоким мировым стандартам.

О мировых стандартах дед не имел никакого представления, и времени, отпущенного ему свыше, хватило на строительство только одного домика. Однако теперь этот домик кормил всю нашу семью, пусть и без излишеств.

К домику прилагалась будка у ворот, которую мы гордо называли ресепшеном. И мастерская — длинный барак вдоль забора, в котором дед мыслил бильярдную и библиотеку, но жизнь ткнула его носом в тот факт, что прежде, чем гонять шары, надо где-то стирать бельё. В полуподвале мастерской оборудовали прачечную и несколько кладовок, на чердаке — сушильню, а первый этаж поделили между собственно мастерской и парой жилых комнат.

Отец рос болезненным избалованным ребёнком, с белым билетом, который позволял ему не торопиться с образованием. Он и не торопился — до такой степени, что так и остался лишь со школьным аттестатом. Однако заботы о пропитании, выражавшиеся в мало-мальском подержании коек в рабочем состоянии, привели к тому, что отец выучился всем хозяйственным работам. Платить мастерам со стороны всегда дорого, да и мастера частенько халтурят. Отец сам занимался и сантехникой, и электрикой, и сваркой, и штукатуркой.

В нашей мастерской были все мыслимые инструмен-

ты от молотка до погружной пилы, от перфоратора до сложного фрезера. Иногда мне казалось, что отец занимается отелом только ради того, чтобы по осени купить себе новую и обязательно высококлассную техническую игрушку.

Поэтому Редди припёр сейф ко мне. Я же смогу вскрыть этот металлический ящик. У меня наверняка найдётся нужная пила.

2. НОВЫЙ СОСЕД

За цирком с выгрузкой помоечного артефакта довольно долго наблюдал незнакомый мне мужчина. Он не был похож на запоздавшего осеннего отдыхающего или равнодушного чиновника. И у него было достаточно времени, чтобы потратить его на наблюдения за нашей вознёй.

Редди весело дразнился:

— Эй, Ладощка, подари мне три лукошка!

— Эй, Красный дед, подари сковородку котлет!

Незнакомец вдруг обнаружился совсем рядом, и я вежливо уточнила:

— Вы что-то хотели? Сожалею, но отель закрыт.

— Я ищу Наталью Александровну Ладощкину.

— Это я.

Чуть было не протянув незнакомцу грязную руку, я предложила:

— Подождите в переговорной. Это вон там, за стойкой ресепшен. Я сейчас подойду.

На превращение чумазой Ладощки в приличного человека ушло минут пять, и в переговорную я вошла уже строгой и серьёзной Натальей Александровной.

Мужчина положил передо мной визитку:

— Роман Алексеевич Колесников. Я арендовал отель «Розовая Надежда».

Ух ты... Вот это сюрприз. Сумасшедший сосед, да ещё под конец сезона.

— Очень приятно. Чем могу помочь?

Внимательный взгляд изучил моё лицо, мою грудь, мои руки, мои щиколотки, снова мою грудь, мои волосы, мои губы и остановился на тонкой цепочке, болтающейся на моей шее. О своих выводах насчёт моей внешности Роман Алексеевич ничего не сообщил, скучно объяснив:

— По планам мой внутренний двор граничит с кусочком вашего. Семь с половиной метров общего забора. Однако обмер показал, что там пятнадцать метров. Вы, как и владелица гостиницы «Лунный Кит», спрямили границы участка, прирезав к себе небольшой клин от моей земли. Он должен был бы вдаваться в ваши территории, но вы предпочли прямоугольную геометрию.

На кону мочало, начинай историю сначала.

— Я подготовлю для вас справку о состоянии границ с 1955 года. Включая объяснение всех устных договорённостей.

Ох, чует моё сердце, что ссылка на устные договорённости не прокатит. А установка клина в заборе означает снос тополей. Маринка будет недовольна.

Спрямение клина было её идеей, когда мы скидывались на общий забор. На ту пору тогдашний хозяин «Надежды» числился в международном розыске, и мы его спрашивать не стали. Не выдавать же соседа из-за такой ерунды.

— У вашего отеля самая высокая квота по электроэнергии во всей округе, хотя отель, как я успел заметить, намного меньше прочих. Перераспределение квот было бы разумным компромиссом между соседями.

— Я подготовлю для вас краткий обзор этого вопроса. Как бы ещё объяснить, что нам всем слово «квота»

лучше вообще не произносить. Мы тут маленькие, скромные, все-все на одной розетке сидим. Любое перераспределение не в нашу пользу будет.

— Позавчера прошёл сильный дождь. У вас нет ливневой канализации, и проезд вдоль пляжа полностью затопило. Во время потопов вы используете проезд в переулок через «Бодрые Зарницы». Однако ни у нас, ни у вас нет альтернативного выезда. Если встаёт одна машина, блокируются все.

— Это не ко мне. Я была бы только «за». Но сливы надо делать у «Зарниц», а отель уже три раза перезаложен. Фактически это собственность банка. А решить что-либо можно только с конкретным собственником.

В дверном проёме замаячила физиономия Редди:

— Простите за беспокойство. Наталья Александровна, меня срочно вызывают на совещание у мэра. Но мы продолжим наши исследования при первой возможности. Я позвоню вам, как выберу время.

— Всего хорошего, Радимир Агафонович.

У Редди изумительное имя, которое позволяет сбивать темп и накал любого разговора. Да и упоминание мэрии придаёт Радимиру веса. Сейчас этого не требовалось, но Редди на всякий случай отыграл программу.

Роман Алексеевич удивился фантазии мамы Редди, и беседа покатилась к завершению:

— Я готовлю проект ремонта здания и благоустройства территории.

Надо было с полёта в космос начать. Вернее вышло бы. И дешевле.

— Чем смогу — помогу. Вы можете обращаться ко мне в любое время. Я почти всегда здесь.

— А давно?

— С рождения.

Внимательное сканирование моего лица не помогло Роману Алексеевичу в решении какого-то неведомого ре-

буса. Но он со значением ответил:

— Я тоже здесь вырос. Мои отец — хозяин «Империял-паласа».

Я мельком бросила взгляд на визитку. Колесников. Вот так номер. С этого бы и начинал. Плакали все мои квоты.

Встав, я светски-любезно прочирикала:

— Я пришлю вам всю информацию завтра, после пятнадцати часов.

— Я не тороплю.

— До свидания.

Несколько дней Роман Алексеевич исследовал свою новую территорию. Но туда, куда надо, не залез. Первым делом должен был бы проверить, куда и откуда трубы идут. А повёл себя как обычный горожанин. Кран повернул — вода потекла, и стоит довольный. И почему наследник Колесникова с пониманием гостиничной архитектуры не в ладах?

В пятницу вечером мы с Маринкой и Володей собрались на традиционную рюмашку и обсудили свои наблюдения. Соседи тоже заметили, что в хозяйственном устройстве отеля новый арендатор мало что смыслит. Но зачем тогда он его арендовал? Неужели Колесников старший не мог найти сыночку место поприличнее «Надежды»?

Ничего не понятно.

3. ЗА ПУСТЫМ СТОЛОМ

Мы с отцом проводываем Бабаню по очереди. Это неудобно и отнимает много времени, но не бросать же старушку совсем в одиночестве. Бабаня живёт в своём старом доме, и все разговоры о том, что можно было бы

занять апартаменты в отеле, воспринимает в штыки, как попытку нерадивых потомков отобрать последнее. Она ещё бодря и готова сутками резать свои сложные салаты, однако разум всё чаще подводит её, и я задумываюсь о том, что однажды она начнёт забывать выключить плиту. Пока до такого не доходило, но отдельные звоночки тревоги уже прозвучали.

Моё отношение к Бабане противоречиво и исполнено с одной стороны, детских обид, с другой стороны, взрослой благодарности. Она меня растила, учила всему, что знала сама, а в её строгой требовательности, стоившей мне многих слёз в детстве, не было собственно злости. Ей было за шестьдесят, когда вдруг оказалось, что надо растить ещё одного ребёнка. Это была непосильная нагрузка, и то, что Бабаня доводила меня до слёз, было результатом её внутренней усталости.

Лет в двенадцать я заявила Бабане, что хочу стать актрисой. Бабаня удивлённо подняла брови, а через неделю передо мной легло несколько листов убористого текста. Краткий перечень того, что мне надо прочитать, освоить, выучить наизусть. Я начала учить какую-то пустяковую роль, а заодно выслушивать издевательские комментарии Бабани. Она твердила, что я некрасива, плохо говорю, нелепо двигаюсь, и никогда не смогу никому понравиться. Я упрячилась, но силы были неравны. И я сказала себе, что всё это кривляние на публику — не для меня.

Через какое-то время я увлеклась наблюдениями за улитками и червяками, которые обитали в нашем дворике. Да и пустоши вокруг лиманов кишели разной мелкой живностью. Я глотала книжки по биологии, ковырялась в маленьких норках и даже раздобыла рекламную брошюрку биофака столичного университета. Бабаня предложила мне ощипать и разделать курицу. С этим я справилась. Но потом за ерундовую провинность Бабаня растоптала большую виноградную улитку Аниску, кото-

рая жила у меня в стеклянной банке. Я была безутешна всё лето. С биологией было покончено.

За год до окончания школы я вообразила себя художницей. Я измалёвывала альбом за альбомом и уже мысленно представляла, как открываю выставку своих работ. Бабаня честно сказала, что по художественному профилю я не смогу никуда поступить. Во-первых, я не умею рисовать носы и уши. Во-вторых, у меня нет никакой протекции, а без этого делать в искусстве нечего.

В конце концов, я никуда не поехала. Но не потому, что поленилась или не могла придумать очередное призвание. Мамася, много лет стоически терпевшая все загулы отца, вдруг нашла себе другого мужчину. Эту находку, конечно, тоже надо было спасать, вытягивать со дна, воспитывать, но размах задачи требовал того трагизма и страдания, до которого мой родитель не дотягивал.

Отец, благосклонно принимавший свою роль спасаемого, остался без воспитания. И его хватил инфаркт. Заниматься привычными делами он не мог, да и Бабаня враз сдала и постарела. Пришлось мне подхватить семейную традицию и вжиться в образ скарёдной владелицы курортных коек.

В первое лето работы я поняла, что мне незачем учиться далеко и абстрактно. Я могла учиться тому, что действительно нужно — и прямо по месту приложения знаний. У меня ведь есть то, что прокормит. Причём кормить будет только три месяца, а всё остальное время можно заниматься чем угодно. Путешествовать, веселиться, развлекаться.

К следующему сезону отец поправился, Бабаня приободрилась. Они пытались заводить разговоры о том, что мне уготовано светлое будущее в столицах или даже за границах. Но я-то уже была Натальей Александровной, строгой хозяйкой мини-отеля «Весёлые Ладшки», и я прямо заявила, что никакие столицы мне не нужны. Один

из друзей отца договорился, чтобы меня зачислили в педагогический. Кое-как, на тройки я выскребла свой диплом. И теперь могу говорить, что он у меня есть.

Улица моего детства резко преобразилась на рубеже столетий. На кусочках частного сектора быстро построились всевозможные отели. И вместо ряда однотипных трёхконных избушек с треугольными крышами возник сложный лабиринт вплотную втиснутых домов, которые подчинялись одной задаче: уместить на крохотной территории как можно больше номеров.

Во всём квартале остался только один старый дом. Хотя и он оброс высоким забором. Я поставила этот забор ради своего комфорта — чтобы не быть выставочным экспонатом для вечно глазающих отдыхающих.

Толкнув калитку, я втащила во двор сумку с продуктами, выпрямилась и удивилась. За покосившимся столом рядом с Бабаней восседал не кто-нибудь, а Роман Алексеевич.

— Здравствуйте, Наталья Александровна.

Повернувшись к бабушке, гость спросил:

— Может, вы помните серый дом на углу? Там ещё два чердачных окна было.

Бабаня нахмурилась и отказалась признать существование серого дома:

— Что за серый дом? Я все наши дома помню. Не было у нас серых. Был голубой, что порушили под магазин. Был зелёный со столбиками витыми. Был маленький розовый, что грузин для дочери-вертихвостки построил. А на углу дом Сидоровых стоял. Огромный, в три этажа, с балконами. Да оно и понятно — у Сидоровых-то денежки водились. А на перекрёстке башню строили, да не достроили, так палаточникам коробку из стен и сдавали...

Гость не мешал бабушке вспоминать все дома в окрестностях, но я поймала на себе его пристальный

взгляд. Вспомнить, что ли, пытается? Так я, наверное, ещё в пелёнках агукала, когда он отели скупать начал.

Серьёзное лицо, но без суровости. Хотя улыбаться до ушей Роман Алексеевич вряд ли умеет. Брови хмурит часто, и морщинка поперёк лба уже пролегла. Выбрит чисто, да и весь аккуратный, одежда простая, но не из магазина распродаж. Взгляд спокойный, уверенный. Знает человек, зачем на белом свете живёт. И знанием этим горд и доволен.

Интересный, однако, сосед нарисовался.

Хотя так откровенно пялиться на него необязательно.

— А вот когда старую избу Кутиковых в кирпич забрали, я Мишане сразу сказала, что не от ума этот кирпич. И точно, как в воду глядела. Влетела в стену машина пьяницы, весь кирпич и посыпался. А серого дома у нас не было. Точно говорю, что не было...

Я занялась привычными делами. Дотащила сумку до кухоньки, разложила продукты, проверила состояние спальни и санузла. Собрала забытую в комнате посуду, наскоро её сполоснула, поправила покосившуюся раму...

И вспомнила серый дом. Точно — с двумя оконцами-глазками. В этом опрятном домике жила милая старушка. Имени я вспомнить не могла, но почему-то представляла себе большой фартук.

Вытерев руки, я вышла, присела к столу и встряла в бубниловку Бабани:

— Возле серого дома росли розы высокие. Они опирались на палочки с перекладинами. Цветки тяжёлые всегда вниз склонялись, а когда осыпались, внизу ковёр из лепестков получался. Нам давали саженцы роз из того дома, но они не приживались. Ни у кого не приживались. А в сером доме были.

Роман Алексеевич кивнул и улыбнулся. Не до ушей, но и не скупо.

— Да. Роз было много.

Бабаня раздражённо заспорила:

— Что ты придумываешь? Не приживались. У меня всё приживалось. И розы всякие, и ромашки на толстых стеблях пушистые, и с маленькими лепестками цветочки, за- была, ну, подсажи мне, жёлтые такие.

— Ноготки.

— Вот. Всякие цветы были. И помидоры. У нас самые лучшие помидоры были. Вот кого хочешь спроси — любой скажет, что таких помидоров, как у Ладошкиных, нигде не найти.

В моей памяти всплыло пятно, издающее страдающие звуки.

— А ещё в сером доме кот был. Рыжий такой, толстый, ленивый. И он совсем не царапался. Старушка, что в доме жила, его из хрустальной вазочки кормила.

— Это моя бабушка. Мария Григорьевна.

— Она не пускала постояльцев. И летом вся улица ходила к ней на посиделки. Во всех дворах сидели курортники, а у неё — только свои. Но дом снесли, когда я маленькая была, я и не помню ничего... Хотя нет, помню, пианино было. Мамася всё боялась, что я уроню на пальцы крышку от клавиатуры.

— Меня в детстве учили на нём играть. Мама считала, что музыкант — самая хлебная профессия в мире. Если не в консерватории, так в кабаке заработать можно.

Бабаня напрягла память и выдала:

— Что-то я не помню никакого пианино. Это не у Машки пианино было. Это у Донковых баян был.

— Ты, Бабаня, гостя за пустым столом держишь. Нехорошо.

— Нет-нет, не беспокойтесь. Я гулял по старым тропкам-дорожкам, но всё сильно изменилось, потом увидел ваш дом, решил зайти. И с моей стороны нехорошо с пустыми руками являться. Так что отложим застолье.

— Всё равно. Вы любите булочки с маком? Могу ещё

с корицей предложить.

— Не надо суеты, Таша. Ты ведь Таша, да?

Ташей меня иногда называет отец, добавляя к Таше ещё и Гуашу. На одном местном наречии «гуаша» означает «княгиня», и отцу кажется, что Таша-Гуаша звучит благородно. Такие своеобразные представления у него о благородстве.

— Ты маленькой тихоней была. Светленькой, пушистой. Я малышей не очень-то примечал, но ты точно к бабушке приходила.

Пушистая. Это где-то на уровне кота.

— А меня вспомнишь?

Этот мужчина не торопит с ответом, но и ждать долго не будет. Выражение лица приветливое, хотя в этой приветливости есть привычка. И злость под маской не спрятана. Сам по себе человек спокойный, без вздорности и эмоциональных вспышек. Взгляд и задумчивый, и немного рассеянный. Часть мозга явно застряла в каком-то другом месте.

Интересно, а жена у него есть? Или подруга?

Не-не-не, эту тему развивать не будем...

Роман Алексеевич не дождался ответа и представился:

— Я — Рим.

Мощная заявка. А можно я тогда Византией буду?

В памяти закопошились обрывки воспоминаний о школьном скандале. Старшеклассник заспорил с училкой на уроке истории. Отстаивал тонкости бытия вечного города. Спровоцировал училку на сердитую отповедь. И в запале бросил, что готов ответить за весь Рим. Училка этого так не оставила, и упрямого знайку хорошенько пропесочили за неуважение к учительскому труду и учебнику истории.

Роман, защитник Рима. Выходит, это он и есть.

Скандалы со старшеклассниками меня по малолетству не занимали. Но Бабаня и отец неоднократно обсуждали

дурость школьных мегер, сожалея, что мальчику зарубят золотую медаль.

Прилично будет спросить, зарубили или нет?

— Таша, ты в отель поедешь? Подвезёшь меня?

— Я не поеду. У меня нет машины. Я хожу пешком.

Рим удивился и уточнил:

— И до отеля пойдёшь?

— Полчаса всего.

— Хорошая практика. Но у тебя плохая обувь.

Это вообще не моя обувь. Только как это объяснить? Знаете, Рим, я взяла туфли у Зойки, потому что её шпильки взяла Ольга, а Зойке в туфлях жмёт, они чуть меньше размером, и поэтому она попросила мои тапочки... Ему всё равно не понять.

Распрощавшись с Бабаней, я отправилась домой. В компании Рима. У него оказалась мягкая, пружинящая походка. Передвигался он легко и вроде бы по-спортивному, но основательно, неторопливо. Наверное, если бы он пошёл в своём темпе, я бы его не догнала. Но он подстроился под меня.

Красивый мужчина. Прямо приятно рядом пройти.

4. ЧЕСТНЫЙ РАСКЛАД

Разговор не клеился.

Сначала я сделала заход в сторону погоды:

— Год сложный выдался. То холодно, то жарко, то дождей много, то засуха. Отдыхающие какие-то мелкие пошли. Всё жмутся, всё капризничают. Но ведь и их понять можно. Ситуация-то в стране какая. Не разбежишься по морям гулять.

— Да. Наверное.

С тем же успехом можно обсуждать чемпионат по сёр-

фингу в соседней галактике.

Второй попыткой стала наводка на Бабаню:

— А бабушке уже за восемьдесят. Вы не думайте, что она совсем без памяти. Она хуже вспоминает, когда что-то конкретно надо вспомнить. А вообще только так словами разливается.

— Не объясняй. Я понимаю.

Пропала тема.

Выразительно вздохнув, я решила пойти ва-банк:

— Знаете, Рим... Раз уж вы свой, я вам честно расклад обрисую.

— Попробуй.

— Вы выбрали плохое место, плохой дом и плохую репутацию.

— Поясни.

— У «Надежды» одна стена тухлая. Та, что торцевая и выходит к забору. Внутри по стене плесень поднимается. И никак её не одолеть, пока угол стены заливается. Вы лужу около меня заметили, а то, что у вас поток под грунт уходит и в подвале застревает, не поняли. Можете, конечно, машину-другую бетона туда жакнуть, но воде всё равно надо куда-то уходить. Она пойдёт вдоль фасада...

Я открывала Риму непонятные для него стороны бытия. Он вслушивался в мои слова очень внимательно, но я чувствовала, что он не улавливает причинно-следственных связей между плесенью на стене и водой вдоль фасада.

— Штукатурка на той стене на честном слове держится. Её подкрасили, но мимо лучше не ходить, а если ходить, то в каске. И самый главный косяк — то, что дом неровно стоит. Сами знаете, как у нас строят — как пришлось, так и натяпали. Но в «Надежде» натяпали так, что по третьему этажу тележки сами по себе от стены до стены прокатываются. Уклон есть заметный...

Уклон Рим успел заметить, но до этого момента он

связывал его, видимо, со вспышками на солнце. Мысль, что сам дом кривой, не приходила ему в голову. Он явно обрадовался простому объяснению. Кто же он такой?

— По-хорошему, дом надо сносить и новый строить. У меня ещё два владельца назад была возможность присоединить этот кусок. Мы с Маринкой хотели его вскладчину забрать. Походили, посмотрели и отказались. За участок получается нереальная цена. А в дом вкладываться незачем...

Рим начал приунывать. Но я никак не могла смягчить вывод:

— Вам даже частично отбиться не с чем. Водогрейки старые, на выброс. Холодильника ни одного приличного нет. Сантехника убитая. Кондиционеры не чищены десять лет, вопрос, есть ли ещё работающие. В общем, тот человек, кто вам посоветовал арендовать «Надежду», нагрел на вас руки.

— Мне никто не советовал. Я сам все варианты перетряхнул и выбрал то, что казалось подходящим.

— Расторгните договор, пока не попали на крупные и бессмысленные траты. Если хотите, я сведу вас с толковым агентом и прослежу, чтобы не было осечек. Хотя это, конечно, наивно с моей стороны.

— И я знаю, о чём ты подумала. Если бы я спросил отца, то не оказался бы в столь глупой ситуации. Но я не хотел ничего спрашивать. И сел в лужу.

Круто. Не каждый так спокойно признается в собственном промахе.

— Вы хотели переплюнуть гостиницу отца?

Рим улыбнулся и объяснил затею:

— Я врач, Таша. Я хочу открыть свою клинику.

Я представила себе фасад улицы с вывеской «Медицинский центр». А рядом баннер с перечислением услуг: МРТ, УЗИ, анализы. С одной стороны, неплохо. Врач рядом — полезная опция. Но и клиника — напоминание

о бренности бытия, о лекарствах и процедурах. Одно слово «анализы» наводит ужас на большинство населения. Все ассоциативно представляют себе очередь в городской поликлинике. Кашляющие бабки, митингующие старики, беременные без очереди, сумасшедшие инвалиды — и через пять минут начинает казаться, что апокалипсис уже наступил, только объявление в небесах забыли прикрутить. А к нам люди приезжают веселиться и радоваться жизни. «Анализы» точно будут отпугивать.

— Ты так выразительно поморщилась. Тебе не нравится идея клиники?

— В первую же неделю кто-нибудь из моих гостей спросит, не проникают ли ваши рентгеновские лучи на нашу территорию. И не мешают ли они во время ночного отдыха. И не пора ли мне выдавать постояльцам шапочки из фольги для защиты от иноземных технологий.

Рим улыбнулся:

— Будешь отправлять всех ко мне. Ты ведь не гонишься за бедными постояльцами, а значит, твоим гостям будет по карману мои услуги.

Наташка, а ты под колпаком у Рима. Будь осторожна.

В питейной лавке Арамыча торчал Редди. Увидев меня, он схватил детскую игрушку — голову лошадки на палке, прогарцевал от лавки к калитке отеля и приветствовал меня и Рима заливистым ржанием.

Я, значит, умное лицо делаю, разумные мысли придумываю, благоприятное впечатление адекватной деловой женщины произвожу. А Радимир Агафонович в десять секунд оставляет от моих стараний рожки и ножки.

Редди протянул руку Риму и после короткого рукопожатия повернулся ко мне:

— Ладошка-Тотошка, мой верный Игогошка готов унести нас в страну волшебных мистерий. Поскачем за горизонт в лучах заката?

Редди давно обещал свозить меня на шоу с джигитовкой, и я нетерпеливо уточнила:

— Ты договорился?

— Ага. Я же мастер переговоров.

Я быстро попрощалась:

— До свидания, Роман Алексеевич.

Редди перебросил лошадку через забор и галантно распахнул передо мной дверь своей новой машины:

— В путь, подружка, нас ждёт шоу и полная кружка.

5. ВЫЛАЗКА НА ЧУЖУЮ ТЕРРИТОРИЮ

По выходным Романа Алексеевича носило где-то в городе, поэтому для вылазки на его территорию мы с Редди выбрали воскресенье.

В голливудских боевиках за незаконное проникновение на чужую территорию можно схлопотать вполне легитимную пулю. Но в нашей реальности, где повсюду бродят очумелые курортники, такие методы означали бы существенное сокращение доходов. Люди у нас любопытные, и если вам надо что-то прорекламирровать, рекламный стенд надо размещать за дыркой в заборе.

Мы с Редди не заморачивались законом, перелезая забор соседнего отеля. Вряд ли кто-то поверит, что мы можем заблудиться, но и оправдание «захотелось посмотреть» будет воспринято как вполне адекватное. В штурме забора не было необходимости, решётчатая калитка с улицы запиралась на обычный засов, однако какой интерес зайти через калитку, когда так заманчив дух авантюры? И не пришлось обходить весь квартал по улице.

Редди, помогая мне спуститься с забора, с трагической интонацией спросил:

— Когда меня посадят, ты будешь посылать мне неж-

ные открытки?

— Я даже приеду к тебе в качестве живой открытки.

— Тогда ладно.

Издалека «Розовая Надежда» казалась белоснежной, но вблизи на неё будто накидывали мелкую серую вуаль. Само здание с гостиничными номерами меня не интересовало. Я быстро направилась к столовой. Вход в подвал был закрыт на проволочку — как я и предполагала, о замке Роман Алексеевич не задумался.

Я прошлась туда-сюда по лабиринту подсобных помещений. Редди перехватил меня за руку и показал на куль тряпья в углу одной из кладовок.

Из тряпья торчала мёртвая нога.

Переглянувшись, мы с Редди улыбнулись. Нет, не потому, что мы циничные мерзавцы. Просто мы перевидали много мёртвых ног.

Во время сезона великий Посейдон забирает с нашего побережья хотя бы одну жертву в день. В раздражении он может забрать и пять, и десять. А в припадке злости баллов на семь, его аппетиты возрастают до двадцати.

Мы частенько видим тела тех, кто проиграл в лотерею «выйти на берег живым». Неважно, как хорошо вы плаваете. Неважно, насколько мелкий у нас пляж. Неважно, что штиль и нет ни дуновения ветерка. Ступив на мокрый след волны в надежде, что следующий накат замочит ваши ступни, вы уже играете.

Пока я была занята этими досужими размышлениями, Редди подошёл поближе к тряпью, присел и осмотрел ногу:

— Это не утопленник.

Редди виднее. Он регулярно спасает утопающих. Счёта неудачам он не ведёт, но в утопленниках, очевидно, разбирается лучше меня.

— Не трогай его. Надо в полицию позвонить.

— Может, уйдём тихо?

— Мы наверняка наследили. Признаемся в этом сами.

— Давай-ка сначала осмотримся.

— Не подходи близко, мало ли, вдруг он чумной?

Покойник был завёрнут в старые одеяла. Такие одеяла есть у всех, их раньше в пионерлагерях выдавали. Но сейчас они часто используются как подстилка или тряпка, и те рваные, что достались труп, определённо отжили свой век. Одеяла были замотаны обычной синтетической верёвкой. Мотали наспех, неаккуратно. Узлы на верёвке были самые обычные, без морских выкрутасов.

— Смотри, Лadoшка. Тело пытались сложить, чтобы тую покороче сделать. Наверное, выносить собирались. Размер ноги сорок три — сорок четыре. Думаю, это мужчина. Что такое «педикюр», он не понимал в принципе.

— И зачем его заташили сюда, если собирались выносить?

— Заташили, чтобы спрятать на время. Кто-то, как и мы, знал, что здесь никого нет. А новый арендатор, как я слышал, очень умный доктор, но в гостиничном бизнесе нисколько не разбирается.

— Может, тело — это подлянка доктору? Мечь? Или шантаж?

— Или оригинальная реклама. Несчастный больной рвался за помощью в клинику гениального врача, но погиб, не преодолев последних ста метров пути.

— Так уж прям и гениального.

— Точно, что упрямого. Романа из столичной клиники выгнали за скандал чуть ли не с министром. Великий цезарь опровергал какие-то общепринятые догмы, а министр держался за старый учебник. На том карьера цезаря и закончилась.

— Выбираемся. Вечер уже. До ночи в объяснениях погрязнем.

Городок у нас не так, чтобы маленький, но и не большой. Редди знают все. А у меня среди полицейских особая

слава. Как иначе, моя полиция меня любит. Однако, это не означает, что полицейские избавят меня от прохождения через конвейер оформления тысячи бумаг. Очень жаль.

6. ПОТЕРЯ САМООЦЕНКИ

Сейф меня раздражал. В нём что-то вызывающее. Он бросался в глаза. Он торчал из любого угла наблюдения. И он был намертво закрыт. Один подозрительный тип, приглашённый Редди для консультации, потыкал в замок своими тонкими железками и объяснил, что замок сло-ман, и проще дверцу пропилить. После этого мужчины выразили уверенность, что как-нибудь на досуге я с этим справлюсь, и удалились, чтобы пропустить по стаканчику у Арамыча.

Справляться мне было недосуг, но и оставлять металлического монстра пожирать моё пространство я не хотела. Распечатав из интернета штук пять руководств по домашнему вскрытию сейфов, я запасла набор дисков, стащила к сейфу все три болгарки, что нашла, нацепила очки и проделала первый надрез.

Как только болгарка стихла, сейф вежливо сказал мне: «Здравствуй». Минуты три я на него таращилась, тщетно пытаюсь вернуть вселенную к адекватности. Потом заметила, что это вовсе не сейф заговорил. Это говорящий сосед пожаловал.

Отложив инструмент и стащив очки, я встала и придала своему тону максимум непринуждённости:

— Я приношу свои глубочайшие извинения...

Вдвинувшись в центр мастерской, Рим перебил меня на полуслове:

— Не утруждайся. — И протянул мне мятый лист бума-

ги с цифрами. — Это ведь твоя шифровка?

Редди, конечно, молодец. Успел сделать, о чём договаривались. Но Редди — редкостная растяпа. Кто оставляет такие улики? Ладно бы платочек уронил. Или зажигалку. Но саму шифровку оставить? Это за гранью.

— Может, пояснишь, что это означает?

— Это показания ваших счётчиков. Вода. Свет.

Столь простая информация с трудом пролезла в сознание Рима. Обдумав сказанное и решив, что я всё-таки не шутила, он уточнил:

— Ты заподозрила, что я вверну в твою трубу отводной кран?

— Вроде того.

Никто и никогда не подозревал Романа Алексеевича в вульгарной краже. В неуважении к учебникам — это да, пожалуйста. Но вода? Почувствуй себя, Наташка, персонажем из сатирических фильмов про коммуналки. И надо полагать, цезарь решит, что я всех сужу по себе, а значит, мне оттяпать кусок чужой воды — раз плюнуть.

Пока я соображала, как извернуться из неловкой ситуации, Рим осматривался.

Часть мастерской занимали стеллажи с инструментами. В углу стояла пара шкафов с разной мелочёвкой. В дальней перегородке торчало две двери, и через одну открытую был виден кусочек моей кровати. У стены с окнами стояло два больших верстака. Один ещё сохранял пяточок пустой поверхности. Второй я использовала как свой рабочий стол, поэтому по дальнему периметру его украшала многослойная стена из разных бумаг, а в центре, на скоплении хаоса листочков лежал мой ноутбук. Под верстаком располагалась выставка принтеров. Они у меня почему-то быстро ломались и скапливались.

Взгляд Рима по кругу вернулся к сейфу. После довольно длинной паузы Рим потрогал край сейфа и спросил:

— Зачем ты это делаешь?

— Хочу узнать, что внутри.

Покосившись на инструменты, он заметил:

— Опасные штуки.

— Знаю.

— Они тебе не по силам.

Я пожала плечами и любезно предложила:

— Хотите сами попробовать?

— Нет. Руки будут трястись.

Рим сжал пальцы в замок, вывернул их, потянулся и махнул рукой в пространство перед собой:

— Встань и выпрямись.

А это мы в школьную линейку играем? Вдвоём? Вот так сразу?

— Ты мне кое-что объяснила. Давай и я тебе объясню.

Мне бы маленький намёк на сферу этих объяснений.

— Не бойся. Я до тебя дотронусь. Но ничего плохого не сделаю.

Осталось понять, где у цезаря границы «плохого».

— Не придумывай ерунды. Я врач, ты пациентка. Моя задача — помочь тебе. Твоя — довериться мне. Я не буду касаться деликатных зон. И если вдруг тебе станет некомфортно, ты сразу мне об этом скажешь. Любыми словами. Я исключу то, что неприятно.

Треснуть его молотком по голове я ведь успею?

— Вдох. Медленный выдох. Ещё.

Одна ладонь легла на моё плечо, вторая погладила спину, и по спине пробежались кончики пальцев. Касания казались лёгкими, но в какой-то точке нажатие пальцев отзывалось чувством неустойчивости.

— Вот. Здесь. И здесь. Чувствуешь?

Тёплые мурашки поползли вдоль позвоночника.

— Вся спина зажата.

Несколькими движениями Рим развернул мои плечи, заставив свести лопатки. Кажется, они ещё никогда не были настолько близки друг к другу. Ошеломлённое

сознание выдало сигнал «Эй, я не пластилин!»

— Ты не занимаешься своим телом, и оно тебя подводит. Прежде, чем хвататься за тяжёлый инструмент, могла бы и подкачаться немного. Зарядка — это пустое слово, да? А тренировка — тем более?

Ой, что это было? Моё тельце для такого не создано.

— Теперь встряхнись. Да не так. Ты же не простыня на верёвке. Двигайся легче, свободнее. И не сутулься. Последи за собой и обретёшь осанку королевы.

Нет, не хочу я в королевы. Оставьте меня болтаться на верёвке.

— Глубокий вдох. Медленный выдох. Это что ты изображаешь? Приступ умирающей дамы с камелиями?

Нет, это ёжик, который забыл, как дышать.

— Сядь. Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре года.

— Такими темпами к тридцати убьёшь поясницу. К сорока — тазобедренные суставы. Надумалась родить — получишь грыжи по всему позвоночнику.

— Я от природы не гибкая.

— Значит, тем более надо поддерживать форму. И не заставляй меня думать, что ты от природы не очень умная. Я уже уверился в обратном. Как-то жаль разочаровываться.

Жаль, не жаль, а придётся.

— Руки у тебя слабые. И от болгарки тебя всю трясёт вибрацией. Мозг отчаянно хочет спастись и зажимает всё, что может зажать. Но ты этого не понимаешь. И не знаешь, как правильно снять напряжение.

Сейчас меня за это казнят. Удушением.

— И с шеей беда... За что ты так себя не любишь?

Полная потеря самооценки. Так Маринка скажет. У неё диплом психолога в шкафу лежит. И в голове с десятков фраз по теме застряло. Ей больше не надо. Она и на этом богатом материале учит людей жить. За деньги.

— Медленный вдох, осторожный выдох. Всё, расслабься, как удобно. Нет! Только не нога на ногу!

Ой. Я же испугаюсь. И прямой шваброй буду три дня ходить.

— Вот что я тебе посоветую. Начни с утренней разминки. Простые растяжки, пара силовых элементов. Дополни упражнениями в середине дня. Любишь ходить — ходи в спортивной обуви, не сутулясь и не нося тяжёлых сумок. И вечером несколько асан помогут лучше заснуть.

— Что поможет?

— Йога.

— А, это я знаю. Шавасана, важнастана, мудрасана.

Рим улыбнулся, и эта улыбка вывела меня из себя. Чёртов доктор! Да я ему не то, что труп подкину, я у него в подвале крыс разведу! Толстых наглых серых крыс!

— И сделай пару курсов массажа с перерывом.

— Я не люблю массаж.

Это я зря сказала. Если воровки воды хоть как-то вписываются в картину мира Романа Алексеевича, то те, кто не любят массаж, располагаются вне этого мира, в адских измерениях.

— Ладно, Таша, я пойду. Не буду мешать. Можешь гробить свой скелет дальше.

Я знала, что он услышит звук болгарки. И я искромсала всё, что попало под руку. А заодно доломала дурацкий замок сейфа. Доломала — в смысле окончательно испортила. Сейф не открылся.

Только на следующий день я осознала, что вообще-то мне не свойственна такая резкая энергичность. Я в кресле расслабленно пылиться люблю. Нога на ногу.

Нельзя подпускать этого доктора к себе. Он знает, где у меня какие-то потайные кнопки.

7. СМЕРТЬ ВОРИШКИ

У Тараскина было имя. И даже отчество. Более того, у Тараскина были погоны и звание. У Тараскина был даже пистолет. Но все называли его просто Тараскиным. Так запечатлелось.

Ко мне Тараскин относился если не с придыханием, то с затаённым страданием. Поэтому наш разговор протекал буднично-деловито, но с подтекстом, понятным только самому Тараскину.

На столе лежала фотография мёртвого человека.

— Около тридцати лет, 168 сантиметров ростом, сложение астеническое, мышечная масса рыхлая. Брюнет, глаза карие, лицо круглое, широкое. Физической работой не занимался. На плечах и спине татуировки, по всей видимости, тюремные. Неоднократно и сильно бит, много следов старых переломов костей. Вы его встречали?

— Это Сюр. Я не знаю настоящего имени. Последние несколько лет он появляется во время сезона. Он воришка. На пляжах ему неудобно, там слишком уж всё на виду. Его стихия — вечерний шопинг. Сами знаете — ряды ларьков на проходах к пляжу у нас тесные, маленькие. А заняться людям нечем. Поэтому отдыхающие плотной толпой прутся за магнитиками, стаканчиками и прочей сувенирной ерундой. Ну и выпить, само собой. В позапрошлом году Сюр попался у прохода возле пансионата банка, его сильно избили, но, насколько я помню, расследования не было. Он куда-то уполз и отлежался. В прошлом году Арамыч его заметил и припугнул, чтобы он у нас не показывался. Однако я его совсем недавно видела. Он крутился в толпе зевак.

— Три года он здесь гастролировал. Причём избивали его регулярно, в основном, сами владельцы магазинчиков. Крал он преимущественно у мужчин, причём у тех, которые заносчивы и уверены, что уж они-то жертвой ни-

когда не станут. Есть мнение, что многие из них не сообщали о кражах.

— Сюр производил впечатление человека не от мира сего. Даже если он воровал много, то вряд ли мог распорядиться деньгами. Известно, кто он и откуда?

— Пока нет.

— Как его убили?

— Забили насмерть. Чем-то тяжёлым били по голове. Вероятно, убийца выше ростом. Явных следов не оставил.

— Сюр что-то украл, кто-то очень разозлился и принялся его избивать. А когда опомнился — испугался и стал придумывать, как спрятать тело?

— Убили не в подвале, а в закутке за столовой. Сюр, наверное, хотел спрятаться, затаиться, но его увидели. Убийца замёл следы, но кровь осталась и на заборе, и на траве. А упаковка трупа в одеяла могла быть нужна только по одной причине. Убийца собирался вывезти труп и захоронить его, а скорее утопить. Ни вы, ни Марина Волошина, ни Владимир Носов не увидели бы ничего особенного в том, что к воротам «Надежды» подъехал фургон, и в него загрузили мусор.

— Честно говоря, я не слежу за «Надеждой». Марине мало, что видно, а Володя не любопытен. В прошлом году у нас пьяные вандалы калитку выломали, так Володя ничего не заметил. Или не захотел заметить, что по результатам — одно и то же.

— Вы не следите. Но вы залезли на чужую территорию.

— У нас с «Надеждой» сложная история конфликтов из-за воды.

— Поэтому вы посоветовали Колесникову избавиться от отеля?

— Роман Алексеевич показался мне человеком добрым, но слабо разбирающимся в проблемах «Надежды».

— Юристы старшего Колесникова строятся в клин асфальтовых катков, намереваясь оплатить своё трудовое

время за счёт владельцев «Надежды» и их посредника. Вы крепко испортили отношения с соседями. И вода — это цветочки.

- Добрые дела не остаются безнаказанными.
- Присмотритесь к тому, что творится в округе.
- Конечно.

8. ПРИШЕЛЕЦ И АБОРИГЕНКА

В представлениях Рима «потом» означало «быстро». И застолье у Бабани он организовал с лёгкостью и щедростью, которые поселили во мне чувство зависти. Одна машина привезла еду, вторая — экраны, компьютеры, колонки и прочую технику, третья — гирлянды цветных лампочек, четвёртая — большой мангал на колёсиках. За полтора часа наш старый дворик превратился в изысканное место с заграничной рекламы.

Это была уже пятая или уже шестая вечеринка по случаю возвращения Рима в родные края. Она считалась ностальгической, то есть гостям предлагалось минут пять погрузиться над школьными воспоминаниями, и только потом переходить к веселью.

Друзья Рима приезжали и уезжали свободно, кто когда хотел. Кто-то был один, кто-то с парой, были и компании, радостно высыпавшиеся у калитки целыми микроавтобусами.

Бабане досталась почётная роль заместительницы бабушки Рима. Она полностью очумела ещё до начала застолья, но восседала во главе стола, отказываясь хотя бы немного отдохнуть. Меня мимоходом представляли как «ту пушистую малышку». Многих гостей я, разумеется, знала. Однако когда приехали Дон с Зойкой, мне стало как-то комфортнее.

Внимание Рима к здоровью скелетов и йоге поселило во мне уверенность, что он наверняка трезвенник и поборник здорового образа жизни. Однако оказалось, что он очень даже не дурак выпить, хорошо закусить и мимоходом потискать одноклассниц. Пара одноклассниц щедро выдала Риму улыбки, которые я назвала бы даже не авансами, а приглашениями. И никого из них Рим не упрекнул за сутулость. И никому пальцами в спину не тыкал.

Ближе к ночи, когда песни уже отзвучали, Рим приземлился рядом со мной и протянул бокал с вином:

— За пришельца, вернувшегося на родную планету! То есть за меня!

— За тебя.

— И всё? А никак нельзя ко мне тот же этикет применить, что и к Пашке Донскому? Почему ему достался поцелуй? А мне нет? Мы с ним, если хочешь знать, за одной партой сидели. И в медицинский вместе готовились.

— Я на свадьбе Дона свидетельницей была. Мы с Зойкой подружки.

— Как чуден мир... А ты, вообще, видела мир? За границей была?

— Да. Я слетала в Италию и Германию. Но мне нечего там делать. Ходить по музеям — скучно. Это как перебирать большой сундук с безделушками. И все сундуки похожи один на другой. Сидеть в кафе и глазеть на толпу — ещё скучнее, чего я в толпе не видела? А участвовать во всех этих походах и экспедициях — зачем? Чтобы валяться в грязи?

— Ничего ты не понимаешь в грязной романтике.

— Я помогала старшим, сколько себя помню. Мне хватило самой вульгарной и неприятной грязи. И я много лет спала летом на чердаке, где было душно и страшно. Зачем мне такая романтика? Я сыта убогим бытом на всю жизнь.

— Но ты осталась здесь.

— Так сложилось. У меня не было выбора. И мне надо кормить бабушку и отца. Без меня они пропадут.

— Очередной когнитивный диссонанс от тебя. Вижу юную красотку-озорницу, а слышу интонации ответственной кормилицы семьи.

— Два комплимента в одном. Ты мастер приятного слова.

— А что тебе нравится? У тебя есть любимое дело? То, от которого не сможешь отказаться? То, что ты будешь делать и без денег, и без славы — только потому, что это твоё?

— Мне нравится то, что я делаю. Я привела всё в порядок. У меня чисто и аккуратно, мои гости не замечают быта... И я только-только перевела дух после гонки на выживание. Я ещё не успела отдышаться и насладиться порядком. Хочу пару лет провести спокойно. А там видно будет.

— Сытое спокойствие убивает талант.

— Я в Италии ходила в школу рисования. Мне казалось, что я взмахну кисточкой и обрету себя. Но нет, оказалось, что живопись — это долгая, кропотливая работа, что нужны навыки и знания. Я рисую иногда, когда мне грустно. Только это не талант, это настроение.

— А я медициной увлёкся, когда бабушка умирала. Думал, в онкологию пойду, а потом на кости потянуло.

— Твои родители тебя поняли?

— Как сказать. У меня мама врач, и она считала, что я не справлюсь, сбегу из института. А отцу всё равно, он только спросил, сколько денег мне в чемодан положить.

Дон подтащился к нам с бутылкой, долил бокалы и невозмутимо выдал:

— Рим, дружище, никто не сомневался, что ты положишь глаз на самую красивую девчонку побережья. Но будь осторожен. Один из наших лучших спасателей

прочно держит оборону вокруг предмета своих романтических грёз.

Я смутилась:

— Дон, ну что ты болтаешь.

Рим сдержанно улыбнулся и отчалил к каким-то вновь прибывшим друзьям.

Обратное превращение сияющего гирляндами волшебного парка в заурядный, запущенный, убогий дворик прошло быстро и организованно. Будто фея взмахнула своей палочкой и стёрла краски. Хорошо, что хотя бы один сказочный вечер останется в памяти, но всё равно немного грустно.

Утром я изучила себя в зеркале. Вроде бы ничего особенного. Наташка как Наташка. А корону красоты внезапно вручили. Подозрительно это как-то. Все, кроме влюблённой Зойки, понимают, что для Дона люди — это ходячие кровеносные системы. У меня что, какая-то особенно интересная система капилляров нарисовалась?

9. ЧИСТЫЕ ДВОРЫ

Семён Торюхин шутки шутить не будет. А Вадик Торюхин шутки не будет шутить тем более. Братья Торюхины не шутилки какие-нибудь. У Торюхиных никто не шутит. Не дело Торюхиных шутки шутить...

Вадик и Семён давили на меня с двух сторон, энергично применяя нехитрый приём демонстрации своих тяжёлых тел. Два пивных живота опасно раскачивали стол, и атмосфера казалась напряжённой. Но я знала, что надо спокойно и терпеливо дать братьям повыступить. Закончив не шутить нешулки, они уgomонятся, и мы обсудим проблемы — без всяких шуток.

Опять же, волнение соседей я понимала. Вот только ты расслабился на дачке, с шашлычком да винишком, а тут и арендатор убежал, и труп прибежал, и полиция задаёт вопросы о воде, а они знать не знают ничего ни про какую воду. Не брали они мою воду. И трубу мою не трогали. И вода у меня грязная, с примесями. (Подавился ты этой водой, жадная стерва!)

Куда перенаправить мысли хозяев «Надежды» я уже придумала, поэтому как только эмоции стали затихать, со значением выдала:

— Вы не думали, что Колесников цену сбивает? Уж очень мне странно показалось. Сынок арендовал отель, потом отказался от аренды и везде растрепал, что здание плохое, сносить надо. Видел же, что берёт. Тогда в чём смысл?

Братья ушли в напряжённые размышления, и я им подсказала:

— Колесников сам хочет «Надежду» выкупить. Цену хорошую теперь если только лошара какой даст, а те времена, когда лошады тут табунами паслись, прошли. Вот он и заберёт по дешёвке.

— Зачем ему «Надежда»?

— Так он дальше Носова прижмёт. У Носова одни пионерские домики, их разом снести можно за один день. И территория получится приличная. Дальше меня выгонит, чтобы мой скверик к территории прицепить, а дом — для особых гостей выделить. Получится обычный концепт Колесникова, только в мини-формате.

— Сколько Колесников даст?

— А я-то откуда знаю? Ждите, пока он соизволит предложить. Или сами к нему идите, но тогда он вас переторгует, отдадите за полушку.

Мысль продать «Надежду», хотя бы и за полушку, братьев нежно согревала. Пару лет назад Торюхины повелись на сладкие песни об инвестициях и задёшево купили

отель, в котором сами по себе растут бабки. Отрезвление пришло после первого же сезона, когда они осознали, что вернуть своё не получится, а сама по себе растёт только грязь.

Немного покупавшись в мечтах об избавлении от гостиничного бизнеса, братья перешли к тому, что привело их ко мне. Оказалось, что это вовсе не вода, не труп и не мои шалости.

— Наташ, а ты в нашем дворе никого не видела?

— Нет.

— Мы вот странное заметили. Сторожа у нас нет, ты знаешь. Но ворота крепкие, забор высокий, а красть нечего. Позавчера мы обнаружили, что у нас половина двора выметена чисто-чисто, а на зелёной половине травинка к травинке уложена. Будто причесали всё.

— Думаете, фея чистоты выбрала ваш дворик для сказочного подарка? Полицейские там всё истоптали. Ну, подмели потом. Вы так удивились, что вам уже и причёска померещилась.

— Наташ, какие полицейские что подмели? Я тебе говорю: шарил у нас кто-то. Но что делал — непонятно. Даже в мусорном закутке чисто. И в подвале чисто. Ты же там недавно была. Паутину видела? Пыль видела? Да? А теперь там чистота и порядок. Будто убрался кто-то.

— Может, домовёнок?

— Пойди, сама глянь. Только сначала у своего забора удивись.

Мы дошли до общего куска забора, и я действительно удивилась. Часть моего дворика тоже была будто причёсана. Я перестала стричь газон, но вместо хаотичного травяного коврика видела ровные полосы. А я-то и не приглядывалась, проходила, взгляд бросала, да и то обычно в темноте. Выходит, неведомая фея потрудилась и у меня? Что за чертовщина?

Братьев моё изумление развеселило. Пока они хихикали, я присела и потрогала траву. Может, это инопланетяне постарались?

Семён присел рядом и заметил:

— Кто-то ищет у нас что-то небольшое. И мысль напрашивается, что это что-то воришка убитый или потерял, или выбросил, когда погоню почуял.

— Почему у меня? Забежать к вам от меня он никак не мог. Меня на забор Редди вытаскивал. И ловил, когда я спрыгивала. А я половчее воришки буду. Непонятно это как-то.

— Если только воришка не прятался какое-то время где-то здесь. Мог сидеть у тебя за досками. Или у нас в том же подвале. Хотя вероятнее всего, что он у Носова отсиживался. В одной из тех клетушек, что окнами в забор к улице выходят.

— Секундочку. Ты хочешь сказать, что по нашим дворам бродит убийца?

— И причёсывает нам травку.

— А вы Тараскину это рассказали?

— Мы на тебя понадеялись. У тебя ведь к Тараскину особый подход.

Семён мне свойски подмигнул. А я подумала, что будет неплохо спрятать и его труп в том же подвале.

10. КАНДИДАТКА В МАЧЕХИ

Решив, что спокойствие дороже денег, я приценилась к системам видеонаблюдения. Суммы в присланных вариантах поселили во мне невыносимое ощущение собственной бедности, и я принялась оптимизировать затраты. Увы, никаких возможностей для экономии не просматривалось. И оттого, что я прибавила к завалу

бумаг на столе ещё десяток листов с расчётами, легче не стало.

В калитку настойчиво зазвонили. На видеофоне торчала незнакомая женщина. Я нехотя открыла ей дверь, жестом показав в переговорную.

На брюнетке была одета чёрная длинная юбка, чёрный жакет, а на её плечах красовался пёстрый платок с преобладанием красной гаммы. Рот брюнетки был обозначен ярко-красной помадой, а в ушах болтались крупные гроздьи пластикового жемчуга.

И откуда этот колхоз на меня свалился?

Женщина повела плечами и томно сообщила:

— Знакомиться пришла.

— Предлагаю приступить. С кем имею дело?

Аристократично кивнув, брюнетка представилась:

— Роза я.

А я тогда Орхидеей буду. Историю проехали — цветочный базар, здравствуйте.

— Твой папа не говорил тебе обо мне?

Мой папа. Кто это? Когда я папу, вообще, видела? И он что, говорить научился?

Эка меня после Торюхиных в сторону нешуток несёт.

— Мы с Шурочкой любим друг друга. И Шурочка сделал мне предложение. Он человек и стеснительный, и гордый, ему было сложно поставить тебя в известность. Я решила сама обо всём сообщить. И какие бы препятствия не чинили нам вражеские силы, ничто не разобьёт наш союз любящих сердец.

Не понимаю. От меня аплодисменты требуются?

— Когда планируется торжество?

— Точную дату мы пока не назначили, но откладывать не хочется. Мы люди зрелые, ценим время, ведь жизнь так быстротечна!

— Роза, у меня нет никаких возражений. Ваше единственное препятствие — мой отец. Вы уверены, что он

помнит, как вас зовут? И вас не смущает его репутация? Вам вряд ли удастся его изменить.

— Ой, деточка, не будем так официальные. Обращайся ко мне на «ты». И я всегда готова поддержать любого члена нашей большой и дружной семьи. Приходи ко мне со всеми своими вопросами!

— Всенепременно.

Роза болтала без умолку, а я, сделав внимательное лицо, присматривалась к потенциальной мачехе. Чуть за сорок, полновата, но гибкая, подвижная. Много косметики, и макияж сделан с толком, взгляд отвлекается на красные губы, и кажется, что это небрежная обводка, но это продуманный штрих. Глаза подведены так, чтобы казались больше. И морщинки спрятаны. Занятно.

Она волнуется. Из-за чего? Боится, что взрослая дочка не разрешит папе жениться? Скорее надо бояться, что папа забудет, что хотел жениться на Розе, и Роза может внезапно обнаружить, что в её брачной постели оказалась Мимоза.

Даже сейчас, когда ему за шестьдесят, женщины уходят с ним после часа пустой болтовни и бокальчика вина. Кто-то из них убегает утром, кто-то остаётся на месяцы и годы, но для него это не имеет никакого значения. Он не спрашивает и не запоминает их имён. Хотя в его памяти хранится с десяток длинных поэм, которые он весьма выразительно декламирует, если надеется обольстить творческую дамочку.

— Мы бы хотели, чтобы ты со всей радостью, со всей своей широкой душой поучаствовала бы в нашем счастье...

И что я гадала, зачем она припёрлась? Это же ясно, как божий день. За деньгами. Только кукиш вам, а не моё участие. Папаша столько бабла разбазарил, а я ему свадьбу должна оплачивать? Обойдётся.

Выпроводив Розу, я задумалась.

Если отвлечься от постельных игр, в жизни отца было всего две женщины. Тетис — коварная девчонка, внёсшая в его праздное существование мощную драму, то есть меня. И Мамася — та единственная, кто сумела разбить его сердце.

Тетис почти двадцать лет никто не видел. Наверное, я могла бы её найти. Но зачем? Я-то на месте, никуда не делась, под одним именем-фамилией живу. Если бы она хотела — объявилась бы сама.

Мамася вышла за отца, когда мне было четыре года. Она была ко мне добра, и особенно любила подчеркнуть это на людях. Мы всегда вместе покупали мне подарки, она обязательно приходила в школу на собрания, она бравадно рассказывала, что девочка увлеклась рисованием. Но она же выстраивала барьер отстранённости, на который я с разбегу натыкалась, не понимая, что я сделала не так.

Мамася была всецело погружена в проблемы моего отца. Она его спасала. Героически несла крест своей тяжёлой и непоколебимой любви. И я искренне верила — без Мамаси отец обязательно пропадёт, а с ним и я пропаду, и поэтому надо помогать Мамасе, как только можно. Нельзя расстраивать её, нельзя мешать её отдыху, нельзя отвлекать болтовнёй. Можно приготовить еду, убрать посуду, принести плед.

Рим подобрал очень точное слово: тихоня. Я была тихоней.

Мамася ушла от отца в один день. И даже быстрее. Непоколебимая любовь разбилась в одночасье. Мамася встретила лихого морского волка и вспыхнула новым чувством. По правде сказать, новый муж Мамаси был намного моложе отца, и как бы я ни была потрясена, некое женское чутьё подсказывало, что волк куда круче стареющего ловеласа. Увы, волк оказался пропойцей и дебоширом. И хотя на какое-то время Мамася расцвела и похорошела,

новый крест оказался всё-таки тяжеловат.

Кстати. Что-то я давно Мамасю не видела. Надо бы наведаться, посмотреть, не спилась ли совсем. Кто, кроме маленькой тихони, оттащит её к наркологам?

Мысль о клинике окончательно меня расстроила. Работая-работаю я одна. Денег нет. Семья в запоях, загулах и маразмах. По двору шастает злоумышленник. И какие-то мутные бабы просят денег на свадьбу. Что за жизнь?

Схватив телефон, я решила разделить проблемы с лучшим другом:

— Редди, а можешь узнать, кто такая Роза Крайнова? Она утверждает, что выходит замуж за моего отца.

— Дежурный богатырь Радимир готов приступить к выполнению вашего задания, трщ генерал. Будьте уверены, всё будет исполнено в лучшем виде. В следующем тысячелетии.

— Ну, пожалуйста, Редди.

— Ладошка, не лезь ты в клоаки эти. Пусть папаша хоть на чёрте лысом женится.

— Да так-то оно так, но...

— Поехали, у Лукаса на яхте винца глотнём. Развеешься, а то голос что-то смурной. Начинай причёсываться. Буду через час.

11. ЗДРАВПРОСВЕТ

Когда в сознании просыпается Наташка-нытик, я срочно активирую Наташку-бухгалтера. И впихиваю в мозг столбики цифр. Нытик падает в обморок, остальные Наташки прикрывают его жалкое тельце распечатками, и можно спокойно заниматься делами.

Обстоятельно разложив новый слой бумаг и черновиков на столе, я открыла все умные программки, и вот уже

начала погружаться в спокойный поток «слева — дебет, справа — кредит», как от двери раздался голос:

— Привет.

Приёмный день был вчера. А сегодня я хотела побыть в тишине. Растяпа такая, калитку не закрыла. Вот Рим и просочился.

— Ты занята?

— Ага.

— Вот так основательно?

— Да. Надо кое-что подчистить.

— Твоя спина похожа на вопросительный знак. Встань и чуть-чуть походи.

— Дверь — сзади тебя.

Нет, я понимаю, что Романа Алексеевича не часто выставляют в столь грубом стиле, но мне-то что остаётся? Хмурься, не хмурься, а у меня баланс. Точка.

— У тебя какие-то неприятности?

— У меня всегда полно неприятностей.

— Отдохни, и оптимизм вернётся сам собой.

— Я вчера полдня угробила на то, чтобы затолкать ма-чеху под капельницы. А клиника для алкашей не настраивает на оптимизм, отдохнул ты или нет. Некоторых постоянных клиентов я уже в лицо знаю.

— Ты к Борисову её отвезла?

— К Чуркину. Борисов мне не по карману.

— Если хочешь, я договорюсь.

— Какой смысл? Она вернётся к мужу, а он ей нальёт.

— Твой отец тоже пьёт?

— Да нет. Отец, конечно, тоже алкаш, но не того уровня распада. У неё новый муж.

Покосившись на три коробки вина, стоящие у стены, Рим скептически заметил:

— А ты наливаешь сама себе? И, похоже, в немалых количествах?

— Открой верхнюю коробку и возьми одну бутылку. Дарю.

— Спасибо, но...

— Бери, не сомневайся. И попробуй. Это хорошее вино.

Рим достал бутылку, потом посмотрел на часы и деловито сообщил:

— Ладно. Даю тебе время до шести.

— В смысле?

— В шесть я за тобой заеду.

— И что?

— Проведу сеанс ликвидации безграмотности.

Растолковывать это экзотическое заявление Рим не стал, исчезнув за дверью, которая теперь уже некстати оказалась слишком близко.

Раз уж меня пригласили на сеанс непонятно чего, я влезла в милое платьице, которое могло бы сойти даже за коктейльный вариант. Но Рим уверенно проехал все значные места нашего города.

Машина остановилась у небольшого здания на окраине. Доктор Колесников гордо сообщил:

— Моя будущая клиника.

— Круто. А «Надежда»?

— Ты мудро уберегла меня от совершения этой большой ошибки.

— А мы сюда... зачем?

— Я провожу занятие кружка «Здравпросвет».

Интересные у докторов ролевые игры. Это ведь то самое? Или я ошибаюсь?

Рим загадочно улыбнулся, кажется, угадав мои сомнения. И пообещал:

— Увидишь. Хотя нет. Почувствуешь.

Кабинет для массажа меня несказанно разочаровал. Уныло вздохнув, я решила дать доктору Колесникову

шанс, после чего вывесить на двери мастерской памятку: «доктора не впускать».

— Закрой глаза. Вдохни. Чувствуешь? Сосны. Как будто ты идёшь по аллее. И над головой торчат шишки. Хочешь шишку? Большую, крепкую, смолистую?

— Да.

— Не подсматривай.

В мою ладонь легло что-то большое и непонятное по форме.

— Держи. Сожми в руке. Нет, не стискивай, только держи. Чувствуешь, как легко дышится? Подыши.

После этой дыхательной гимнастики, совершенно меня не впечатлившей, Рим машинально включил интонацию врача и объяснил:

— Раздевайся. И ложись. Спинай ко мне, прелестями от меня.

Фи. Только гладить будет? И всё? А мыслишка была про другой интерес. Не скажу, что я этого прямо жду. Но ведь не просто так доктор Колесников счёл, что надо обо мне побеспокоиться? Ну, допустим, у меня в мастерской не та обстановка, мужчины всегда увереннее в своих берлогах. Так вот она я, наивная девушка, согласилась зайти практически в святая святых — и всё ради того, чтобы меня по спине погладили? Это как-то дезориентирует.

Движения рук Рима стали быстрее, энергичнее, и по мне стали растекаться, расплзаться волны тепла. Но тепло это не было уютом мягкой утренней норки под одеялом, когда высунувшись, тянет залезть обратно. Это не было теплом большой вязаной кофты, которую не хочется снимать вечером, перед тем как нырнуть в ещё не согретую норку. Это тепло было стихийным, манящим и пугающим.

Я — магма... Один большой поток жизненной силы. Поток разделяющийся, закручивающийся, волнующийся,

соединяющийся, и снова успокаивающийся. Я плыву по этому потоку, и поток плывёт, потому что я его направляю. Я повелеваю его силой, и он уносит меня туда, куда я укажу. Я поток, я сила, я движение...

Я — вулкан... Вырывающаяся магма, магма бушующая и протестующая. Магма, собирающаяся в гребни гор, и магма, вспенивающая океанские глубины...

Налетевший ветерок бодрит, освежает, остужает, и вместе с тем сглаживает валы, превращает их в гладкий рельеф. Воздух несёт успокоение...

— Всё, Ташенька. Полежи минутку. И вставай.

Что?

— Вот здесь полотенце, душ рядом. Иди, сполоснись тёплой водой. Под горячую не залезай, и слишком долго не стой.

Какие-то звуки. Что происходит?

Я была я. Но всё-таки не я. Я была в каком-то непонятном теле.

Я села. И встала. И залезла в душ. Двигаться было непривычно.

Сознание уползло в какую-то нору и оттуда тихо скулило, что у него тоже есть права. Участки мозга, отвечающие за тело, собрались на банкет по случаю ниспровержения этого жалкого тирана. За всем этим маячило бессознательное, ставшее вдруг не пеленой серого тумана, а весёлым цветным облаком.

— Садись. Чай, конфета. Сахар, конечно, яд, но и мозг без глюкозы — труха.

О чём это?

А можно отложить меня куда-нибудь в сторонку? У меня мысли куда-то разбежались. И без них я себя собой не ощущаю.

— Ну? Что чувствуешь?

— Не знаю.

Красивые у Рима руки. Ладони крупные, пальцы силь-

ные, а жесты получаются мягкие, плавные. Выразительные жесты, даже если движения почти незаметны...

Нет, вот о руках лучше не думать. Лучше даже не смотреть на руки эти.

Рим отвёз меня домой, проводил до мастерской и распорядился:

— Никаких тяжёлых сумок. Не ешь острое и жирное, налегай на овощи и фрукты. Воды пей, сколько влезет. Если завтра утром растянешься, к обеду в себя придёшь. Пару дней летаешь.

Я проспала десять часов. И ещё два провалялась в блаженной полудрёме, в цветных размытых пятнах неясных снов. Почитав про растягивания в интернете, я ограничилась сладкими потягушками, которые не нарушали моей сонной гармонии.

К обеду я поняла, что мне и впрямь хочется летать. Упоительная лёгкость движений дополнялась каким-то особенно ярким видением мира. Всё вокруг было светлым и волшебным.

Я перетрясла балансы. Я разобрала свою комнату. Я настрочила все письма во все инстанции. Я выбросила программиста и наняла нового. Я нарисовала, как хочу переделать мастерскую.

Я была неправа. Я люблю массаж.

Во всём этом приятном просвещении был один подвох. Вот просветилась я. Поняла, что массаж — это не то, за что тестомесы на пляже бабки собирают. А дальше мне что с этим знанием делать?

Я попросила Маринку позвонить по телефону Рима с визитки и выяснить, как он, вообще, ведёт приём и сколько это стоит. Ответила вежливая дама. Она сообщила, что Роман Алексеевич специализируется на заболеваниях опорно-двигательного аппарата, но приём пока не ведёт, так как оформляет бумаги, необходимые для от-

крытия клиники. А вот массажем он не занимается. Это не его профиль.

Вот этого я вообще не поняла. Такое чудо — а он не занимается?

Мне-то теперь куда с этим? Я, может, ещё хочу.

Соблазнить, что ли, цезаря? Вопрос, чем соблазнять. Женских тел он наверняка навидался. И моё хлипкое и несобранное тельце, похоже, не производит на него нужного впечатления...

С чего такие мысли нахлынули? О бухгалтерии надо думать! О бухгалтерии!

А насчёт Рима незачем обольщаться. Он со мной возится, потому что я его бабушку вспомнила. Я пятно откуда-то из его детства. Он ведь так прямо и сказал: Ташенька. Что-то маленькое и пушистое. Тьфу.

12. ПЕРЕРЫТЫЕ СТОЛЫ

Свежие новости полагается распространять в понедельник с утра. Так считает Володя Носов, хозяин «Красной Кордилины». Не успев проснуться, я оказалась в гуще новостей о ходе расследования.

— Нашли менты, как воришку звали, где сидел и всё такое. Ну, псих законченный, натурально в дурке лечился. И дважды осужден за кражи. Большой на всю голову, хотя с сюжетом замысловатым. Чёрные риелторы кинули его ещё в девяностые. И он вроде как мстит им, выбирает мужика, внешне чем-то на обидчика его похожего, и крадёт у него бумажник или барсетку. Документы рвёт и портит, деньги пропивает.

— Несчастный человек. Не нашлось ему места в нашем мире.

— В прошлом году он снимал койку в частном секторе,

далеко от моря, у лимана. Платил аккуратно, но ночевал не всегда. Питался где-то отдельно, иногда приносил хлеб и сыр. Но в этом году хозяйка его выгнала. И ещё две выгнали. Он бомжевать начал, и по всему выходит, что где-то недалеко от нас.

— Да где угодно мог бомжевать. Известно, что и у кого украсть мог?

— Кто ж его знает. Ты насчёт травы неладное заподозрила. А я тебе вот что скажу. У меня весь дом обыскали.

— Батюшки...

— Меня неделю не было, я только в пятницу приехал. Смотрю — тут неровно, там неопрятно. Документы все на месте. И сейфа жулик не нашёл. Но что-то же искал?

— Траву прочесали, за дома взялись. Плохо дело.

— Все столы перерыты, все шкафы просмотрены.

— А ты в полицию заявил?

— Нет. У меня не пропало ничего. Зачем мне их носы в свои дела впускать?

— Слушай, а вдруг это убийца ходит? Раз убил — и ещё раз убьёт.

— Вопрос, что он ищет?

— Да чёрт его знает. Если бумажник или сумка были украдены, то документы, скорее всего. Но вряд ли паспорт, его в траву не спрячешь. Скорее, карточку банковскую. Хотя тоже непонятно — потерял, заблокировал, новую сделал.

— А вдруг камень драгоценный? Или кольцо какое-нибудь дорогое?

Носова, похоже, согревала мысль найти на заднем дворе потерянную драгоценность. И в полицию он её точно не понесёт. Сразу к оценщику побежит.

— Натаха, а вы с Редди ничего подозрительного не заметили, когда там были?

— Труп в одеялах отвлёк наше внимание, и мы к другим подозрительностям не присматривались.

— Может, прошли и не заметили?

— Так если бы заметили, ты бы знал.

— Ну, может, заблестела где-нибудь искорка? Может, цветное пятно мелькнуло? Листок бумаги не на месте?

Ох, как хочется Володе найти сокровище. Искорку увидеть, перо жар-птицы найти, на царевне жениться и забыть обо всех этих мерзких отдыхающих.

— Да нет, Володя, ничего там не было. Пустота.

Покопавшись в завале бумаг, я протянула ему пачку бланков:

— На, пока я добрая. Статистика новые формуляры выпустила. Отчёты придётся переделывать.

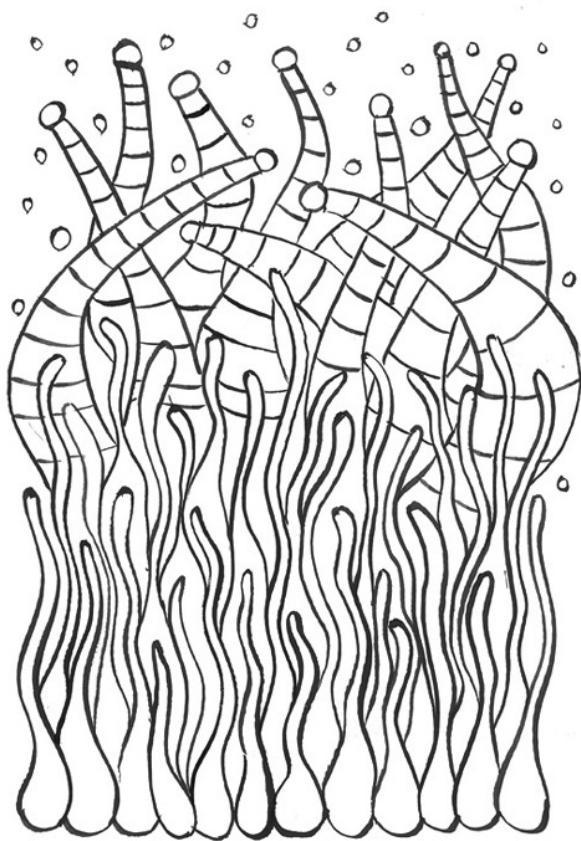
Сосед мгновенно забыл о сокровищах:

— Издеваются они, что ли? Дармоеды ползучие!

Вздыхнув вслед Володе, я задержала взгляд на вавилоне из бумаг на своём столе. Я его строила уже несколько лет. Официальные документы и отчётность я хранила у Редди, а в мастерской оставались черновики, записки, распечатки, рекламки и прочая ерунда. Можно было бы выкинуть всё разом, но мне почему-то было уютнее в гнезде из бумаги.

Если неведомый искатель чего-то непонятного придёт ко мне, его ждёт кропотливая работёнка. И будет смешно, потому что он ничего не найдёт.

ΓΛΑΦΑ 2

13. ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Я люблю ходить пешком. Потому что не люблю водить машину. Права у меня есть, и купить машину я могла бы, но вожу я плохо. Несколько раз я несильно, но была машины друзей, после чего отказалась от экспериментов по накачке себя адреналином. Гораздо увереннее я чувствую себя на пассажирском сидении. А если за рулём Редди, так я вообще орлица. Водит он легко, но с несвойственной ему серьёзностью. И он никогда не пьёт за рулём. Поэтому иногда мне приходится пить за двоих.

Редди надо было сгонять на винодельческую ферму, и он позвал меня с собой — надо же было кому-то уважить хозяев. Я науважалась до того, что пыталась спеть нечто внезапно народное на неизвестном науке языке. Хозяева фермы остались в полном восторге, Редди досмеялся до икоты, но всё хорошее рано или поздно кончается.

Обратная дорога казалась мне если не жёлтой лентой в город с зелёными человечками, то волшебной тропой сквозь лес с единорогами. Я опять же что-то пела, рассказывала Редди какие-то пошлые и неприличные анекдоты, выбалтывала смешные сплетни. Он веселился, и всё было здорово. Как всегда в таких поездках.

Удара я не почувствовала. Просто стало нечем дышать. Исчезли свет, звуки, чувства. Где-то в глубине сознания пискнул тщедушный мышонок. Потом замигал сигнал тревоги.

Подушка сработала. Это авария. Мы слетели с дороги.

— Эй, Ладошка, ты живая?

— Не знаю.

— Выпрыгивай и беги. Слышишь? Давай, пошла!

Выбраться из машины. Обойти кругом. Открыть дверь.

Это что, теперь дверь? Это измятый листик металла.

Открыть дверь. Открыть дверь. Открыть дверь.

Оторвать дверь...

Зачем эта глупая дверь на меня упала?

Лицо и руки Редди залиты кровью. Сидит неподвижно.

— Уходи, Ладошка.

— Я тебя не брошу.

— Уходи!

Ноги. Надо вытащить ноги. Левая точно сломана.

Теперь подтянуть туловище к проёму.

Я знаю, что больно, потерпи.

То, что осталось от руки, собрать в кучу.

Ну же, давай. Раз, два, взяли. Раз, два, сама пойдёт.

Это Наташа в дурдом пойдёт. Сама. Может быть.

Раз!

Глупый Редди, зачем ты на меня упал?

Раз, два, три. Когти рви. Как хорошо, что Редди нацепил эту дурацкую куртку.

Раз, два. Трава. Хорошо, что здесь трава, а не гравий.

Раз. Это вам не адидас. Хорошо, что я в кроссовках.

Вроде продвигаемся, да?

Раз, раз, раз, свет погас. Какого чёрта? Какая гнида свет выключила?

Это я мордой в земле лежу. Вставать надо.

Потом я махала руками, отвечала на вопросы, называла номера телефонов. Меня трясло, я мыла руки в каком-то туалете. Я переоделась в рваный халат, мне сделали узи и рентген, сказали, что всё хорошо. Я переоделась обратно в окровавленные джинсы, я снова отвечала на вопросы. У меня взяли кровь. Мне дали несколько пластырей.

Семья Редди ждала в холле недалеко от операционной. У главной виновницы всех бед галактики не было права ждать в холле, и меня сразу же изгнали. Я сидела на бан-

кетке в приёмном покое, положившись на милость медсестёр. Не знаю, сколько прошло времени, пока одна из них не присела рядом и не сказала, что операция закончена, состояние пациента стабильное.

Я встала и пошла домой.

14. РЕДДИ

Все знают, что Редди — моя первая любовь, мой первый любовник, и уж наверняка — мой первый муж, ибо сколько верёвочке не виться, а однажды мы набегамся, остепенимся, поженимся и нарожаем кучу ребятишек. Собственно, что ещё нам остаётся?

Мы подружились ещё подростками. Отец ходил чинить проводку в отеле, которым владела мать Редди. Я помогала в роли принеси-подайки, а Редди болтался рядом. Слово за слово, шутка за прибауткой, и мы обнаружили, что можем общаться легко и непринуждённо. Он учился в другой школе, но жил неподалёку. И мы стали проводить много времени вместе, разговаривая, гуляя, проказничая. Но не забредая в вопросы разности.

Влюблялась я в других мальчишек. В спортивных, сильных, уверенных в себе капитанов. Увлекалась я часто, но ненадолго. Один избранник прямо на моих глазах съел козявку из носа. Другого стошнило после неудачной дегустации вина. Третий почесал брюки сзади, а потом потянулся к моей тетрадке. Я спасла тетрадку, начисто излечившись от желания красоваться перед грязнулей. И так далее.

После своего шестнадцатилетия я честно призналась Редди, что не чувствую в себе никаких порывов к тому, о чём говорят все вокруг. Меня не тянуло к мальчишкам. Я не хотела обниматься с ними, мне вообще не нрави-

лось, когда до меня дотрагивались. Я знала всё о сексе, я неоднократно подглядывала за развлечениями отца, я видела самые разные выкрутасы отдыхающих, но мне всё это казалось нелепым и бессмысленным.

Редди меня не понял, но поддержал. Сказал, что некоторые мальчишки из его школы очень даже впечатлены моей красотой. Наврал, конечно, но приятно. У самого Редди была другая проблема. Он знал всё о сексе, он хотел секса, но фигуристые девчонки, которые в его фантазиях бегали за ним и бросались в него трусиками, в реальности высмеивали все попытки Редди не то, что поухаживать, но хотя бы постоять рядом.

Обсудив всё хорошенько, мы решили помочь друг другу. То есть заняться сексом. Для чего же ещё нужны хорошие друзья?

В шестнадцать я была похожа на тонкого кузнечика с неловкими руками и слишком длинными ногами. Редди был колобком — плотным энергичным коротышкой на полголовы ниже меня. Мы оба были неопытны, но любопытны. И нам помогало здоровое чувство юмора. Не сразу, но у нас всё получилось.

Иногда детям надо только дать себе время вырасти. Однако это мы сейчас такие умные, а в шестнадцать казалось, что секс-поезд уходит, и мы на него явно опаздываем. Мы взяли и запрыгнули на подножку вместе. Хорошо, что тогда об этом никто не узнал.

Редди ушёл в армию. Он мог позволить себе любую отмазку, но хотел проверить себя. Он не просил его ждать, лишь разумно напутствовал, чтобы я была осторожной. Я пару раз попробовала секс с курортниками. Физиологические реакции срабатывали, но голова оставалась холодной, и от этого всё казалось скучным.

Фейерверк чувств накрыл нас с Редди, когда он вернулся. Вернулся статным, спортивным, уверенным в себе мужчиной, за которым сразу начали бегать легкомыслен-

ные красотки. Но и вместо кузнечика его встретила чувственная Лadoшка, теперь уже на полголовы ниже, зато со всеми нужными женскими формами. Я хотела обниматься, целоваться и заниматься сексом хоть целый день.

Какое-то время мы были поглощены друг другом. Потом постепенно охладели и начали ссориться. Дошли до края, разошлись... и снова вернулись к разговорам, прогулкам, проказам, уже не путая секс и дружбу.

В пору расцвета нашей влюблённости чёрт дёрнул нас забраться на дорогую виллу очень важной персоны из правительства. Редди уверял меня, что отключил сигнализацию, что никто не узнает о нашем приключении на гигантском ложе под бархатным балдахином. Увы, кроме сигнализации на вилле оказался охранник, который перепугался и вызвал полицию. Полицейские первым делом запечатлели наши с Редди объятия под балдахином. В отчёт также попали ню-фото меня в наручниках, ню-фото Редди, лежащего у ног полицейских, да и вообще, много чего в тот отчёт попало.

Посмеявшись, начальник отделения нас отпустил. А заодно и прославил.

С аварией мы с Редди перешли на новый уровень славы. Один из федеральных телеканалов украсил свою недельную сводку происшествий коротким видео с нами в главных ролях. Безжизненное окровавленное тело. Плачущая окровавленная девушка. И сзади пылает всё, что только может пылать.

Этот ролик списали к себе в домашние альбомчики все наши друзья и знакомые. Мы же там так здорово получились. Редди так выразительно лежит. И я так трагически красива. Достоинство увековечивания.

Все знают, что Лadoшка и Редди — это навсегда.

Но как не хочется, чтобы это так быстро написали на нашем памятнике!

15. ПЕСОК И ВОЛНЫ

Цифры. Числа. Спасительная математика. Буквы. Слова. Умная литература. Совместными усилиями всех других Наташек убить Наташку-нытика! Нет, не получается? Сильна, зараза. Подпиталась негативом.

Звонят в калитку. Принесло кого-то. А день утешения был вчера.

Рим протянул мне коробку конфет:

— Я узнал о происшествии. Помощь нужна?

— Нет, спасибо.

— Ты одна?

— И очень этому рада. Вчера орда сочувствующих сожрала весь мой запас продуктов.

— Давай. я привезу.

— Я уже сходила. У меня всё есть, не беспокойся.

Рим устремил на меня внимательный взгляд и изрёк:

— Слушай, оставь все дела. Тебя сильно потрянуло. Не мешай организму восстанавливаться. Тебе надо отлежаться, отдохнуть, успокоится.

— Как же это надоело... Да не волнуюсь я. У меня несколько синяков и только. И Редди отделался простыми переломами. Опасности нет, операции позади, он в сознании, и всё под контролем. Ну почему все думают, что я должна биться в нервной трясучке?

— Потому что трясучка — нормальная реакция нервной системы. А вот твоё холодное спокойствие указывает на то, что ты подавляешь все реакции и эмоции. И это ведёт к психическим вывертам вроде посттравматических панических атак.

— Меня потрянуло. И я ничего не понимаю в твоих замкнутостях.

— А массаж хочешь?

Да! Да! Хочу. Ой, нет. Наверное, не хочу.

— А синяки не помешают?

— Заодно я на них своим опытным взглядом врача посмотрю.

Может, ему кота завести? Ну что он ко мне со своей заботой прицепился? На синяки он посмотрит. Слов нет. Красота синяков, конечно, спору не вызывает. А вот общий-то вид печален.

Но я всё равно уныло согласилась.

Кабинет показался мне уже привычным местом. Я нацелилась было забраться на массажный стол, но Рим сказал, что ещё рано. И неторопливо занялся изучением моего тельца. Послушал сердцебиение спереди и сзади, измерил давление, потыкал в моё горло деревянной лопаточкой, поизучал, как у меня прицеплены руки и дергается ли мой правый глаз, если ткнуть пальцами куда-то в левый бок. А если свести пятки, я смогу присесть? А если резко нагнусь, меня стошнит? А меня часто тошнит? А после аварии тошнило? А голова у меня не кружится?

Эта диспансеризация меня и злила, и озадачивала, и дико смущала. Я даже решила, что если дойдёт до вопросов о том, что ниже пояса, мне придётся сбежать.

Проставив какие-то мысленные галочки, Рим спокойно кивнул на стол: «Теперь ложись», после чего отправился мыть руки и болтать по телефону.

— Короче, заманил я к себе вашу беглянку. Да, проверил. Нет, можешь успокоиться. Особых проблем не вижу. Дома отлежится, если будет лежать. Но заметь на будущее, что надо бы посмотреть на кардиограмме...

Минут десять Рим обсуждал с Доном какие-то тонкости моих сердечных ритмов. На специальном медицинском языке, которого простые смертные не понимают.

Эй, а ничего, что я тут лежу? Мне холодно. И неприятно. И неудобно.

Закончив разговор, Рим соизволил объяснить:

— Ты ушла из больницы, а надо было на приготовленную койку запрыгнуть и лежать в ней ковриком.

— Мне никто не сказал.

— Всё, умолкни. Классический массаж тебе не показан. Займёмся экзотикой.

Лёгкие прикосновения казались детской забавой. Маленькие бабочки садились на спину, руки, ноги. Но не щекотали, только обозначали своё присутствие. И под их лапками я пересыпалась, перемешивалась, собиралась в маленькие горки и снова рассыпалась. Я превратилась в песок.

А потом тонкая волна смыла все неровности, превратила песок в упругую материю и откатилась. Волны набегают на берег, а потом уползают обратно. Годами, тысячами, эпохами. И так спокойно, так легко быть волной...

На этот раз моё сознание не стало никуда уползать. Оно нацепило маечку «Мне хорошо, ни с чем не приставайте». По дороге домой Рим пытался завязать разговор, и я пообещала ему рассказать все сплетни о всей администрации города, но только не сегодня. Сегодня я могла издавать только междометия: «Ага», «Угу», «Ого».

Такого же чуда, как в прошлый раз, не произошло. Я не летала, и синяки по-прежнему болели. Зато я стала спать ночью, по восемь часов, без каких-либо сновидений. Лишь под утро мне грезилось, что я иду по песку рядом с красивым мужчиной.

Не хочу я быть пациенткой. А чего хочу? И сама не знаю.

16. ТЕТИС

Персонал разъехался на зиму, и отвечать на все звонки приходилось мне самой. Часть я пропускала, потому что ленилась дотянуться до рабочего телефона или забывала его зарядить. Постоянные гости знали, что заявки надо посылать на электронную почту. А новых в это время года ждать не приходилось.

Время от времени я давала себе зарок быть аккуратной хозяйкой и не пренебрегать телефонным общением. Зарок работал максимум сутки, но я всё же обновляла его и обновляла. И очередному звонившему повезло. Я как раз только что смахнула пыль с мысленной вывески «Наташа, отвечай на звонки! Отвечай, тебе это надо!».

— Отель «Весёлые Ладшки». Чем могу помочь?

— Мне надо связаться с Натальей Ладшкиной.

— Сообщите, пожалуйста, ваше имя и контактный телефон, а также, по возможности, ваш вопрос, Наталья Александровна вам обязательно перезвонит.

— Мне бы хотелось лично с ней пообщаться. Могу я узнать её номер телефона?

С какой луны эта женщина упала? За разглашение хотя бы одной цифры из моего личного номера я премий лишаю. Ишь, чего захотела. Номер мой. Да это святое!

— Наши правила конфиденциальности строги и гарантируют неприкосновенность личных данных.

— Когда я могу застать Наталью? В какое время мне перезвонить?

— Сезон закончен, и отель закрыт. У Натальи Александровны нет строгого графика, и я не могу посоветовать вам ничего определённого.

— Хорошо. Запишите. Меня зовут Тереза Майер-Соболевская. Наталья может знать меня как Терезу Волошину. Мой номер у вас определился. Нам с Натальей необходимо обсудить личные вопросы. Передайте ей обязательно.

Я буду ждать её звонка.

Тереза. Волошина. Мать моя, женщина... Нет, то есть натурально — мать. Моя мать. Мать её. Мааать!

— Вы записали?

— Да незачем, я не забуду. Я и есть Наталья. Что за личные вопросы?

— Ты ведь знаешь, кто я.

— Женщина, которая меня родила. Да, знаю.

— Я хочу познакомиться с тобой. Узнать, что ты за человек. Попытаться наладить отношения.

Деньги? Ей тоже нужны деньги? Нет, нельзя быть такой циничной. Ну, мало ли, может, кирпич ей на голову упал, просветление снизошло, потянулась душа к родному человеку.

— Наташа, я понимаю, это неожиданно для тебя. И непросто. Но я думаю, у тебя есть вопросы. Я постараюсь дать ответы.

— Хорошо. Приезжай.

— Я бы хотела, чтобы ты приехала ко мне. У меня большой дом, места хватит.

Начинается. Ей отношения понадобились, не прошло и двадцати лет. А я, значит, всё бросай, в самолёт прыгай.

— Сейчас у меня много дел. Всё распланировано. Через месяц-полтора будет окно. Я сообщу конкретные дни. И я остановлюсь у друзей. У них большой дом, к которому я привыкла.

— У тебя есть два брата. Ты, наверное, захочешь увидеться с ними.

Какая интересная постановка вопроса. Не успела ты, мать, свалиться мне на голову, как уже пытаешься продиктовать, чего мне надо захотеть.

— Тереза, я пока сформулирую свои вопросы.

— Я прочитала в интернете, что ты директор отеля. Это успех для твоего возраста. Я рада, что ты добилась так многого.

А если бы я сидела за грабёж, тебя, мать, не потянуло бы наладить отношения? Приятно обнаружить успешного ребёнка в готовом виде, да?

— Расскажи коротко, кто ты?

— Психолог, писатель, критик. Я занимаюсь различными телепроектами. Культура, искусство. Возможно, тебе знакомо моё лицо, только ты не знала, что я — твоя мать.

Так-так. Задекларировала всё-таки именно эти отношения. Ты — мать.

— Я дитя интернета. Посмотрю на досуге.

— Тебе надо о многом подумать. Позвони мне, как немного разберёшься.

Послушав короткие гудки, я набрала в поисковой строке: Тереза Майер-Соболевская. Выпали ссылки на сайты женских журналов, психологические передачи, эзотерические тесты, телевизионные анонсы.

Я нашла страницу матери в социальной сети. Ухоженная женщина горделиво рассказывала о своей счастливой семейной жизни, делилась впечатлениями о поездках, рассуждала о благотворительности. Друзья восхищались тем, что ей удаётся совмещать материнство и карьеру, но в целом это был типичный профиль человека, которому важен красивый фасад.

Что ж, мать, пришло время познакомиться поближе. Залезть под красивую оболочку и побродить по дому с привидениями. Кто знает, что там спрятано.

Если ты с миром, то так тому и быть. Я в любом случае тебе благодарна. Я живу — и это данность, которой я обязана тебе. Если тебе нужна помощь — я помогу. Но если у тебя какая-то своя игра, не обижайся, я в неё играть не буду.

Началось всё четверть века назад. Подросшие детки, окончившие первый курс, воображали себя совсем взрослыми. Они придумали отличный план. Поехать на море

всем вместе. Встречать рассветы, провожать закаты и жить на свободе.

Рассветы у нас всегда прекрасны, но одна детка кое-чего не учла. Она никогда раньше не ночевала в палатке. Ей было жёстко и холодно, она боялась насекомых, и у неё не было мягкого одеяла.

Дня через три своих терзаний заплаканная дева в беде встретила на пляже мужественного капитана, который тут же предложил деве занять его апартаменты. Он не мог допустить, чтобы дева страдала, и согласен был уступить ей своё роскошное жилище с мягкой кроватью и тёплым душем. Разумеется, вечером капитан корректно удалился, хотя его взор и пылал нежным обожанием к прекрасной деве. Ну и кто бы устоял, как говорится.

Мастеру курортных приключений было тридцать восемь. И обычно женщины уходят от него без ломания копий и сожжения мостов. В назначенный день студентка уехала, с грустным взором, но без драмы на сердце. Приключение было, приключение сплыло, пока, любимая, не вспоминай меня.

Тереза вернулась на майские праздники и вручила обалдевшему ловеласу кулёк с младенцем. Ей некуда было деть ребёнка. Если бы её строгая мать узнала о рождении внучки, то она бы сильно рассердилась и отругала дочурку. Новогодние каникулы Тереза якобы провела у подруги, но снова и снова откладывать визит домой было рискованно. Да и летняя сессия маячила впереди. Не бросать же учёбу из-за недоразумения?

Отец, пребывая в стрессовой прострации, сходил и оформил свидетельство о рождении, заменив какие-то нужные справки купюрами с портретами американских президентов. А потом проводил Тетис на вокзал. Морская богиня Тетис ассоциировалась у него со стихией и хаосом. Поэтому он Терезу так и прозвал — чтобы как-то отличать от заек и кошечек.

Тереза появлялась ещё три или четыре раза, всегда летом и наспех. Она уверяла, что скоро заберёт дочку с собой, что ей надо только доучиться, что она не оставит малышку, что она заберёт её в хорошую жизнь. Но когда время учёбы прошло, Тереза перестала приезжать.

Отец нисколько не грустил по этому поводу, сплавив меня Бабане. Потом появилась Мамася, и упоминать Тетис стало неприличным. В раннем детстве я не слишком интересовалась, куда она делась. А когда подростком стала задавать вопросы, оказалось, что ответов нет, как нет и никаких контактных данных Тетис. Остались только три фотографии, свидетельство о рождении и я.

Но вот Тетис выплыла из какого-то своего хаоса на наши берега. Почему? Зачем? Что несёт мне этот неожиданный вираж?

17. ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ АВАРИЯ

Звонок Тараскина показался мне странным. Совсем в полиции людей, что ли, нет? Почему он один должен разбираться и с трупами, и с авариями? Должна же быть какая-то специализация?

Я притащилась в полицию, и Тараскин загрузил меня бездной рутинных вопросов, которые ему вот обязательно нужно было мне задать. Кто был за рулём, кто сколько выпил, кто пристегнулся, кто отвернулся. Занудство.

— Вы видели, что происходит на дороге?

— Нет. Я болтала и смотрела в другое окно.

— Вы видели другие машины незадолго до аварии?

— Может, и видела. Но я выпила много вина, и нечётко представляла себе, что происходит вокруг.

— А Редди пил вино?

— Нет.

— Редди ведь часто ездит по этой дороге?
— Не часто, но регулярно.
— О его поездке было известно заранее?
— Редди предупредил меня за неделю.
— Кто-то ещё знал о вашей поездке?
— Друзья Редди могли знать.
— Вы можете оценить скорость машины в промежуток времени до аварии?

— Скорость была небольшой. Редди гоняет только на прямых и пустых трассах. Он аккуратный водитель.

— Вы можете оценить состояние машины перед поездкой?

— Нет. Я плохо в этом разбираюсь. Но Редди относится к машинам бережно. Вряд ли что-то было неисправно.

— Сколько у него машин?

— Три.

— Он выбирал машину для этой поездки?

— Да. И выбрал самую дорогую и престижную. Ему хотелось немного покрасоваться.

Тараскин показал мне фотографии с места аварии — сгоревший остов машины сбоку, спереди, сзади, сверху.

Приятных ночных сновидений, дорогая пострадавшая.

— Вы не сами по себе вылетели. Вот здесь — след от удара другой машиной. И на дороге остался её тормозной след. Вас подтолкнули, и пара экспертов считает, что это было сделано специально. Эта другая машина пошла на обгон, Редди сместился вправо, пропуская её. Но когда она поравнялась с вами, она вильнула вправо, и правой стороной передней части врезалась в вашу левую дверь.

Была ли вторая машина? Видел ли её Редди? Я-то понятия не имею.

— На этом участке дорога не прямая, есть не то, чтобы поворот, а изгиб. Вашу машину развернуло и бросило направо, в то время как дорога ушла чуть левее. Вы кувыркнулись, а другая машина спокойно уехала.

- Вы считаете, что это была намеренная авария?
- Да.
- Но зачем?
- А вот это интересный вопрос. Вы знаете, чем занимается ваш друг?
- Он спасатель.
- Периодически — да. А чем он занимается в остальное время?
- Наслаждается жизнью.
- Он много ездит, встречается с большим количеством разных людей. Эти поездки не похожи на увеселительные.
- Я не вникаю в его дела. А то, что мы иногда обсуждаем, не подлежит разглашению.
- Редди говорил вам об угрозах в свой адрес?
- Нет.
- Вы попадали в какие-нибудь сомнительные инциденты?
- Нет.
- Кто-либо из знакомых Редди испытывает к нему выраженную неприязнь?
- Он весельчак, душа компании, человек без проблем. Ему частенько завидуют, причём даже те, кто заведомо богаче, у кого высокий социальный статус. Иногда он раздражает людей, есть такое.
- Я рассматриваю аварию как покушение на убийство. И самым вероятным мотивом этого покушения являются какие-то дела вашего друга.
- Покушение? На Редди? Ну, допустим. А меня за что? За компанию?
- Но есть ещё тот момент, что вы и Редди вытащили на свет тело, о котором никто не узнал бы, если бы не ваш энтузиазм в изучении чужих закоулков. Вы свидетели, и вы могли увидеть что-то, что вам кажется неважным, а для убийцы представляет опасность.

— Что мы могли увидеть? Тюк, из него нога торчит. Вот и всё.

— И тем не менее. Сядьте дома и внимательно запишите всё, что сможете вспомнить и описать. Каждая деталь важна. Лучше я утону в ваших описаниях тысячи травинок, чем мы пропустим крохотный ключик.

— Хорошо.

— Вы с Редди часто путешествуете по чужим домовладениям?

— Нет.

— Но вы не первый раз оказываетесь в пустом доме без разумных объяснений причин вашего интереса к чужой недвижимости. Припомните ваши экскурсии за последнее время. Быть может, вы стали свидетелями чего-то другого, что тянет на мотив убийства?

— У нас не было других экскурсий.

— Будьте осторожны, Наталья Александровна. Вполне возможно, что ваша живучесть раздражает убийцу, и он пойдёт на новое покушение.

То есть Тараскин без работы не останется. Видимо, поэтому он так радостно мне улыбается.

18. СИЛА ДУХА

Всё бывает в первый раз. Редди первый раз попал в больницу.

Оказалось, что довольно сложно остаться неутомимым весельчаком, когда ты зависишь от равнодушных девиц, бесстрастно втыкающих в тебя катетеры. И когда зверски чешется левая рука и левая нога, замурованные в гипс. И когда все твои близкие находят особенное удовольствие в издевательствах над беспомощным человеком.

Друзья и знакомые звонили мне в печали и тревоге.

В больничной постели их встречал измождённый страдалец, сопровождающий любые речи тяжёлыми вздохами и многозначительными паузами. Многие начинали мне рассказывать о том, что в любых испытаниях важно сохранить силу духа. А Редди упорно не желал проявлять эту самую силу духа. Да что там силу. Многие не могли найти хотя бы какой-то призрачный дух.

Мама сидела у его постели часами, уговаривая сыну-лечку проглотить хотя бы ложечку каши. Кашку мама варила на травяном настое. Травки для настоя покупала в монастыре. И сия благословлённая, намоленная еда должна была обязательно помочь больному ребёнку. Если только он заставит себя её проглотить.

Сестра утопала в слезах, держа Редди за здоровую руку и рассказывая ему о том, как важна очистка чакр, приём чудо-порошка из Китая и любование позитивными рисунками котиков.

Отец принёс сыну несколько каталогов автомагазинов, посвятив пару часов актуальнейшей проблеме, какую новую машину загипсованному Редди нужно вот прямо сейчас купить.

Семья Редди полагает, что я — плохая девчонка, к которым тянет хороших мальчиков из хороших семей. Раз уж потянуло, делать нечего, но Редди — мальчик благоразумный, и у него это скоро пройдёт. Поэтому обычно я стараюсь не пересекаться с его семейством. Но не бросать же дружка совсем на произвол судьбы? Я посещала его в вечернее время, когда это, в общем-то, запрещено. Хорошо, что у нашей больницы свои особенности. Иногда после девяти вечера наступает половина четвёртого.

Легко постучав по двери палаты, я заглянула и шёпотом спросила:

— Эй, мумия, колбаски хочешь?

— Давай быстрее. И где тебя только носит? Неужели

нельзя соблюсти строгий график кормления лучшего друга?

— Держи свои калории. Котлета, пюре, и салатик вот здесь. Соком запьёшь.

Соседи Редди по палате, наблюдая цирк с явлениями поочерёдно то мамы с кашкой, то подружки с лотками еды, посмеивались и отпускали не самые приятные шуточки. Но я понимала, что многие завидуют Редди, поэтому старалась быть незаметной. Редди мне в этом не помогал.

— Сядь сюда. Потискаю тебя хоть немножко.

— Уймись. Дон сказал, что всё хорошо. Скоро ты встанешь.

— И зачем ты его на меня натравила? Мало мне всех прочих консилиумов?

— Он здесь работает. Очень полезная опция.

— Ты к Тараскину ходила?

— Да, но я не понимаю, за что нас можно убить.

— Загадка, зачем нас убивать так? Авария — это риск и для того, кто её устроил. У той, второй машины, должно было половину морды разворотить. И мы выжили. Всё это не похоже на умный план. Я успел подумать, что как ты частенько остаёшься совсем одна в отеле, так и я ночую там, где даже ты меня не найдёшь. Зачем нападать на нас на дороге?

— Ты не вспомнил ничего про труп?

— Нет. Но мне пришло в голову, что Колесников может знать больше, чем говорит. Все относятся к нему, как к новичку, но он здесь вырос, и тело оказалось на его территории. Может статься, что доктор не так прост, как кажется.

— Да вряд ли, ему бы всё о скелетах болтать.

— В деле твоего обольщения он не продвигается?

— Слушай, я уже мысленно на всё согласилась. А он — «массаж, массаж». Нет, массаж классный, никто не спо-

рит. Но он же не обольщает, он не то лечит, не то воспитывает. Я не понимаю, чего ждать, и как себя вести.

— Ладошка, так он тоже не понимает. Чувствует, что несёт его куда-то, но пока ещё не догоняет, куда и зачем.

— Ты, правда, думаешь, что он может быть опасен?

— Не знаю. Но присматривайся, мало ли что. И молодец держи под рукой.

— Ладно. Мне пора, побегу. Держись, мумия.

— Если вдруг что-то стрясётся, Лукас поможет.

— Ничего больше не стрясётся. Всё будет хорошо.

19. ТОПА—ТОПА

Бабаня бывает на редкость непрошибаемой. Но если какое-то её двадцать пятое чувство улавливает, что все вокруг чем-то взбудоражены, то флюиды этой взбудораженности умножаются в ней на два порядка, и она вносит в общую нервозность свой, весьма значительный вклад.

Где Редди? Не обидела ли я мальчика? Не обидел ли меня мальчик? Я должна понимать, что приличные девушки не позволяют себе ничего лишнего до свадьбы. А, кстати, когда уже я сделаю Редди предложение? Ведь мне нужно будет сказать ему «нет». Я слишком хороша для этого шалопаю. Куда запропастилась кастрюля с жёлтым грибочком на розовой ножке?

Запропастилась не только кастрюля. Часть постельного белья оказалась сложенной на заброшенной помидорной грядке. В кухонном шкафу оказались крючки и грузила покойного деда. Смешались все документы и фотографии.

Разбираться со старыми вещами мне не хотелось, я только складывала их по более-менее разумным местам. В хозяйстве Бабани ещё хранились новые кастрюли и какая-то купленная впрок одежда. Но ничего из накоплен-

ного барахла мне было не нужно. Весь этот хлам уже не мог никому пригодиться и доживал свой век вместе с Бабаней. Но всё равно приходилось с ним возиться.

Провозилась я до ночи, и, вспомнив советы доктора Колесникова, решила не нагружать себя, остаться ночевать в старом доме.

Не знаю, почему некоторые люди так прикипают к старым постройкам. В детстве я как-то мирилась с этим домом. Ничего другого не оставалось — это было единственное место жительства. Но когда я попробовала жить в других местах, оказалось, что этот дом — самый неудобный дом на свете. В нём никогда не было приятной температуры, не было воздуха, не было комфорта. Бестолковая планировка и дурацкая мебель дополняли впечатление несуразности.

В старом доме мне всегда плохо спалось. С трудом засыпая после пары часов бессонницы, я просыпалась разбитой и уставшей. Но нынешнее трудное просыпание дополнилось острым стаккато в голове: дым-дым-дым.

Дым! Дым — это беда.

Собраться. Оглядеться. Дым из-под двери. Окно в рамке яркого пламени.

Вариантов нет. Надо прыгать в рамку.

Сегодня на арене наша знаменитая цирковая обезьянка Наташа! Вашему вниманию будет представлен уникальный трюк!

Одеяло на руки. Выбить раму. Вылезти. Упасть.

Рука горит. Конец бухгалтерии.

Чёрт! Весь дом горит.

Откашляться. Вправо. Простыню на голову.

Дверь. Проклятая щеколда. Ну, упали уже, железка ржавая!

Ни черта не видно.

Бабаня! Молодец, что встала. Полотенце на голову. Теперь бежим.

Топа-топа... Топа-топа... Как прекрасна эта... Европа...
Ну же, давай, поторапливайся.
Огонь... Топа... Опа! Балка упала.
Хорошо, что сзади.
Нога горит. Конец обезьянке.

Потом я махала руками, отвечала на вопросы, называла номера телефонов. Меня трясло, меня куда-то несли. Я переоделась в чистый халат, мне сделали узи и рентген, сказали, что всё хорошо. Меня обмотали бинтами. У меня взяли кровь. Мне дали несколько таблеток. Я отвечала на вопросы. Меня везли. Я сидела на банкетке...

На приличный подвиг мои травмы не потянули. Ну, если только ногу я обожгла чуть сильнее. Но операций не требовалось, в переливаниях я не нуждалась, аппарат искусственной вентиляции лёгких, который ждал наготове, остался неиспользованным. Да и вообще, вы обалдели, здесь же реанимация, зачем вы здорового человека сюда привезли?

У меня сложилось ощущение, что и госпитализировали меня только по просьбе Тараскина. Он сказал, что ему, конечно, проще охранять меня в камере предварительного заключения. Но мало ли, пресса прознает, напишет, что он женщину в застенках гноит. Неудобно выйдет. Пусть я пока в больнице полежу. А там уже или убийца найдётся, или труп в морг далеко возить не придётся...

Я оказалась в тихой палате, в чистой постели. Суматоха схлынула, лекарства сняли боль, но заснуть я так и не смогла.

Кто и за что пытается меня убить?

20. СТЕЧЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Тараскин не улыбался. Я бы даже сказала, что он был скучен и уныл. Он показал мне фотографии пепелища и констатировал, что причиной пожара стала работающая плита, на которую упала занавеска. По всей видимости, Бабаня впала в маразм, забыла выключить опасное бытовое оборудование, а карниз вывалился сам собой от старости. Стечение обстоятельств.

Я была абсолютно уверена, что плита выключена. Я не ложусь спать, не проверив все ключевые точки. Я и отель-то обхожу, не то, что дом Бабани.

Карниз никак не мог вывалиться сам собой, потому что я его прикручивала весной. И прикрутила я его нормально, на новые дюбели, на новые держатели, да и сам карниз был новым. А даже если бы карниз упал сам собой, занавеска никак не могла попасть на плиту.

Могла ли я проспать появление в доме какого-то злоумышленника, который начал бы сооружать текстильную инсталляцию на плите? В общем-то, нет. Но если подумать, то да. Однако зачем кому-то следовать столь безумной идее? Если уж поджигать дом, то внутрь заходить незачем. Достаточно бензина на угол плеснуть, спичкой чиркнуть, и готово дело.

Следующее сообщение Тараскина изумило меня ещё больше:

— У нас нет возможности выставить охрану около палаты. Но больничная охрана предупреждена, в любых сомнительных ситуациях вы можете добежать до поста и попросить помощи. Я также распорядился ограничить доступ в отделение, поэтому предупредите своих посетителей, чтобы они брали с собой паспорт.

Добежать до поста. Какая милая перспектива. Отчаявшаяся Наташа мчится по коридору в окровавленной сорочке, отмахиваясь шприцом от злодея в чёрной маске.

Это Голливуд какой-то, а не больница. Хотя побежать-то я не смогу. Я буду отступать, привлекая забинтованную ногу. А ко мне будет ползти зловещая тень...

— Я выяснил, что вы являетесь владелицей и участка, и погоревшего дома.

— Да. Дедушка приватизировал всё на себя, как только такая возможность появилась. Потом он оформил дарственную на меня.

— Ваш дом — последний старый дом на улице. И среди ваших соседей были недовольные тем, что это «бельмо» торчит у них под носом. Насколько я знаю, вы неоднократно получали предложения от потенциальных покупателей. И ваше упрямство многих раздражало. Были и угрозы поджога.

— Я не думаю, что угрозы были серьёзными. Обычные склочные выкрики: «Да я тебя!», «Да я с тобой!», «Да я сожгу!». Когда люди распаляются, орут много угроз. Но в целом, у меня спокойные отношения с соседями.

— Вы уже подумали, что будете делать с участком?

— Для начала получу пачку справок и пойду к страховщикам. Потом уберу завал. Оценю, сколько стоит участок. И проведу аукцион среди соседей. Кто больше даст, тот и расширит свою территорию.

— То есть прямым следствием пожара будет продажа участка? А то, что дом сгорел, лишь плюс — теперь вы сами разберёте его остатки, и новый покупатель получит уже очищенную площадку.

— Сначала вы уверяете меня, что пожар — случайность, теперь внушаете, что это кто-то из соседей позаботился о своих интересах. Предполагая, что их коварные замыслы заставят меня бегать по больнице. Это я чего-то не понимаю, или вы темните, но с включённым прожектором?

Тараскин пожал плечами. И повернул прожектор в другую сторону:

— Ты, Наташа, женщина красивая и необычная. Половина побережья по тебе обмирает. Болтают о тебе разное, и не всегда доброе. Оно и понятно. Женщины завидуют, мужчины злятся. Подумай, может, кому-то из мужчин ты улыбнулась, а он решил, что это аванс? Может, у кого-то из твоих мужчин жёны на подлости способны? Может, разошлась ты с кем-то, кто отомстить захотел? Перебери в голове мужчин, рассмотри, поразмышляй. Может ли такое быть, что ты — центр чьей-то жгучей, неутолимой злости?

Пришлось чистосердечно сознаться:

— Так у меня нет мужчин. Только Редди.

— Да-а... И за одну твою пустяковую фразу мне уже хочется его убить...

Тараскин ушёл, а я призадумалась.

Что-то количество упоминаний моей красоты резко в плюс ушло. И где все эти мужчины, что по мне обмирают? Кто они? Почему они прячутся в своём глухом подполье? Я готова увидеть лица своих поклонников! Несите мне цветы! Короны! Мамонтов!.. Ну, хоть бы колбаски кто принёс... Я на больничной диете точно ноги протяну.

Болтуны они, а не мужчины. Вот в чём проблема.

21. СОЧУВСТВУЮЩИЕ

Маринка привезла мне батон хлеба, бутылку вина и пять сборников sudoku. Вино она выпила сама, а sudoku я раздала соседкам по отделению.

В пакете Зойки оказалось три шоколадки, килограмм винограда и стопка журналов по медицине. Шоколадки Зойка съела сама, виноградом мы угостили сестёр на посту, а стопку журналов торопливо забрал Дон.

Другие сочувствующие не отличались особой фантази-

ей, и к вечеру я собрала неплохую коллекцию шоколада, печенья и глянцевых журналов.

За день я належалась на спине, на животе и на обоих боках. Я постояла на коленях, на четвереньках и попробовала постоять на лопатках. Я успела побыть колобком и удавом, лягушкой и палочником. К вечеру я придумала, что можно перекинуться через спинку кровати и поджать ноги. Тогда из меня получается коврик.

Именно раскачивающийся коврик и встретил доктора Колесникова.

После этого попытка сделать несчастное лицо уже не прокатила.

— Я рад, что ты не так плоха, как Дон мне расписал.

— Да меня послезавтра отпустят. Завтра ещё раз повязку поменяют, а потом снимут — и всё, домой.

— Будь осторожна. Ожоговые раны трудно заживают и легко воспаляются. На таблетках легко прыгать, но не всё так просто. Будет больно. Ты будешь хромать. И не сможешь ничего делать. Какое-то время, конечно.

— А можно не запугивать меня заранее? Мне уже назначили человека, который по утрам рассказывает мне всякие страшилки.

— Держи. Книжка тебе. Почитаешь на досуге.

— Спасибо.

— Здесь в пакете конфеты ещё. Но сразу все не ешь. Живот заболит.

Ой, Римушка, а в какой детский сад ты меня записал? А мы завтра туда пойдём, да? А мне надо будет колготки надевать? Самой? Впереди один шовчик, сзади два. Я правильно запомнила? А можно я шапочку с помпоном возьму? И сарафанчик на пуговицах? И куколку?

Рим задумчиво разглядывал меня, причём где-то в районе груди и талии. Я уже собиралась отпустить какую-нибудь шуточку, как догадалась, что изучает он не меня, а рисунок на моей футболке. Неистовая спираль

раскручивалась строго по квадратам, а потом вдруг сминалась, шла волной и вырывалась на волю.

— Забавная картинка. Это побег из матрицы?

— Нет. Это математика в обмороке.

— Как и некоторые зрители. Присматриваться, пожалуй, рискованно.

Я попыталась объяснить:

— Это спираль Дюрера, самое простое построение золотой спирали. Такая улитка рисуется по квадратам со сторонами из чисел Фибоначчи. Каждое следующее число является суммой предыдущих. Но вот здесь, видишь, вторгается острый угол. Смысл такой, что урбанизм крушит совершенство природы. А природа всё равно торжествует. Не на этом витке, так на следующем.

— Круто. Не зря ты в Европе училась. Но к лекции о концептуальном искусстве я не подготовился.

— А причём здесь Европа? Я сама это нарисовала.

Доктор Колесников ещё раз внимательно изучил рисунок и рельеф моего тела, едва заметно пожал плечами и перевёл разговор в сферы, далёкие от искусства:

— Слушай, а расскажи мне, как твой отель люди находят? Я посмотрел, сайт у тебя почти пустой, рекламы нет. Но ты уже на будущий сезон половину мест расписала. Поможешь мне понять, как в клинику людей пригласить? У меня будет много дорогих программ и курсов, и как бы я ни хотел помочь всем, привлечь мне надо состоятельных клиентов.

Чуть поразмышляв, я углубилась в дебри маркетинга. Рим аккуратно конспектировал всё на больших листах бумаги, время от времени уточняя детали или прося дополнительных разъяснений. Через пару часов возник вполне конкретный план первичного продвижения клиники. И я, конечно, пообещала, что все мои гости будут знать о лучшем медицинском центре побережья.

— Спасибо. Я хоть немного разобрался.

— Тебе спасибо. Я от больничных мыслей отвлеклась.

Рим ушёл, и мне стало грустно. Понятно, что никакой маркетинг ему сейчас не нужен. Да и разберётся он прекрасно сам. Он действительно меня отвлекал. Но почему же маркетингом? Неужели нам поговорить больше не о чем?

Потом я заметила, что Рим подарил мне собственную книжку. Книжка была посвящена тонкостям соединения связок, сложным вывихам, загадочному фасцию и методам восстановления неподвижных старушек до бодрых ключек, самостоятельно бегающих по поликлиникам. На первой странице красовался автограф: «Моей доброй пациентке Таше».

Почему-то мне вспомнилась аллея памятников на нашем кладбище. Там тоже много надписей типа «Моему доброму ангелу».

Всё бы мне про памятники думать. Это депрессия. Точно.

Ближе к полуночи раздался скребущий звук, который наострил мои уши, обострил обоняние и приготовил ноги. Пожар? Потоп? Метеорит? Пора бежать?

Дверь приоткрылась, и в неё всунулась довольная физиономия Редди:

— Эй, Ладощка-одноножка! Колбаски хочешь?

Двое болящих с подозрительно благодетельными лицами привезли ко мне дружка на инвалидной коляске.

И где Редди достал такой вкусенький, такой жирненький сервелатик? Умм, пожалуй, всё съем. И конфеты доем заодно. Это вот другое дело. Так и поболеть можно.

22. РАЗОБРАННЫЕ БУМАГИ

Я зря думала, что это будет смешно. В первый момент мне стало очень страшно.

Если бы я увидела погром, свалку, следы вандализма, я бы меньше испугалась. Но за те несколько дней, что я была в больнице, неведомый злоумышленник разобрал все мои бумаги. И аккуратно сложил их стопочками. Лист за листом он брал их со стола и перекладывал в ровные столбики у стены. Сортировал по датам и размеру.

От картинки столбиков мне стало нехорошо.

Взяв себя в руки, я осмотрелась. Искатель чего-то неведомого протёр пыль над и под батареей и перебрал все инструменты. Педантично вынимал по одному ящики с полка, чтобы заглянуть, не спрятала ли я его сокровище в один из них.

Это сколько же времени ему понадобилось? И почему никто не заметил, что у меня такое творится?

Ответить на последний вопрос было очень легко. Маринка думала, что это мой отец, который должен был бы присматривать за отелем. Володя не стал ничего проверять. А отец, увлечённый невестой, решил, что и сам отель постоит, куда не денется.

С чем злоумышленник не справился, так это с сейфом. Он аккуратно выпилил замок, но дверца всё равно осталась намертво прилепленной к остальной коробке. Помедлив, я взяла фонарик и попыталась заглянуть внутрь. Виднелась только задняя стенка. Если в сейфе что-то и было, то оно лежало ниже уровня дырки.

Вздохнув, я позвонила Тараскину.

Тараскин примчался, сияя радостной улыбкой:

— Наташа, а ситуация-то проясняется!

— И кто злодей?

— Так сразу не скажу, но цепь событий предельно ясна.

— Я рада. А мне расскажешь?

— Сюр украл бумажник, в котором находилось нечто ценное для искателя. Сюр или выбросил, или спрятал ценность где-то на территории ближайших отелей. В зависимости от того, понимал ли он, что именно украл. Искатель убил Сюра, но не нашёл своей ценности у него. Но он понял, что она где-то рядом. И теперь он обыскивает все окрестности. Он, разумеется, не хочет оставлять улики, поэтому работает в перчатках и стирает следы своего присутствия — отпечатки обуви, рук, тела на пыли.

— Что-то я пока в тумане.

— Сначала искатель тщательно осмотрел всю «Надежду». Потом Владимир Носов уехал из «Кордилины», и тем самым предоставил искателю возможность обыскать и территорию, и все домики. Но ты торчишь здесь постоянно, а если уезжаешь, то без всякого плана, то на час, то на день. И я думаю, искатель был сильно потрясён, когда увидел твой стол. Ему нужно было много времени, и он постарался избавиться от тебя. Сначала он организовал аварию, а когда она не удалась, поджёг дом, в котором ты находилась. Ты оказалась в больнице, и он приступил к работе.

— Своя логика в этой теории есть. Но я вижу в ней много нелогичных допущений.

— А именно?

— Нелогично искать то, что потерял искатель, уже после того, как всю территорию прочесали полицейские. Ещё глупее искать потерянное в наших домах. Если бы Володя нашёл, скажем, кольцо, то перебирать мои бумаги можно было бы до посинения. И Сюр никак не мог ничего спрятать на моём столе. Зачем искателю разбирать завалы прошлого года?

— То, что он ищет — бумага. Я уверен.

— И почему он уверен, что я не смела её в мусор?

— Ты ничего не считаешь. Ты пристраиваешь все бу-

маги в бумажный город, который, к сожалению, прекратил своё существование. Но постройка была интересная.

— А Володя? Он-то не копил бумаги.

— Поэтому его первого проверили.

— Надо предупредить Марину.

— Я незамедлительно этим займусь. Но я бы хотел проверить ещё раз всё то, что просмотрел искатель. Ты разрешишь мне перебрать твои бумаги?

— Ты надеешься, что он ошибся и просмотрел свою драгоценность?

— Всякое бывает.

— Скажи, а что это такое? Ну, хорошо, пусть бумага. Но это же не купюра, правда? Что может быть ценного в бумаге, что из-за неё надо убивать человека и прочёсывать чужие дома?

— Слова, цифры, факты. Возможно, какая-то компрометирующая информация. Если на бумаге признание в преступлении, то уликой оно не будет, но направление расследования укажет.

— То есть ты надеешься прибавить себе работы?

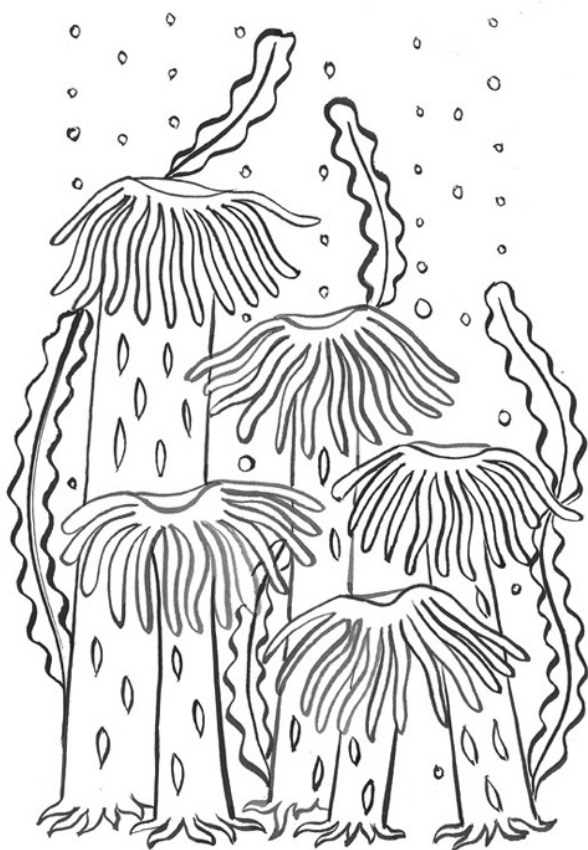
— Я люблю разгадывать загадки.

Я нашла нужные данные в интернете за десять минут. Уже на следующий день ко мне явилось два здоровяка, которые выпилили дверь сейфа. Сейф оказался пуст. Внутри разбегалась паутина ржавчины — и только.

Здоровяки прислонили дверцу обратно, запаковали свой инструмент и уехали.

А я села к пачкам бумаги и начала перекладывать листы из стопки в стопку, из пирамиды в пирамиду, из угла в угол.

ΓΛΑΦΑ 3

23. ЧЁРНАЯ БАШНЯ

Я терпеливо ждала Редди, сидя на лавочке в больничном сквере. Редди просчитался с тем, сколько сможет проехать, и теперь ему приходилось делать остановки и передышки через каждые несколько движений. Коляску разворачивало и мотало, траектория была далека от прямой. Но деваться было некуда. Я не могла ему помочь — это нанесло бы его гордости приличную пощёчину.

Добраться до меня он добрался, но какое-то время говорить не мог. Встреча получилась скомканной, и я настояла, чтобы одна из медсестер отвезла его обратно.

Посидев ещё немного, я соскреблась с лавочки и уныло поплелась к выходу.

— Таша!

— Привет, Рим.

— Что-то случилось?

— Не могу видеть, как Редди себя мучает.

— Он молодец. Я видел его снимки. Кости на месте, мышцы скоро наберут силу. Осталось совсем немного.

— Хорошо бы.

— Ты всё ещё хромаешь. Ходишь много, не даёшь ране зажить.

— Ничего. Заживёт. Шрам, наверное, останется, но это не страшно. Я, может, татуировку сделаю.

В голосе Рима плеснулось что-то похожее на ужас:

— Нет, Таша, ни в коем случае. Татуировка — это опасно. А уж на шраме...

Я рассмеялась:

— Я тебя дразню. Что бы ты ни думал, я люблю своё тельце и не собираюсь причинять ему ненужной боли.

Женщины не дразнят Рима. Они ему поклоняются. Но он улыбнулся:

— Ты есть хочешь? Покажешь мне ресторацию с хорошей кухней? Ты наверняка знаешь какое-нибудь злчное

местечко без помпезной вывески, но с вкусной готовкой.

— Поехали к Митьке.

Митька сразу распознал, что я привезла к нему если не гурмана, то разборчивого едока. А к врачам Митька питал особое расположение. Поэтому еды у нас оказалось много, и мы, болтая о том, о сём, просидели до позднего вечера.

Рим пересказывал с истории медицины на медицину настоящего и разбавлял серьёзные темы весёлыми байками из путешествий. Путешествовал он по профессиональным конференциям и семинарам, поэтому байки тоже были с медицинским уклоном, но мне они нравились.

Я рассказывала анекдоты про тупость постояльцев и комические сценки, связанные с буднями отеля. Рим негромко, но искренне смеялся. И я всё больше очаровывалась этим смехом, этим вечером и этим мужчиной.

Когда темнота за окнами и опустевшие столики стали настойчиво намекать, что пора закругляться с посиделками, возникла заминка. Я не стала изображать дурочку и попыталась подсказать:

— Может, у тебя есть рыбка?

— Нет.

— Коллекция фарфора?

— Я не собиратель. Вещи для людей, а не наоборот.

— Может, ты религиозен? И поклоняешься уникальной статуе Будды?

— Что за странная идея.

Нет, ну надо же быть таким недогадливым.

Рим зашёлся смешками и предложил:

— Я тоже дразниться умею. Может, ты согласишься посмотреть на панораму моря и побережья с высоты? Я живу в чёрной башне на мысу. На двадцать восьмом этаже.

Ну и кто бы отказался?

Интерьер квартиры Рима оказался минималистическим шедевром. В кухне стояли плита и холодильник. В спальне прямо на полу лежал большой матрас. И ещё одна комната использовалась как склад одежды вперемешку с книгами.

Панорама из окна меня напугала. Простор казался невероятным. Но от взгляда вниз становилось не по себе. И мои руки сами собой вцепились в подоконник.

— Ты съёжилась. Боишься высоты?

— Я выросла внизу, у земли, под крышей из зелёных листьев. Мне неуютно среди облаков под порывами ветра.

Разумеется, он спрятал меня в объятии и поцеловал. И я ответила. И мы вроде бы поехали по стандартной схеме перехода к обнажениям и более крепким объятиям. Но мы оба осторожничали и нервничали. Потом Рим додумался влить в меня и себя по паре бокалов вина, перестал обращаться со мной как с фарфоровой статуэткой, и утром я проснулась вполне довольная собой и миром.

Но это было только начало. Мы изучали друг друга ещё два дня, вылезая из постели только для того, чтобы наскоро слопать какую-то простую еду.

Потом Рим окончательно сбросил шкурку добропорядочного доктора и довёл меня до исступления, в котором я тонула, захлёбываясь чувственными волнами. Но он наслаждался этой агонией и не торопился меня спасти.

Я погибну. Не вопрос.

Но что, если кошмар повторится?

24. ВДВОЁМ

Свет проникал в башню раньше, чем расползлся по побережью. Я потянулась и вылезла из-под одеяла. Рим выглянул из кухни:

— Доброе утро. С маком или с корицей?

— Что?

— Я принёс булочек. Не знаю, какие ты любишь. Взял всяких.

На полу стояла тарелка со свежими витыми плюшками. И чашка чая.

— С маком. И с корицей тоже буду.

— Потехе время, делу хотя бы пару часов. Мне надо поработать. Я уеду. Наверное, не очень надолго, Но не знаю, не хочу загадывать. Не убегай, ладно?

Где-то в сознании расслабленная Наташка получила мощный пинок от деловой Наташки.

Чёрт! Я забыла про Бабаню! И про Редди я забыла. Я вообще про всё забыла.

Вскочив, я начала лихорадочно собираться:

— Я не убегу. Но мне надо кое-что сделать.

— И что же?

— Бабаню надо перевезти. Сегодня её выпишут, и надо забрать её в отель. Я думала, в мастерской её устроить, но всё-таки это неудобно. Открою третий номер, пусть живёт. Я ведь и помощницу ей нашла.

— Я хотел тебе напомнить, но вылетело.

— Заеду к отцу, поговорю насчёт свадьбы. Мне бы понять, действительно он сам это решил, или болтанул для красного словца, а оно и разрослось. Папашу я прокормлю, но у его невесты и сын есть. Похоже, они собираются сесть мне на шею. Зачем мне такая радость?

— Не нужна, согласен.

— К Маринке зайду. Зойку проведу. Редди покормлю. Потом куплю продуктов и вернусь.

— Нет, продукты вычёркиваем. Не носи сумки. Я сам всё куплю.

— Ты не то купишь.

— Я хорошей еды куплю.

— Я уже проверила твой холодильник. «Завтрак лени-

вого дачника» — обычная еда по цене для снобов, воображающих, что коровник фермера Занюхина экологичнее, чем точно такой же у Плювайкина. Я видела оба, так что как-нибудь сама разберусь.

— Придётся мне превращаться в мужчину со списком.

— Ты минералки и соков запаси. Мы всё выпили.

— Ключи возьми. И позвони, когда вернёшься.

Он вернулся первым. А я притащилась совсем без сил уже ближе к ночи. И сразу уснула, уткнувшись в его плечо.

Утром меня ждал салат. Не так, чтобы поразивший моё вкусовое воображение. Можно было и не смешивать все ингредиенты в одной тарелке. Всё равно размеры кусочков предполагали, что каждый надо есть по отдельности.

Рим уселся рядом, скрестив ноги, и мягко спросил:

— Можно я внесу ветерок сомнений в твоё чудесное настроение?

— Нет.

— Проясни мне, какие отношения у тебя с Редди?

Ага. Так я и знала, что это всплывёт.

— Мы были влюблены, потом разошлись. Когда немного утихла, решили, что попробуем остаться друзьями. Мы не поддерживаем близких отношений. Два года... нет, уже больше. И Редди знает, что я увлечена тобой. Можешь не опасаться, с его стороны не будет никаких дурацких выходов.

— Меня не его выходки волнуют.

Вздыхнув, я чуть упрекнула:

— Я с тобой. В твоей рубашке. В твоей квартире. К чему нам здесь Редди?

— Но ты поедешь к нему в больницу.

— Не знаю.

— Он ведь не останется один. К нему мама приедет. И сестра. И даже какая-то зазноба, как я слышал.

— У него каждый день новая зазноба. И одна ревнивее другой. Только та, кого он ждёт, не торопится вдохновить его. Но спасибо, что предупредил. Раз там столпотворение, я не поеду.

Рим улыбнулся и уточнил:

— А ты ревнивая?

— Да. Очень.

— Вокруг меня всегда будет много женщин. Администраторы и медсёстры, врачи и пациентки, родственницы пациентов и чиновницы. Мир медицины больше женский. И в нём отношение к сексу простое. Женщинам из других сфер часто сложно принять, что их партнёр уделяет много внимания потенциальным конкуренткам.

— Знаешь, это похоже на рыночную рекламу: все женщины выбирают Романа. Ты что, набиваешь себе цену?

Слегка смутившись, Рим пожал плечами.

— Римушка, я с тобой. В твоей рубашке. В твоей квартире. Зачем ты притащил сюда каких-то женщин?

— От неуверенности.

— Когда начнётся сезон, весь пляж будет усыпан и женщинами, и мужчинами на любой вкус. Ко мне в отель приедут и озабоченные юнцы, и похотливые пенсионеры, и отцы семейств без высоких моральных принципов. И всем этим мужчинам с предельно простым отношением к сексу я буду улыбаться, и ко всем буду приветлива. Я буду уделять им внимание, а некоторых я даже буду оставлять в иллюзии, что «всё может быть»...

— Всё, не продолжай. Я понял.

— Это работа. Тела — это тела, постояльцы — это кошечки с деньгами. Тебе сложнее, от тебя ждут эмпатии и сочувствия, а мне достаточно дежурной вежливости.

— Экий цинизм. Хотя, признаться, он как-то... успокаивает. Хотя для меня пациенты — вовсе не обязательно тела.

— Твоя неуверенность — большая крепкая башня рядом с моим зыбким песком.

— Чего ты боишься?

— Что вытворю что-нибудь плохое. И всё испорчу.

— Я научу тебя не терять головы.

Я, конечно, позанималась йогой. И поупражнялась в складывании себя в разные занимательные фигурки. Оказалось, что многие не так сложны, как мне казалось. Но главное, я не отказала себе в удовольствии пофигорсить — я показала Риму несколько стоек карате, хотя и призналась, что всерьёз никогда не занималась. Он обрадовался и сказал, что устроит нам пару-другую тренировок.

Завязывать надо с такими порывами. Не то с утра до ночи буду в крендельки складываться. А надо бы навести Рима на мысль купить кресло. Нет, я и сама могу купить, но это будет вторжением в его мир. Как бы сделать, чтобы он сам догадался?

Эй, а кто-нибудь живой в мозге остался? Поливайте уже влюблённую Наташку чем-нибудь холодным.

25. ХУЛИГАНЫ

К хорошему привыкаешь быстро. Оглянуться не успеешь, а брови сами хмурятся из-за того, что булочки запоздали. С другой стороны, и лень не спит. И вместо экзотических многослойных супов ручки стряпают куриный бульон с вермишелью.

С заботой Рима все мои болячки быстро зажили, я перестала хромать. Я привыкла к массажу ног, хотя поначалу он смущал меня сильнее, чем любые сексуальные неприличия. Рим привык к разобранной одежде и постоянному наличию еды в холодильнике. Я втянулась в его

тренировки, он купил большое кресло и десяток подушек, которыми можно было обкладываться со всех сторон. Мне нравилось слушать его короткие обзоры каких-то историй болезни, он пытался вникнуть в проблемы водоснабжения отеля.

Казалось, что мы жили так всегда. Что всё остальное было лишь сном.

Никогда раньше со мной такого не было. Я была постоянно счастлива. Не в отдельный момент, не на пике каких-то острых эмоций, не вспышкой в сознании. Нет, я варила бульон — и была счастлива. Я читала в кресле — и это было счастье. Я прыгала, когда Рим возвращался — и знала, что счастлива в этот момент и буду счастлива весь вечер. Я всегда буду счастлива. И он будет счастлив со мной.

Если не было дождя и ветра, то вечером мы тренировались на пустом пляже. Нам нравилось веселиться и бегать на просторе.

Этим вечером мы оказались не одни. Распрямившись после одного из наклонов, я заметила, что к нам направляются два тёмных силуэта. И что-то тревожное, вызывающее было в том, как они двигались именно к нам.

— Рим, там какие-то тёмные личности. Уйдём.

— Не бойся. Это гуляки. Они мимо пройдут.

Но гуляки шли к нам, и они отрезали нас от лестницы. Я, повернувшись, потянула Рима за собой:

— Что-то не так. Уходим. И быстро.

В дюнах около моего отеля было бы легко затеряться или спрятаться. Но с узкой прибрежной полосы под скалой деваться нам было некуда. Альтернативой лестнице была только крутая тропинка-серпантин.

Мы начали быстро подниматься, и один из гуляк последовал за нами. Второй побежал к лестнице.

— Таша, ты не волнуйся, я справлюсь с хулиганами.

— Нет. Это не те хулиганы.

Когда мы приблизились к верху склона, тот хулиган, что поднимался по лестнице, оказался перед нами.

Я вильнула вправо и перебежала по тонкой осыпающей кромке скалы к парапету смотровой площадки. Никого не видно. Что делать? Бежать? Кричать?

Упустив меня, хулиган напал на Рима. Судя по положению и движению руки — с ножом.

Вокруг не было ничего, хотя бы отдалённо похожего на оружие. Ни ветки, ни железного прута, ни забытого зонтика. А второй хулиган двигался прямо на меня.

Не думать. Вспомнить.

Злость. Гнев. Ярость. Сталь. И кровь.

Мужчина очень зол.

Нож. Ещё один нож. Так много ножей в этом мире.

Плывать...

Убей его.

Я опомнилась, когда слабый крик затих где-то внизу.

Рим сидел на коленях в луже крови на асфальте.

Тёмное пятно убегало в сторону маяка.

Потом я махала руками, отвечала на вопросы, называла номера телефонов. Я тряслась в машине, бежала по коридору, мыла руки в каком-то туалете. Мне приклеили несколько пластырей. Я сидела на банкетке...

Ошалевшее сознание издевательски сравнивало картинки разных банкетов и ссылалось на каких-то чёрных котов. Коты были доказательством существования множества иллюзорных миров. У меня вовсе не иллюзорно раскалывалась голова, ныла нога и тряслись руки. Я ничего не понимала.

Рим неплохо отбился, заполучив лишь пару порезов на предплечьях. Его могли бы отпустить, но приехала его мама. А когда твоя мама врач, свалить из медицинского

учреждения без подробного обследования не получится. Так что он завис в госпитале на неопределённое время.

А меня отвезли в полицию. Как подозреваемую в нападении на доктора Колесникова.

Никто ничего не видел. Поиск как живых, так и мёртвых хулиганов ничего не дал. Рим не мог давать показания, потому что его мама так сказала. На обоих ножах, которые я аккуратно собрала, были мои отпечатки. И по всему выходило, что это я напала на доктора. Как однажды я уже нападала с ножом на мужчину.

Всё бывает в первый раз. Я первый раз ночевала за решёткой.

26. ОБСУДИМ ЭТО

Физиономия психолога казалась знакомой. Может, потому что была абсолютно заурядной. Человек давно выгорел и был похож на робота с зачатками искусственного интеллекта. Плохо в этом интеллекте было только одно. Он был уверен в своей звёздности и непогрешимости. Диагноз мне уже был поставлен, и всё остальное делалось ради того, чтобы подогнать под него обстоятельства.

— Наталья Александровна, такие истории не редкость. Люди переживают кризисную ситуацию, оказываются в центре внимания, о них заботятся, их показывают по телевизору. Потом шумиха заканчивается, они остаются в пустоте и начинают придумывать варианты повторения стрессовой ситуации, которая привела не только к страху, но и к позитивным переживаниям.

— Я ничего не придумывала.

— В ряде случаев может иметь место неосознанная деятельность, нацеленная на достижение сознанием требуемых психических стимулов.

— Я предпочитаю понятные стимулы.

— Вы попали в аварию и проявили изрядное мужество. Вас показывали в хронике новостей, в ваш дом несколько дней съезжались друзья и знакомые со всего побережья. Вам дарили подарки, конфеты, цветы. Вам это нравилось?

— Да.

— Тогда вспомните инцидент с пожаром. Как вы поняли, что дом горит?

— Почувствовала запах дыма.

— Спящие люди часто задыхаются во сне. Они не успевают почувствовать запах дыма. Вы почувствовали запах, потому что не спали. Вы находились в состоянии полудрёмы?

— Мне сложно оценить, в какой фазе сна я находилась. Я осознала опасность и начала действовать, не задумываясь, что меня разбудило.

— Это важный момент. Вы осознали опасность. А когда вы её осознали? Задумайтесь, может, в вас было какое-то предчувствие опасности? Может, ваше подсознание было настроено на опасность, потому что оно же являлось и генератором этой опасности?

— Нет. Моё подсознание спало крепким сном. Как и сознание.

— И всё же события развивались по похожему сценарию. Вы проявили мужество, оказались в центре внимания, к вам в больницу выстроилась очередь посетителей. Вам нравились подарки гостей?

— Да.

— Вы осознавали свою значимость? Вам нравилось быть важной персоной?

— Я осознавала, что нахожусь в больнице. Что мои травмы, хотя и не представляют опасности для жизни, ограничивают меня в свободе перемещений. И что мне придётся заниматься их лечением.

— Значит, вы сконцентрировались на травмах. На своей беспомощности. Хорошо. Давайте обсудим это. Вам нравилось ощущать свою слабость? Вам нравилось, что о вас заботятся?

— Я не люблю быть слабой. Но мне нравится, когда обо мне заботятся.

— Доктор Колесников был к вам особенно добр, да?

— Я консультировалась с ним по поводу своей осанки.

— Мне бы хотелось прояснить обстоятельства вашей встречи с ним.

— Мы занимались йогой. Доктор Колесников показывал мне, как правильно выполнять асаны.

— Вы были легко одеты, а рядом находится квартира доктора. Вы заходили туда?

— Да, взять или забрать вещи. Согласитесь, заставлять доктора ехать в отель было бы некорректно.

— Колесников подтвердил, что вы состоите в близких отношениях.

— Это по вашей части. Уверена, вы компетентно разберётесь во всех словах доктора.

— Нападение хулиганов — ситуация, которая часто рассматривается в фильмах и как способ продемонстрировать готовность мужчины защитить даму, и как подставной элемент в сценарии обольщения дамы. Но иногда случается, что и дама заказывает выход шпаны ради своих интересов. Вы представляли себе ситуацию, в которой доктор Колесников являлся бы вашим защитником?

— Нет.

— Вы сами хотели напасть на доктора?

— Я не нападала на доктора.

— А какие ситуации, связанные с доктором Колесниковым, вы могли бы себе представить?

— Ну, скажем, доктор Колесников привозит в мой отель одинокого молодого миллиардера, которому нужны скромные апартаменты, чтобы спрятаться от шумного

мира.. Впечатлённый моей красотой, добротой и скромностью миллиардер делает мне предложение, дарит яхту, инвестирует в мой бизнес двести миллионов евро, и мы уплываем в закат, обнимая друг друга на палубе.

— Это очень интересный поворот. А почему именно двести миллионов? Что для вас значит эта сумма? Вы просчитывали её? Откуда она взялась?

Так, я согласна на успокоительное. На рубашечку с длинными рукавами. На комнатку с подушками на стенах. Я хочу прыгать на подушечки с дикими криками.

Заберите меня отсюда...

27. КРУГОВОРОТ РЕВНОСТИ

На моё счастье оказалось, что Тараскин не любит психологию вообще, психологические оценки в частности и одного конкретного психолога до полного неприятия. Он приехал и забрал меня, заявив, что уверен в моей психической адекватности. Слов нет, как я была рада, что хотя бы кто-то в этом уверен. У меня самой уже зародились сомнения на этот счёт.

Ничего не объясняя, Тараскин отвёз меня в больницу, где на меня намотали несколько пачек бинтов. После укола вроде бы витаминов я вырубилась, и меня ковриком уложили в приготовленную койку.

Я проснулась от осторожного прикосновения. Редди сидел рядом и гладил кончики моих пальцев.

— Ты встал?

— На костыли. Ты как? Больно? Позвать кого-нибудь?

— Нет. Ты в курсе, что в мире творится?

— А ты в курсе, что я в центре сбора городских сплетен? Сюда ежедневно стекаются слухи со всего города.

Сутки перевариваются, а потом растекаются обратно в неузнаваемом виде. Ты молодец, Лadoшка.

— Меня подозревают.

— Уже нет. И давай, про доктора колись. Как роман? С Романом?

— Хорошо.

— И нечего краснеть. В сумерках и в двух шагах от его квартиры она занималась с ним йогой. Ага. То, что вы оба не признались, лишь добавило слухам пикантности. Все думают, что в вашей йоге было какое-то особенное неприличие. Не то у тебя были руки связаны, не то он был в ошейнике.

— Рим тоже не признался?

— Так мы все не признаёмся. А круговорот ревности выглядит так. Сначала Рим сбил меня с дороги, не рассмотрев, что ты в машине. Потом ты подожгла сама себя, чтобы сделать нам больно. Ещё потом я подговорил каких-то сомнительных дружков, чтобы они свели счёты с Римом, но не сообразил, что ты можешь оказаться рядом.

— Тебя тоже подозревают??

— Лadoшка, ну как меня могут не подозревать? Пришлый докторишка навёл на меня злые чары, чтобы лишить сил. И коварно заманил мою нежную возлюбленную в свои холодные чертоги. Бедняжка умчалась в ужасе, преследуемая посланными в погоню чудовищами... Все ждут, что я выпрыгну из больницы и отправлюсь убивать доктора.

— Бред.

— Рим выпрыгнул из госпиталя, учинив дикий скандал в своём стиле. Сведущие люди, правда, поговаривают, что это он не к тебе помчался, а от жены шарахнулся. Как она к нему в палату впорхнула, так с ним припадок и случился.

Я успела подумать, что не надо выдавать своего изумления, но Редди догадался быстрее:

— Ты не знаешь про жену.

— Нет.

— Её зовут Еленой, они вместе учились.

— Зачем она приехала?

— Поддержать мужа, ставшего жертвой коварной обольстительницы, которая мало того, что йогой с ним занималась, так ещё и от хулиганов отбила. Представь, если тебе скажут, что меня девчонка от хулиганов отбила, что ты подумаешь?

— Что ты мёртв. По крайней мере, временно выключен из жизни.

— Вот-вот. А она же клятву Гиппократы давала. Примчалась спасать мужика в беде. Искусственное дыхание там. Рот в рот. И дальше как пойдёт.

Можно, я пойду и выброшусь из башни?

Жена. И он её целует? Нет, я лучше утоплюсь...

— Эй, Ладощка, ну-ка, нос не вешать. Это я от ревности с ума схожу, разве не понятно? Очерняю соперника изо всех сил.

— Это ведь нечестно. Он спросил о тебе. Но ничего не сказал о жене. Жена — это важно. А он болтал, что вокруг него много медсестёр.

— Ладощечка, вы потом это обсудите. Сейчас важно только одно. На тебя снова напали.

— На меня?

— На тебя. Я всё думал, что сам во что-то вляпался. Мог ведь? Мог. И вляпывался раньше. Но выпутывался, и это не касалось тебя. Дело не во мне.

— В Романе?

— В то, что Роман сведёт со мной счёты, я могу поверить. Но он не будет скидывать меня с дороги. Если уж он соберётся убивать, то наверняка, и его при этом никто не заподозрит. К тому же на первом месте во всех его ко-

варных планах будет твоя безопасность. И вы только сошлись, пока ещё до нервностей высшего порядка не раскрутились. Дело не в нём.

— Я рада, что ты высокого о нём мнения.

— Соседи по отелю? Нет. Ваши склоки не выходят за рамки небольшой коммунальной кухни. Без ссор не обходится, но жить всем надо.

— Наверное.

— Соседи по старому дому? Тоже нет. Им сейчас землю покупать — нож в пузо.

— Что остаётся?

— Версия Тараскина. Но в ней много мутностей.

— Ты не рассматриваешь версии, ты их отбрасываешь.

— А ты не задумывалась, почему именно сейчас твоя мать объявилась? И почему она заговорила с тобой об отеле? Не о здоровье спросила, не об отношениях, не об отце, в конце концов. Она сразу брякнула, что ты директор. Для неё именно это важно.

— Ещё бы, получила ребёнка — и сразу директора. Приятно.

— Если ты умрёшь, наследницей первой очереди будет твоя мать.

Наследницей? Мать? Маааать!

— И твой отец тоже.

А им крутит мутное семейство. Маааать! Точнее, конечно, мачеха, но сути дела это не меняет. Меня обложили со всех сторон.

— Послушай меня, Лadoшка. Всё очень серьёзно. Брось семью, они всё равно не ценят, что ты для них делаешь. Брось отель, ничего с ним не случится. Маринка присмотрит. Да и Арамыч тоже. Брось все важные и неважные дела. Речь о твоей жизни, понимаешь?

— Я вздрагиваю от шорохов, у меня забинтованы руки, и я не могу заснуть без таблеток. Кажется, до меня начинает доходить.

— Знаю, ты хочешь вернуться к Роману. Но там ты на виду. И вся эта история с женой мне тоже не нравится. Не рань своё сердце. Всё прояснится само собой. Поезжай лучше в наше старое логово. И отдохни, поживи пока там. Не высовываясь.

На следующий день я выписалась под свою ответственность, съездила за вещами, и, уже забравшись в логово, обнаружила смс-ку от Рима: «Я развёлся три года назад. Где ты? Позвони».

28. КРИМИНАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ

Полицейского полку прибыло. Кроме Тараскина моя скромная персона заинтересовала ещё двух мужчин, куда более представительных, но вместе с тем и суровых. Мне было неуютно под их взглядами, но куда ж деваться, если они усадили меня с одной стороны стола, а сами расселись напротив — чтобы рассматривать меня во всех подробностях.

Тараскин выложил передо мной несколько фотографий явно подозрительных личностей:

— Посмотри. Никого не узнаёшь?

— Нет.

— Уверена? Среди этих мужчин нет нападавших?

— Не знаю. Уже темнело, и я не присматривалась. Один был брюнетом, другой в синей куртке, но, боюсь, это всё, что я могу сказать. Я сильно испугалась, не отдавала себе отчёта в происходящем.

Тараскин оставил только один портрет и добавил к нему посмертное фото того же мужчины:

— Тело этого мужчины выловили недалеко от пирса, ближайшего к месту нападения. Согласно экспертизе мужчина получил несколько тяжёлых прижизненных

травм, после чего утонул, а скорее, был утоплен.

— Это тот, кто упал?

— Кого ты скинула, Наташа.

— Сообщник его убил?

— Да. Распространённое явление в таких ситуациях.

Помолчав, Тараскин объяснил:

— Иван Вахрушин по прозвищу Биток. Работал охранником в клубе «Золотой Дельфинчик». Таких охранников обычно называют вышибалами. Явных криминальных следов за ним нет, но он входил в число тех ребят, которых всегда можно нанять для того, чтобы выбить долги или припугнуть. Один из его школьных друзей — коллектор с неприятной репутацией. Мы предполагаем, что Иван работал и на него.

— Коллектор? Вот только этого мне не хватало.

— У тебя есть долги?

— Есть долги у моего отца. Они копятся, время от времени я их оплачиваю. Но вряд ли это те суммы, за которые будут убивать. Все знают, что даже если сейчас я на мели, то после сезона расплачусь.

В беседу встрял один из суровых мужчин:

— Биток и его сообщник напали на вас по заказу. Мы полагаем, что заказ пришёл не через коллектора, а через Иордана. Это один из местных криминальных авторитетов. И участие Иордана указывает на то, что вы перешли дорогу каким-то крупным криминальным силам.

— Иордан? Это вряд ли.

Вздыхнув, я потянулась к сумочке:

— Можно я позвоню? Мы прямо сейчас всё выясним.

В голосе Иордана плескалась такая восточная слабость, и его цветистое приветствие могло занять минуты три, а то и все пять. Я решительно его перебила:

— Слушай, Великая Река, мне тут менты рассказывают, что ты послал дебилов с ножами напугать меня. Пусть послал, дело твоё. Но растолкуй, чем и кому я так насолила?

Я не понимаю, в чём суть претензий.

— Ладощка, мне жаль слышать, что ты такое могла подумать. Я знаю о нападении. И тоже не знаю, что происходит. Я постараюсь выяснить.

— Спасибо. Привет Шахе.

Повернувшись к полицейским, я радостно заявила:

— Нет, это не Иордан.

Суровость полицейских ликов достигла максимума. Сейчас я с такими выходками сяду лет на пять за пособничество криминальным авторитетам. Хотя я и не пособничаю ни разу. Иордан ко мне тёщу летом заселяет. Она обязательно недельки на две приезжает проводить дочку и внучков. Лично мне она кажется милой старушкой. Но Иордан её боится. Авторитет он где угодно, только не дома. Дома он муж-подкаблучник, зять трусливый.

Тараскин вернул меня к моим собственным делам:

— Если не Иордан, то кто-то другой. Покушения становятся сложнее. Если авария на дороге или поджог — дело рук одного человека, то нападение двух вооружённых громил, нанятых за деньги — преступление другого уровня.

Где-то в моём сознании приосанилась Наташка-бандитка. Она быстро поучаствовала в погоне с перестрелкой, обставила всех мафиози, утащила чемодан, набитый зелёными купюрами, и перед отъездом в закат закинула поперёк седла красивого ковбоя. Жаль, что из слов Тараскина вырисовывалась совсем другая картина.

— В том, как была подстроена авария, чувствуется рука хорошего водителя, но не расчёт убийцы, для которого в первую очередь важно само убийство. И поджог был организован неумело — в дом закинули горящую тряпку. Это и вовсе могло не сработать. Преступнику повезло — тряпка попала на коробки с хламом, но цель опять же не была достигнута. Вероятнее всего, эти два покушения были организованы самим убийцей, и этот убийца дей-

ствовал спонтанно, исходя из тех возможностей, что у него были.

Интересно, а если бы мне затемнялась мысль кого-нибудь убить, какие возможности я бы рассматривала? Наверное, только одну — помчаться к Редди и сказать, чтобы он вот того негодяя убил. Редди сказал бы, что у него есть бутылка хорошего вина, и через час я передумала бы вляпываться в неприятности.

— Третье покушение — знак того, что убийца отказался от самодеятельности. Он нашёл посредника и нанял людей, чтобы они разыграли убийство в случайной стычке. При этом важно, что убийца согласился на вероятное убийство двух человек. Ему не терпится, он не хочет ждать. И я полагаю, что сейчас он если не бьётся в припадке злости, то очень и очень раздражён.

— А вы одолжите мне специальную жилетку? Если ножи не помогли, вдруг он стрелять начнёт?

Суровые полицейские переглянулись, и Тараскин сообщил:

— Мы хотим попросить тебя не болтаться в городе по долгу и без дела.

Что поделать, я согласилась не бегать по улицам без уведомления полицейских инстанций. Наташка-расстреляшка, конечно, где-то внутри головы билась в визгливой истерике, но что с неё взять, такая вот она нервная девчонка.

На прощание один из суровых мужчин участливо мне заметил:

— Ангел-хранитель у вас экстра-класса.

Я понимающе кивнула:

— А тот, кто посылает всякие пакости — на редкость злокозненный тип.

29. ПРОБЛЕМЫ И ОШИБКИ

Рим сидел в кресле, и по выражению его лица я поняла, что он выслушал тысячу и одну историю обо мне, и во всех этих историях моё имя склонялось рядом с именем Редди. Добрые люди, узнав, что солидный доктор связался со мной, не замедлили просветить его в том, что он ошибся. Он, конечно, не поверил всему, но...

Рим чуть склонил голову и положил руки на колени, переплетая пальцы:

— Скажешь много слов и уйдёшь?

— Вроде того.

— Что ж, начинай.

Растерявшись, я забыла подготовленное и заученное вступление.

— Всё очень быстро происходит. В моей жизни так много событий, что я не успеваю ничего осознать, ни о чём подумать. Меня будто несёт огромной волной. Я попала в гигантский водоворот, и меня затягивает в бездну.

Куда меня несёт? Где мой лаконичный и красивый текст?

— Мне хорошо с тобой. Я благодарна, что ты так много для меня сделал. Но я не могу пойти дальше. Пока не могу. Я запуталась в своих проблемах. Я должна многое изменить. В себе. В жизни. И я не хочу заставлять тебя ждать, потому что не знаю, сколько времени понадобится.

— Таша, ты пытаешься решить и за себя, и за меня. Может, я готов потратить своё время, потому что хочу быть с тобой. И я могу решить какие-то твои проблемы, чтобы у нас обоих было время друг для друга.

— Я не хочу, чтобы ты касался этих проблем.

Рим устремил на меня внимательный взгляд:

— Редди выписывается на днях. Ты решила возродить былое пламя?

О, и почему я сама не додумалась до столь простого объяснения?

— Да.

Вздыхнув, Рим безжалостно запрыгнул на мою больную мозоль:

— Ты понимаешь, что этот мужчина был, по крайней мере, однажды жесток к тебе?

— Всего однажды. Мы оба были пьяны. И это я начала драку.

— Пьянство не смягчает ситуацию. Если мужчина пьёт с девчонкой, часть его мозга должна держать флажок «Эй, не забудь, ты отвечаешь и за неё тоже». И даже если у девчонки распоясались руки, можно засунуть её в холодный душ. Ты напрасно пытаешься снять с Редди ответственность. Вы преподносите всё так, будто это смешное недоразумение. Но сути дела это не меняет. Он поднял на тебя руку.

— Я ударила его ножом. Мы квиты.

— Он намного сильнее и больше тебя. И это никакое не «квиты», это отчаянная самооборона. Ты молодец, сумела защитить себя. Но хорошо бы ещё и выводы сделать.

— Мы сделали выводы.

— И ты не боишься, что ситуация повторится?

— Я надеюсь, что не повторится.

— Твой приятель ревнив? Он наверняка узнает, что ты жила у меня.

— Он знает. Никаких проблем не будет.

Откинувшись на спинку и раскинув руки, Рим веско заявил:

— Я совершил ошибку. Я не должен был смущать и увлекать тебя.

Точно. Он ошибся. Я так и знала.

— Ты доверилась мне, но я тебя подвёл. Я спровоцировал тебя на близость, поддавшись искушению. Я мог поддержать тебя, не разрушая твоих чувств и планов

на жизнь. Но...

Какие планы на жизнь? У меня пока планы на смерть отчётливо вырисовываются.

— Так бывает, что пациентки увлекаются доктором, потому что чувствуют в нём опору, он создаёт для них островок стабильности и сочувствия. И телесный контакт лишь ускоряет реакцию. Я знал, что делать, чтобы тебя соблазнить. И я это сделал.

Значит, всё дело в массаже, и у меня не было свободы выбора. Ты почувствовал влечение и соблазнил меня. Как легко. И как унижительно. Да вы мастер ударов, доктор Колесников.

— Возвращайся к своей жизни. Выкини всё это из головы.

Выкинуть. И ты меня выкинешь? Как соблазнённую пациентку? Которая всего лишь ошибка? Нет, мне больно, чего ты и добиваешься, но я не понимаю, зачем эта боль? Тебе легче от того, что мне больнее?

— Всё уже сказано. Иди.

Я взялась за дверную ручку, но Рим вдруг встал — резко, пружинисто:

— Нет, стой.

Мягкий и нежный поцелуй зачёркивал все слова, смягчал боль и оставлял надежду.

Но я должна уйти. У меня кружится голова — от вида его забинтованных рук.

30. ВЫПИСКА

Дверь палаты распахнулась, и Редди выпрыгнул в коридор с радостным воплем. Медсёстры захлопали и загомонили, кто-то даже взвизгнул. Несколько врачей остановились подзарядиться позитивом. Редди изобразил бег

трусцой, несколько раз присел, а затем широкими шагами направился ко мне. Коротко обнял, а потом, к моему ужасу и восторгу, подхватил на руки и покружил.

Вокруг раздались аплодисменты, выкрики. Но когда Редди поставил меня на пол, я сразу обняла его за талию. Мало ли, свалится ещё.

Девчонки посылали Редди воздушные поцелуи, откуда-то взялись коробки с конфетами, и все веселились, забыв о том, что в больнице тянется обычный рабочий день.

Раздав все конфеты, мы взяли такси и поехали к Гоге.

Маленькое кафе было закрыто, и мы завернули к Гоге домой, во дворик, который казался пустым и унылым. Но разве может быть что-то унылое там, где Редди отмечает своё выздоровление? Через полчаса за столом сидела весёлая компания, на мангале готовились шашлыки, насыщенное цветом вино лилось в бокалы, и мы что-то пели, довольные и хмельные.

Конечно же, Гоги не отпустил нас на ночь глядя, и мы остались в маленькой гостевой комнате, где раньше часто бывали, но о которой стали забывать.

Редди развалился на кровати и провозгласил:

— Я справа, женщина! И не вздумай ко мне приставать!

Потом он сел и серьёзно предложил:

— Поговорим? Пока я смогу произнести то, что разобьёт наши сердца.

— Ладошка и Редди — это не навсегда.

— Ох... Это жёстко.

— Мы оба не вписывались в обычный социум. Мы оба терялись, когда в нашу жизнь влезали чужие грязные лапы. И мы создали наш маленький мир на двоих. Детский мир. Потом мы выросли, и превратили его в целую вселенную. Но однажды она сжалась и стала лишь красивой картинкой, за которой мы прятали свою независимость.

Для всех мы оставались парой, но мы давно не вместе.

— Я надеялся, что время нас излечит.

— Я тоже надеялась. И мы излечились, но вместе с тем мы изменились. Пора откинуть ширму и стать теми, кто мы есть.

— Ты всегда умела говорить лучше меня.

— Твои крылья окрепли. Раскрой их на всю ширину, взмахни в полную силу и лети. И я сорвусь в свой полёт. Время пришло, и теперь весь настоящий мир — наш. Мы будем помогать друг другу, но каждый выберет свою пару.

— Ты невероятная.

Я улыбнулась:

— Я знаю, что ты влюблён. И знаю, в кого. В красотку со скалистого пляжа. Помнишь, ты вдруг помчался к ней? До этого ты так бегал только за одной девчонкой. Но она тебя подвела. И пришло время новой любви. Незачем это скрывать. Лети к ней.

Редди покачал головой и горько сознался:

— Я ни в чём не уверен. Я запутался. Один день я счастлив, я люблю и любим. Потом вдруг натыкаюсь на барьеры и шипы. Я не так выгляжу, я не то говорю, я слишком весёлый, я не уважаю деньги. Я боюсь, Ладоска. Я не смогу измениться. Я не хочу меняться.

— Люби и будь любимым. Сейчас. А что будет — никто не знает.

— Что, если я вижу в ней то, чего нет? Может, она — лишь образ в моей голове?

— Бери то, что есть. Какая бы она ни была, как бы ты ни обманывался, ты счастлив — а значит, надо испить эту чашу до дна. Будь счастлив — вот и всё.

Редди кивнул и перевёл стрелки на меня:

— А ты? Ты сама не своя из-за Романа.

— Он хороший. Спокойный и умный. С ним мне хочется быть сильнее, знать больше, взлетать выше. И за короткое время я столько всего переделала... даже странно.

— Любовь вдохновляет. Давно известно. Что разрушилось?

— Я ушла. Сказала, что к тебе.

— Глупо.

— Он сказал, что сожалеет, что соблазнил меня. Что я повелась на его телесные манипуляции, и это ничего не значит. Что это ошибка. Я растерялась. Он поцеловал меня... и всё.

— Ты запуталась ещё хлеще меня. Да мало ли, что он сказал? У него мозг отключился. Оверфлоу накрыл от твоих фокусов.

Редди резко протянул мне свой телефон:

— Позвони ему. Прямо сейчас. Скажи, что надо поговорить. Но ничего не говори, только целуй. И ещё пару дней молчи. Вместо слов — поцелуй. Поняла?

Я отрицательно помотала головой.

— Я не могу.

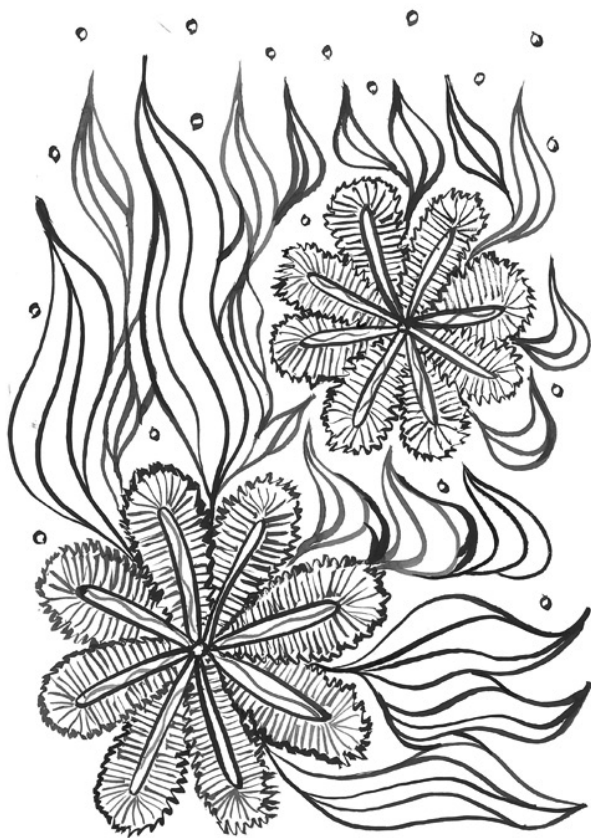
— Почему?

— Рядом со мной ходит беда. И он уже пострадал из-за меня. Мне невыносимо думать, что случится что-то ещё. Я не могу подставить его под удар. Поэтому я разбила банку и выпустила его на свободу.

— А-а, к чёрту! На, выпей.

Я выпила. И ещё выпила. И провалилась в тревожный сон. Я шла по песку, совсем одна. А красивый мужчина оставался в далёкой неизвестности.

ΓΛΑΦΑ 4

31. ПОХОЖА, НЕ ПОХОЖА

От столичной суеты я всегда обалдеваю. Метро меня пугает, огромные толпы прущего куда-то люда рождают желание выбежать побыстрее наверх. Столице присуща и агрессивная наглость, от которой я теряюсь. Бойкость и нахрапистость обычно приписывают нам, южанам, но всё же это бойкость с улыбкой. Столица — город вахтёров с каменными лицами и попранием права спросить, узнать, попасть, пройти.

У меня была пара знакомых, готовых приютить провинциальную гостью на несколько дней, но я решила не стеснять ни себя, ни их, и сняла квартиру посуточно. И я очень правильно это сделала, ибо вопреки обещаниям, Тереза не пригласила меня ни в какой дом, а предложила выпить по чашечке кофе.

Своим гламурным снимкам в интернете Тереза, разумеется, проиграла. Она была старше, дурнее, полнее, да и в целом — зауряднее. Я чувствовала острое любопытство, когда собиралась на встречу, но оно быстро растаяло.

Красивый фасад накладывал свой отпечаток — я представляла себе сильную и решительную Терезу. Взять ребёнка, проехать полстраны, шмякнуть кулёк перед любовником и смотаться — казалось, для этого характер нужен. Или нет? Или это от отчаяния, от бесхарактерности, которая парадоксальным образом гонит в дорогу?

Передо мной сидела уставшая и потрёпанная жизнью женщина.

Тереза долго смотрела на меня, но я не могла понять, какое чувство она испытывает. Или изображает. Она не восхитилась, не удивилась, не разочаровалась. Не грустила, не растрогалась, не смутилась. Но она будто не могла оторваться, подмечая все чёрточки, все детали моего лица и причёски.

Не может налюбоваться на дочурку? Как понять?

— Ты... такая... взрослая.

Я сделала заказ и взяла руль беседы в свои руки:

— Расскажи о себе. Ты замужем?

— Да. За Костей. Мы были бы вместе с самого начала. Если бы не то лето. Он не мог простить меня. Да и сейчас любая ссора приводит к попрёкам из-за моего детского увлечения. Он не может избавиться от этой занозы.

— Это ведь твой второй брак.

— Первый был от отчаяния. Я была так одинока, что согласилась, хотя Стасик мне не нравился. Мы быстро разошлись.

— А дети? Как их зовут?

— Лёше пять лет. Он сложный мальчик, с особенностями. Павлику два, он здоров, но очень замкнут. Я не отдаю их в садик, занимаюсь с ними сама, дома.

— Когда я смогу их увидеть?

— Я тебе позвоню.

То есть без особого приглашения явиться в её дом я не могу. Потому что я — живое воплощение занозы в голове её мужа? Или есть что-то ещё?

— Ответь на главный вопрос: почему?

— У меня ничего не было. А у тебя было всё. И твой отец женился на женщине, которая готова была возиться с тобой. Ты называла её мамой. Так было лучше для тебя.

Редди, умница, именно этот вариант мне изложил, как самый вероятный. Лучше для меня. И это ведь правда. Так, как есть — лучше. Потому что гадания «если бы да кабы» предполагают хорошие вероятности. Но никто не знает, какие плохие могли бы быть. Я выросла. Я здорова. Я обеспечена. Что плохого в том, что есть? А значит, так и было лучше.

— Я давно выросла. Ты могла позвонить год, два, пять лет назад. Почему сейчас?

— Я думала об этом, но не решалась. Костя меня подтолкнул, сказал, что ты уже совсем взрослая, и всё пой-

мёшь правильно.

— И что для тебя правильно?

— Простить все обиды. Воссоединиться. Общаться, как общаются все семьи.

Что-то в Терезе выдавало её напряжение. Но оно не было связано с её волнением о том, как я приму и пойму её старое решение. Было что-то в настоящем, что зависело от меня. И что это?

— Хорошо. Я понимаю всё правильно. Без обид. Что бы там ни было, а моя радость, мой смех, мои наслаждения — твой дар. Спасибо. Давай общаться.

Тереза обрадовалась. Нет, реально обрадовалась. Она определённо ждала если не бури, то каких-то сложностей. И обрадовалась тому, что всё оказалось так легко. И улыбнулась. Искренне улыбнулась. Моей улыбкой.

Силы небесные, она на меня похожа... То есть нет, это я на неё похожа...

Тереза испортила момент, истолковав моё замешательство по-своему:

— Ты думаешь, я стара? Я плохо выгляжу?

— Ты хорошо выглядишь. И тебе нельзя сознаваться, что я твоя дочь. Будет понятно, что тебе не меньше сорока. А так тебе не дашь больше тридцати пяти.

— А ты без косметики. Совсем не пользуешься?

— Постоянно — нет. Иногда — да.

— У тебя есть... поклонник?

— Есть. Но проще сказать, что я одна, чем объяснять все клубки.

— Ты не думала о семье? О детях?

— Думала. Но пока ничего конкретного не надумала.

— Костя недавно бросил, что у меня маленькие дети, а я могла бы уже быть бабушкой. Дети и внуки примерно одного возраста — это неожиданно.

— В моих ближайших планах нет детей.

— Как ты справляешься с отелем?

— Обыкновенно. Как пришлось в эту лямку вцепиться, так и тащу.

— Ты хорошо одета. Денег хватает?

— На себя да. Но на новую стройку пока накопить не получается. А влезать в чужой карман не хочу. Один раз влезешь, целиком в карман засосёт.

— Тебе нравится власть?

— Да какая же это власть? Это хлопоты, работа, нервы.

Тереза снова на меня засмотрелась. Вроде и знакоми-лась, но в то же время как будто сверялась с мысленным списком примет. Я ей нравилась. То есть я соответствова-ла её ожиданиям и даже перекрывала их. И в то же время она не хотела, чтобы у меня была её улыбка. Несомненно, она тоже подметила сходство, и оно раздражало её.

— Тереза, а расскажи мне о своей семье. Кто твои ро-дители? Они живы? Где ты выросла?

— Мама — Ольга Васильевна — учительница, а отец — Пётр Семёнович — экономист на военном заводе. Они уже умерли. Мы жили на Урале, в маленьком городке. У нас была квартира в пятиэтажке. Места много, но зимой холодно, летом жарко. Был огород, участок под картошку, но родители совсем не умели на земле работать. Частень-ко сдавали всё соседям. Зарплаты были хорошие, жили без стеснения.

Я понимающе кивнула, и Тереза продолжила:

— У меня братик был, но он погиб. Пошёл с друзьями купаться, попал на стремнину, трое выплыли, а братишка не смог. Только через неделю его на песок вынесло, дале-ко вниз по реке.

Обалдеть. И здесь утопленники. На песке.

— Маму это сильно подкосило, она высохла вся, а по-том все силы в меня вложила. Как у неё уроки заканчива-лись, она со мной заниматься садилась. Хотела, чтобы я поступила в престижный институт и удачно замуж вы-шла. За богатого мальчика.

Вот и Мамася что-то похожее плела.

— Про секс и мальчиков у матери разговор короткий был: никаких мальчиков, никакого секса. И я, глупышка, ничего об этом не знала. Девчонки болтали об этом, но мама запрещала мне слушать, я и не слушала. Когда я с твоим отцом вляпалась, даже не понимала толком, что делаю, зачем. И я долго не догадывалась, что заберемене-ла. Уже когда живот вырос, и ты толкаться начала, одна подружка из общаги, постарше, отвела меня к врачу.

Позитив наметился. Теперь любые свои глупости мож-но смело списывать на генетику. Ну что с меня взять, если родители без мозгов?

— Когда ты родилась, я с месяц металась. Не могла я к матери с ребёнком вернуться. Вот не могла и всё. Потом подружка мне насоветовала: отведи приплод папаше. Пусть отвечает, раз не сумел меры принять. Я и отвезла...

Может, мне надо было родить Редди ребёнка?

Только что значит это «надо»? Кому надо? Если бы нам было надо, наверное, родили бы. Но мы не хотели услож-нять себе жизнь.

А Рим хочет детей? Если здоровья хватит, я бы двоих подряд родила. Мальчишек. Погодков. И лет через пять ещё девчушку. Хорошенькую. С моей улыбкой.

Эх, не разреветься бы мне перед маменькой. Она же неправильно это истолкует. А мне разобраться надо, не она ли, родимая, убийц ко мне подсылает.

— Я приехала, а вокруг отца эта особа вьётся. И она мне ядовито так заявила, что как только брак оформит, сразу родит ещё ребёнка, чтобы тебе одиноко не было...

Мать отыгрывала роль этакой светской львицы, иро-ничной и высокомерной. Роль, очевидно, была ей при-вычна. Она взбодрилась, голос помолодел, в глазах блес-нула искорка. И парадоксальным образом сходство между нами исчезло. Было ли оно, вообще? У неё более узкий и вытянутый овал лица, иной разрез глаз, и, пожалуй,

со стороны можно не понять, что мы родственницы.

Темы исчерпались быстрее, чем можно было ожидать. Я не хотела переходить к пустой болтовне, и Тереза, очевидно, тоже. Какое-то время мы сидели молча.

И в её внимательном взгляде вновь плеснулось непонятное мне чувство. Она будто не могла поверить своим глазам. И за красивым фасадом крылось болезненное, отчаянное сопротивление тому факту, что я есть и сижу перед ней.

Вот так пишешь, рассказываешь, что ты молода, а потом приезжает взрослая дочурка, и конец иллюзиям. Возрастное, наверное.

Когда я на прощание протянула Терезе руку, она чуть-чуть задержалась с пожатием. Едва заметно. Точно так же, как задерживаюсь я сама. Я такая же недотрога, как и моя мать. Мы всё-таки похожи.

К этому я оказалась не готова. Думала, что готова. Но нет. Меня это тревожило сильнее, чем я хотела признаваться себе. Если я похожа на неё в этом, значит, похожа и в чём-то ещё?

А я не хочу быть похожей на неё. Что теперь с этим делать?

32. ПЕРВЫЙ МУЖ

Станислав Майер не заметил, что я похожа на мать. Я навязалась ему в качестве провинциальной журналистки, собирающей материал о Терезе. И он легко согласился на встречу. Оказалось, что ему хочется поговорить о Терезе. Выговориться.

Станислав и Тереза встретились на какой-то космической выставке. И он сразу влюбился в яркую, сексапильную женщину, с которой сбылись все его мечты. Она была

и светской дамой, из-за которой Станиславу завидовали друзья, и прекрасной хозяйкой, преобразившей холостяцкую неустроенность в уютное семейное гнездо, и тигрицей в постели, избавившей его от застенчивости.

Но она постоянно просила денег.

Станислав работал в топ-менеджменте крупного банка и отлично разбирался в том, как делать деньги. Увы, он плохо понимал жизнь и женщин. Казалось бы, тебе так повезло, ты получил всё в одной жене, ты стал другим человеком. Зачем быть жадным? Не можешь дать ей тепла и заботы, так дай хотя бы денег. Не поддерживаешь её творческих заскоков, так заплати за то, чтобы другие поддерживали. Не понимаешь, что её гложет, заплати психологам, пусть подкрутят ей самооценку.

Слушая Станислава, я постепенно начала понимать, почему Тереза собрала вещи и ушла к подруге на кушетку в коридоре. Она вкладывала силы в то, чтобы создать фасад идеальной семьи, которая нужна была и Станиславу. Но он не понимал, что от него тоже требуются хоть какие-то усилия. Он не вкладывал в эту стройку ничего. Она хотела хотя бы денег — того, что не требует перестройки личности, душевных затрат, колебания эмоций, — а он упрекал её в том, что она мелочно корыстна.

С другой стороны, и Тереза ошибалась, прося денег в стиле требований расчёта с подрядчиком. Она твердила, что денег мало. А надо было бы разыграть карту сказочной финансовой наивности. Подтолкнуть Станислава к приятной роли всесильного крёза. Не «Дай срочно денег!», а «Милый, это так дорого, разве мы можем себе это позволить?». Станислав раскошелится бы и на двойное дорого, причём по собственной воле и с уверенностью в том, что его жена — экономный ангел.

Господи, и как со мной жить-то? Я же циник и манипулятор. Рим меня просчитает? А я пойму, как построить не фасад, не гнездо, не красивый, но пустой профиль,

а мир для двоих, где не нужны будут манипуляции?

Опять Рим... Ох, и влипла ты, Наташка.

Выяснив, что за коса нашла на гранит в первом браке матери, я начала плавно подводить Станислава ко всем прочим фактам из её жизни.

Станислав выболтал два интересных момента.

Во-первых, у родителей Терезы были, по всей видимости, очень хорошие зарплаты. Тереза приехала из провинции вовсе не бедной девочкой с тремя рублями в кошельке. У неё была целая шкатулка золотых украшений, она хорошо одевалась, могла позволить себе поужинать в ресторане, да и вообще любила деньги не потому, что их не было, а потому что она привыкла к хорошему достатку.

Во-вторых, Тереза была приёмным ребёнком. Её усыновили вскоре после рождения. Но Тереза знала и свою родную мать. Она называла её Лелей, но кто она и где живёт, Станислав не знал.

Тереза ничего не сказала мне о своей родной матери. Почему? Потому что она сама повторила то, что сделала и её мать? Тереза отказалась воспитывать меня, потому что и от неё отказались?

Кукушатник какой-то.

33. НАДЁЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Подбираться инкогнито к подругам Терезы было рискованно. Но, поразмыслив, я нашла, где использовать журналистскую легенду.

Я пришла в редакцию программы, из которой Терезу выкинули пару лет назад. И сказала, что я за сплетней для регионального еженедельника. Главный редактор мне несказанно обрадовалась, тема раскрутилась сразу

и практически до вечера.

Некогда Эвелина Муур считалась лучшей подругой Терезы. Трещину в дружбе проложила первая беременность Терезы. А известие о второй привело Эвелину в состояние такой чёрной зависти, что она не сдержалась и выплеснула её в череду обвинений Терезы в непорядочности, некомпетентности, глупости и далее по списку всё, что только может прийти в голову.

Эвелине хотелось поговорить о Терезе, и мне оставалось только слушать, отфильтровывая негатив, что не так-то просто было сделать.

Родители Терезы после гибели сына окружили дочку коконом неустанной заботы и опеки. С одной стороны, она росла избалованной девочкой в полном достатке, но с другой, ей не давали и шагу ступить без помощи и усиленной тревоги, а как бы что не вышло.

Отпускать дочь в столицу родителям не хотелось, но они понимали, что девочке нужен шанс. За первый год её обучения они приезжали каждые пару месяцев: наводили порядок, закупали впрок продукты, оставляли приличные суммы денег. Но потом у Петра Семёновича обнаружили раковую опухоль, которая и свела его в могилу ещё до того, как Тереза закончила учиться.

Получив диплом, Тереза болталась с работы на работу, выходила замуж, разводилась, снова влюблялась, и, как считала Эвелина, порхала по жизни, получая всё по мановению волшебной палочки. Особенно злило Эвелину то, что Терезе всегда хватало денег на новое платье.

Ольга Васильевна умерла несколько лет назад в результате осложнения операции на сосудах. И Тереза выгодно продала родительскую квартиру, ухитрившись даже из горя сделать деньги.

О том, что Тереза — приёмный ребёнок, Эвелина не знала. Не знала она и обо мне, что было ожидаемо. Но зато она знала, что у Терезы есть любовник.

Брак Кости и Терезы вроде бы трещал по швам ещё до рождения детей. И Тереза была склонна оценивающе присматриваться к мужчинам даже в счастливом замужестве. Потом она забеременела, беременность оказалась тяжёлой, ребёнок родился недоношенным, и родители сплотились вокруг выхаживания малыша. А когда Лёша выправился, и Костя с Терезой смогли сделать вдох, они вместе со вдохом случайно зачали второго ребёнка. И хотя всё протекало легче, мысли о каких-то сторонних отношениях никому не приходили в голову.

По надёжной информации из проверенного источника, которому Эвелина доверяла на все сто, Терезу повело налево прошлым летом, когда она выбралась из четырёх стен и увидела брутальную физиономию молодого спортсмена, в которого и не замедлила втрескаться со всем пылом, присущим женщинам за сорок.

Эта вульгарная, пошлая связь не могла не остаться незамеченной, и Костя, конечно, всё узнал, загрустил, запил, но решил бороться за жену любой ценой. Он не хотел давать жене развода, и в кругу друзей туманно рассуждал, что женщина будет там, где её дети. Из чего можно было сделать вывод о том, что он шантажирует Терезу детьми. Но почему он так уверен в том, что в случае развода дети останутся с ним, Эвелина не знала. Она считала, что Костя пустит в ход свой толстый кошелёк.

А мне пришла в голову мысль, что Костя может дискредитировать жену, вытащив на свет историю о брошенной старшей дочери. Такой скандал умоет Терезу грязью и даст ему преимущество в получении опеки над детьми.

Но хочет ли сама Тереза быть там, где её дети? И если вопрос стоит о разводе и тяжбах из-за опеки, то ей точно нужны деньги. А даже если предположить, что у её приёмных родителей был сундучок с золотишком, который они неспешно проживали, то этот резерв давно исчерпан.

Хочет ли Тереза быть с младшими детьми ценой жиз-

ни старшего ребёнка? Почему она просто не попросила денег?

Потому что именно этого я ждала и опасалась? Но я бы дала ей денег, если бы она объяснила, зачем они. Хотя нет, стоп. Я бы дала ей денег на то, чтобы она была с детьми, в то время как на меня у неё не было ни денег, ни времени, ни сил?

Что-то я окончательно запуталась.

34. БРАТИКИ

Визит в дом Соболевских я организовала себе сама. Позвонила Константину, представилась и напросилась в гости.

Увидев меня, Константин застыл и приоткрыл рот. В его изумлении моим сходством с матерью таился скрытый, непонятный мне подтекст. Мне показалось, что он даже готов захлопнуть дверь, чтобы никогда больше меня не видеть. Хорошо, что любопытство победило все прочие порывы.

Первая же его неуверенная фраза повергла в шок уже меня.

— Я мог бы быть твоим отцом.

Костя любил Терезу всю жизнь. С юности и по сей день. Он был в той поездке на юг, и когда Тереза вдруг оставила палаточный лагерь, очень переживал, что неприятный мужчина изнасилует его несравненную возлюбленную. Он догадался о беременности, и всё простил, хотя и прощать-то было нечего. Как верный рыцарь Костя предложил Терезе руку, сердце и имя для ребёнка. Тереза отказала.

Спустя несколько лет он снова её встретил, полузабытое чувство ожило, и Тереза снизошла до того, чтобы под-

пустить поклонника к телу. На радостях он опять был готов на всё. Тереза отказала.

В общем количестве всех этих итераций я запуталась, но у сказочки оказался счастливый промежуточный финал. Однажды Тереза сама вбежала в кабинет Кости и сказала, что будет его навеки. Я про себя подумала, что на благосклонность Терезы существенно повлияло то обстоятельство, что из гаражного автомеханика Костя вырос в состоятельного владельца солидного автосалона.

Костя полностью содержал Терезу, детей, дом, и относился к гонорарам жены, в том числе заграничным, как к забаве, которую можно потратить только на булавки.

В текущем временном потоке Костя пребывал в грусти и печали. Тереза от него уходила. Причём имел место не факт разрыва, а процесс её постепенного дрейфа из одного дома в другой. Время от времени Тереза являлась к Косте, бросалась ему в ноги, умоляла простить, говорила, что всё кончено. Но через какое-то время неслась обратно к любовнику. И только паровоза в этой мелодраме не хватало.

Однако мой мозг отметил тот факт, что дети оставались с Константином. Тереза не пыталась забрать их.

По мере беседы Костя успокоился, какие-то его демоны насчёт меня рассеялись, и, в конце концов, он провёл меня в детскую.

Я пыталась приготовиться к этой встрече. Но всё равно растерялась. Вот, есть два ребёнка. Два самых обычных мальчугана. И они имеют ко мне отношение. Да? Или это неважно? Я должна вот так сразу их полюбить? Или можно подождать, пока что-то само прорастёт? Что мне делать? Кто я для них? Незнакомая тётя — и только?

— У Лёши есть особенности...

Костя сыпал медицинскими терминами, а Лёша любопытно смотрел на меня. Моими глазами. И в руках он держал фломастер. И половина комнаты была завешана

рисунками. И на одном из этих рисунков была большая улитка.

— Павлику всего три года. Но мы планируем заниматься...

Серьёзный Павлик строил что-то сложное. Отель. Или клинику. Или всё вместе. Город. Маленькие ручки ловко собирали светлое будущее из цветных кирпичиков и бумаги.

Я присела и пристроила к большой башне маленький кубик. Павлик сердито мотнул головой и переставил его в другое место.

Костя понял, что я не оторвусь так сразу, и разрешил мне немного поиграть в кубики и порисовать фломастерами.

Братики. Удивительное всё-таки чувство.

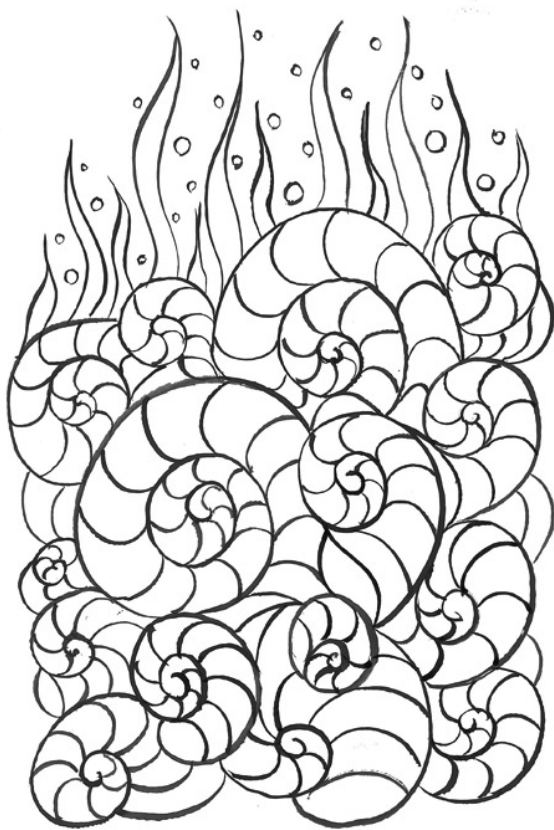
Я, конечно, забыла задать Косте все важные вопросы, но на прощание предложила:

— Привозите их ко мне летом. У меня очень хорошие условия. У вас будет, считай, отдельная квартира. Я всё устрою. Питание, пляж, экскурсии. И площадку сделаю. И даже английский организую. Хотя бы на пару недель приезжайте.

— Спасибо. Я подумаю.

В этом «подумаю» скрывалась целая бездна сомнений. Костя не знал, придёт ли его жена сегодня домой. А я звала его летом на пляж. Какой там пляж, когда счастье ускользает, и ты не знаешь, что делать, чтобы успеть его поймать.

ΓΛΑΦΑ 5

35. ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Вернувшись, я никак не могла составить разумный план действий. Надо было действовать, но за что хвататься, я не могла решить. Поездка, хотя и оставила во мне добрый след знакомства с братиками, не привела ни к каким конкретным выводам о том, кто такая Тереза. А новых идей поиска злоумышленников в голову не приходило.

Природа решила поддержать мои спутанные мысли погодной сумятицей. Чередование всех возможных и невозможных вариантов солнца и дождя, ветра и шторма погружало побережье в апатию, и я поневоле поддавалась сумрачному настроению.

Ко мне явился новый арендатор «Розовой Надежды» с вопросом, почему мы с Маринкой спрямили забор, прихватив пару метров его законной территории. Мне захотелось его если не убить, то вытолкать за забор пинками по пятой точке.

Бабаня внезапно прониклась идеями христианства. Посетив несколько служб в церкви, она нацепила крестик, выучилась креститься и принялась допекать меня моральями о непременном наказании за все смертные грехи.

Как я и предрекала, отец спутал Розу с некоей Аделаидой, и обе соперницы под влиянием какого-то вредного космического излучения решили, что в их споре лучшим арбитром буду я.

Мамася пришла, чтобы вручить брошюрку общества трезвости, а заодно поинтересоваться, не дам ли я ей монет на опохмелку.

Я ошиблась с налогами. На меня подали три иска. Я попала на парочку неприятных штрафов от пожарных.

Чувство юмора стало меня подводить, коробки с вином начали убывать, и я, читая на ночь брошюрку о трезвости, начала задумываться о преимуществах быстрой

эмиграции в Новую Зеландию.

На доктора Колесникова я натыкалась повсюду.

Я ободрала рану на руке и приехала в больницу, подавшись уговорам Дона. Процедуры, которые он мне устроил, оказались болезненными и выматывающими. И когда я выжатой тряпочкой пыталась отдышаться в коридоре, мимо проплыл Роман Алексеевич, удостоивший меня взгляда, но не приветствия. И зачем его в больницу занесло? У него своя клиника есть.

Но если больницу ещё можно было как-то объяснить, то на встречу в лабиринте судебных инстанций я никак не рассчитывала. Только я, растрёпанная и уставшая ответчица, пристроилась на стул, чтобы растолкать все бумаги по папкам в портфеле, как оказалась на пути следования делегации юристов, среди которых затесался не кто-нибудь, а доктор Колесников. В суде-то ему что делать?

А за какой надобностью он притащился на стройрынок? Мне понадобилась разная ремонтная мелочёвка, и я, как обычно, пришла к Зурабу. Мы разыграли традиционный спектакль с отчаянной торговлей буквально за каждый крючок и дюбель. На самом деле я полностью полагалась на Зураба, зная, что на мне он наживаться не будет. Я привозила ему список необходимого, а потом получала коробки и счета. Но как же торговать без торга? Он расхваливал товар, я критиковала всё подряд, вокруг собирались продавцы и покупатели, и всем было весело.

Как раз в разгар торга, когда я, раскрасневшись, объясняла Зурабу, что никак не могу переплатить целых две копейки за паршивую отвёртку, в толпе проявилась физиономия доктора Колесникова. Каким образом он там оказался?

Доконал меня репортаж местного телевидения. Я не смотрю телевизор, я его даже не включаю. Но телевизор смотрит Маринка, и вот именно во время наших

пятничных посиделок, только я расслабилась, на экране возник основатель нового оздоровительного центра.

Роман Алексеевич вещал о высоком качестве обслуживания и строгом соблюдении врачебной этики:

— От моего нейтрального отношения зависит моя компетентность. Я не могу ставить под угрозу здоровье доверившегося мне человека. Да, случается, что некоторые пациентки фантазируют о романтических приключениях с лечащим врачом. Но на то я и врач, чтобы переводить эти фантазии в те области, где они не будут мешать выздоровлению. Я выстраиваю диалоги с пациентками в рамках общей заинтересованности в результате...

И ведь я сама дала ему контакты телевизионщиков.

Недавно мне казалось, что буквально за ближайшим углом притаилась смертельная опасность. Но время шло, ничего не происходило, и я мучилась ощущением глупой ошибки, исправить которую будет непросто. Даже если знать, как исправлять.

Грустил и Тараскин, не находя никаких зацепок к таинственному искателю. Я обсудила с ним идею денежного мотива, но она его не впечатлила. Он только посоветовал мне выйти замуж:

— Без налогов ты можешь подарить собственность мужу или детям. И завести мужа можно гораздо быстрее, чем ребёнка. Да и с меньшим количеством условностей. Ребёнка-то ещё зачать нужно. И выносить. А расписаться можно через две недели. Или даже быстрее, я точно не знаю.

— Засада в том, что передав собственность мужу, я могу и не получить её обратно. У мужа будет веский мотив довести дело моего убийства до логического завершения. Но уже из своих корыстных соображений.

— Может, мужу не захочется убивать?

— Проще всё продать, купить слитки золота, сложить

их в сундук, сундук зарыть в укромном месте. И сесть на паперти городского собора с протянутой рукой.

Тараскин обмозговал эту идею и серьёзно выдал:

— Не думаю, что это хороший план.

Я подарила хорошему человеку Тараскину бутылку классного итальянского вина. Приобщила родную полицию к достижениям мировой энологии. Не всё же мне одной дегустациями заниматься.

36. ЖЕЛЕЗНАЯ КУКЛА

У Дона случилась первая вот прямо-таки взрослая и круглая дата рождения — тридцать лет, и по этому случаю Зойка собрала настоящий банкет в настоящем клубе. Слово «настоящий» в её речи ещё и подчёркивалось особой интонацией. В общем-то, банкеты — не стихия Зойки, да и Дон искренне полагает, что все подобные мероприятия должны проходить по принципу обеденного перерыва — пришли, поели, ушли. Но для родителей Дона банкет был важен, и подружка производила впечатление на них.

Я опоздала, хотя и клятвенно обещала, что прибуду вовремя. До именных карточек Зойка не додумалась, поэтому мне досталось место на самом дальнем столике, чему я была рада. Веселиться в центре толпы мне совсем не хотелось.

Вечер шёл своим чередом, гости наелись и разбрелись по залу, кто-то начал танцевать, кто-то петь. Я сидела и набрасывала в блокноте план на следующие сто лет жизни.

Я надеялась, что Рим не подойдёт, но он не только подошёл, но и плюхнулся на соседний стул, развязно продекламировав:

— Грусти королевы не разделит граф. Графу не до гру-

сти, он в скрещении шпаг. Скоро будет проткнуто сердце храбреца. Королеве сварят суп из чабреца.

— Жаль, Римушка, что в результате конкуренции медицины и литературы твой талант к рифмам безвременно зачах.

— Мне нравится, как ты называешь меня Римушкой. Но я слышу сердитые нотки в твоём хрустальном голоске. Не будь столь суровой к бедному поэту.

— Я не сурова. Я устала.

Рим вытащил из вазочки на столе хризантему и протянул мне:

— Прости, я наговорил тебе глупостей и гадостей. Это всё неправда.

— Я знаю.

— Ты снова с повязкой. Плохо заживает?

— Я случайно ободрала то самое место, где порез.

Рим чуть помедлил и выразительно переспросил:

— Случайно?

— Уронила коробку со стеллажа. Автоматически попыталась поймать, и подставила руки. Дон сказал, что во мне ещё осталось литра четыре крови, так что я должна выжить.

Подумав над этим заявлением, Рим явно собрался поучить меня жить, и я быстро его опередила:

— Да, я знаю, что глупо было тащить тяжёлую коробку самой и в одиночестве. И хорошо ещё, что руки не оторвало, а голову не ушибло. И это мне урок на будущее. И впредь я буду думать, прежде чем бросаться на такие подвиги.

— Хочется верить. Но есть сомнения.

— Вот и у меня та же проблема.

Помолчав, Рим с дикторской интонацией сообщил мне:

— Соседи собираются судиться с тобой.

— Это ежегодное обострение к сезону. Тупо покормим

государственный аппарат, только и всего.

— Юристы «Империаала» могут помочь.

— Я знаю, сколько берёт Натан Ефимович. Мне не то, чтобы совсем не по карману, но накладно выйдет.

— Я договорюсь.

— Не будем впутываться в денежные дразги. И дадим дорогу молодым. Мне одного парнишку порекомендовали, последний курс областного юридического. Наивный пока ещё студент, но рвётся в бой.

Чуть нахмурившись, Рим вроде бы небрежно поинтересовался:

— У тебя денежные затруднения?

— Как всегда. Я поменяла бухгалтера. У меня была пенсионерка для галочки, я почти всё сама делала. Но сколько можно одной всё тянуть? Я взяла девочку из декрета, она не очень опытная, но толковая, хочет учиться и работать. А ещё управляющего ищу. На тот случай, если меня нет, кто-то должен стоять у руля. На отца не могу полагаться. Так что зарплат больше, денег в кубышке меньше.

— Говорят, ты продаёшь старый участок?

— Да. Что ещё с ним делать? Две стройки мне не потянуть. Да и не нужна мне вторая территория, ещё и крошечная. Абдулла присоединит к себе, сделает кафе. Вопрос, сколько монет я с него получу. Буду торговаться.

Рим улыбнулся:

— Как тогда на рынке?

— Нет. Тогда для настроения было. А тут покруче сюжет будет. В каком-нибудь тёмном баре сядем мы с Абдуллой рядом и начнём пугать друг друга вкрадчивыми голосами. Он мне расскажет, что делают с глупыми девицами в тёмных барах. А я ему припомню скелет бабушки в шкафу.

— Ты собираешься что-то строить?

— Второй корпус. Хочу возвести само здание через

год, до начала сезона. Но оборудовать его вряд ли успею. Ничего. Важно не потерять тех, кто приедет и увидит, что мы развиваемся, не мешая их отдыху. А вот третьего корпуса не будет. Я сохраню шарм своего милого скверика и атмосферу небольшой резиденции для своих...

Ну зачем он так смотрит на меня? Так спокойно и весело, как будто ничего не произошло, как будто я никуда не уходила? Как будто мы сидим в его пустой кухне и болтаем обо всём подряд.

— А как твои дела? Ты получил свой вожеленный томограф?

— Получил. Но место под него ещё не готово. На следующей неделе будет аврал с установкой и всем прочим.

— Я видела тебя по телевизору. Хорошо получилось. Только в следующий раз сделай акцент не на среднем возрасте, а на стариках и престарелых. Скажи, что у тебя специальная программа для них, что ты проводишь дорогие исследования, но в результате пациентам, возможно, не понадобятся дорогие и рискованные операции. То есть в сумме они выиграют. Вверни посыл на двойную экономию. Лучше ходить, чем лежать в палате. И лучше платить за знание, чем за гадание.

— Я не успел законспектировать. Но общий смысл уловил. Толково, как и всё, что ты придумываешь. Спасибо.

Нет, свободно поболтать не получается. Притормаживаем мы на фразах и репликах, запаздываем, потому что думаем, что сказать.

— Потанцуй со мной.

Нет, не надо нам танцевать. Танцевать — это стоять рядом, это касаться друг друга, это чувствовать, как бьётся чужое сердце. Танец — это волнение, это сбивающееся дыхание, это движение, которое хочется продолжить наедине. Там, где в окно бьётся штормовой ветер с моря...

Рим остановился и на ухо спросил:

— Сколько и чего ты выпила?

— Красного вина. Бокал.
— Наелась плотно? Горячее уже слопала?
— Нет. А ты что, решил переделаться в гастроэнтеролога?

— Держись за мою руку. Идём.

Коридор, двери, свисающие тряпки, стенды, двери, коридор. Рим втолкнул меня в какую-то комнату и резко встряхнул за плечи:

— Эй! Таша! Очнись!

— Я не сплю.

— Я хотел тебя коснуться. Почувствовать, что ты рядом. Но меня это убивает. Я чувствую, что ты не просто зажата. Ты как железная кукла на плохо смазанных шарнирах. Ты ходишь и говоришь, ты улыбаешься, но твоё тело кричит о том, что тебе плохо. И хуже, чем раньше.

— Да ничего такого.

Рим снял часы, бросил их на журнальный столик и закатал рукава рубашки:

— Вон там, в шкафу простынку возьми, платье снимай, на диване располагайся. Буду пациентку спасать.

— Я в порядке.

— Можешь обманывать себя. А мне не ври. Бесполезно.

По всей видимости, Рим знал, что в этой не то гримёрке, не то подсобке есть и диван, и кран в углу, и даже одноразовые простыни в шкафу. И я же в курсе, что великий цезарь любое масло на свои ручки не выльет. А здесь его любимое обнаружилось. Случайно? Или он уже делал здесь массаж? И кому, интересно? Девочкам из варьете?

Да пристрелите уже эту ревнивую Наташку, чтобы она не мучилась!

Я успела привыкнуть к разным техникам массажа, но то, что делал Рим на этот раз, сбивало восприятие. Точечные касания сменялись тяжёлым утюгом, и движения ладони продолжались волнами непроизвольной дрожи в ногах и руках. Рим не касался забинтованной руки,

и только её я осознавала как привычную данность. Остальные нервные импульсы сбоили. Сбоило и чувство равновесия. Периодически я словно падала, потеряв опору.

Массажа Риму было мало, он ещё и в мануальной терапии попрактиковался. Попытался оторвать мою голову.

— Глубокий вдох. Выдох. Ещё. Встряхнись. Всё, свободна.

Я потянулась за платьем, но Рим махнул рукой:

— Нет, стой. Дай простыню, я тебя вытру.

Ой, не надо... Дурак, какое вытру... Это же прелюдия...

Рим остановился, завернул меня в простыню и чмокнул в лоб:

— Возвращайся. Приходи и всё.

Подцепив мизинцем браслет часов, Рим ушёл. А когда я выбралась из лабиринта гримёрок и кладовок, оказалось, что он уехал. Я же попала на зажигательный конкурс с надувными шариками. И поделом мне, железной кукле.

Вернуться... Могу. Хочу. Но... Или нет никаких но?

37. СВАДЕБНЫЙ ВИРАЖ

Не знаю, чего добивался Рим, но после его забот я трое суток спала. Просыпалась, сонно хомячила кусок хлеба, запивала водой, а потом снова клевала носом и заползала в кровать. О работе можно было и не вспоминать. Столбик цифр — лучшее усыпляющее средство.

Немного очухавшись, я обнаружила, что общая картина мира нисколько не поменялась. Серый фон, унылые лица, муторные заботы...

Я полагала, что уж кто-кто, а Редди принесёт мне светлый лучик позитива. Но когда он ввалился в квартиру, мне хватило одного взгляда на него, чтобы ноги подкоси-

лись ещё до того, как он начал говорить:

— Флеш выходит замуж. В субботу свадьба.

Нет, этого не может быть.

Кто в здравом уме откажется от моего прекрасного рыцаря? У меня мозги набекрень, и то я рыдаю, что у нас так глупо всё обернулось.

Редди невесело хохотнул и повторил чужие слова, разбившие его сердце:

— Я ненадёжен. Я легкомысленный балбес. Со мною весело, но семью со мной не построить. Семья — это тяжёлый труд, это постоянная работа над собой, это сложный путь компромиссов и договоров. А я не хочу трудиться, не хочу сложных путей. У меня нет проблем.

Действительно, и как же можно так жить?

— Голова кругом, Ладощка. Всё было решено. А я, дурак, надеялся, что путь свободен и время есть.

— Это из-за больницы? Она начала встречаться с другом, пока ты болел?

— Не знаю. Может быть. Но она была знакома с этим другим до того, как появился я. Болтают, что она частенько с ним обедала или ужинала всё это время, был я в больнице или нет. Это был её запасной вариант. А, скорее, основной. Потому что за бортом оказался я.

— Давай её украдём? Прямо со свадьбы?

— Нет, Ладощка. Зачем красть, если выбор сделан. Я не понимаю его, и ты не поймёшь, но, может, это мы такие странные, а мир другой?

— Пройдёт месяц или два, и она может передумать. В конце концов, пройдёт год или два, и она может разочароваться.

— Я не смогу уважать её. Если бы я понял, что она любит другого, что я оставлен ради другого чувства, что она будет счастлива, я бы смирился. Но нет. Я оставлен, потому что спасатель — это не работа. Ей нужен чиновник со стабильной зарплатой. Я растоптан, я зол, и всё конче-

но. Поедешь со мной?

— На свадьбу? Зачем?

— Она прислала приглашение. Хочет видеть меня на торжестве.

Прихлопец. Она будет наряжаться, пить шампанское, болтать с подружками, бросать букет, есть пирожные. Она будет заниматься сексом. А он будет частью программы? «Здесь вы можете видеть грустный взгляд моего несчастного поклонника...»

Зачем она оставляла в нём надежду? Почему не поставила точку сразу? Зачем причинять боль, когда в этом уже нет никакого смысла? Если она счастлива — незачем бить того, кто несчастен. А если несчастна, то сама в этом виновата.

Она испугалась больницы и инвалидной коляски? Но прогнозы были хорошие с самого начала. Ему нужно было время. И он прекрасен, как и раньше. Почему она не подождала? А если не хотела ждать, зачем уверяла, что любит?

— Я знаю, Ладошка, о чём ты молчишь.

— О том, что ты ничего не изменишь.

— Сердце болит...

— Незачем терзаться и изводить себя. Оставь её. Оставь, как есть. Уходи, убегай. Спасай свою гордость. Спасай себя.

— Я не могу. Я поеду.

— Хорошо. Я поеду с тобой.

В пятницу накрапывал дождь. Редди вёл машину слишком осторожно, и я не могла отделаться от воспоминаний об аварии. Но мы пытались болтать о чём-то постороннем. И всё равно потратили на дорогу больше времени, чем планировали.

В небольшом посёлке было единственное кафе, где странники вроде нас могли рассчитывать на ужин. Мы за-

няли неудобный столик на проходе. В кафе собирался местный люд, и все столики в уголках и вдоль окон были заняты.

На Редди бросали слишком много взглядов. Тех тайных взглядов, что впиваются колючками в лопатки. Публика ждала скандала, драмы, выходки, или, по крайней мере, хотела полюбоваться драмой несчастного влюблённого.

Взгляды доставались и мне, но колючек из них уже не получалось. Редди хотел, чтобы я приехала в образе королевы красоты с бриллиантовой короной на голове. Но я была против вызывающей нарочитости. Я приехала собой — в обычных джинсах, без косметики, с лёгким ободком.

Покончив со вторым блюдом, я подтянула к себе чашечку кофе, вытащила из сумки блокнот и буднично предложила:

— Всё равно делать нечего. Давай пока сосредоточимся на аварии и всём том, что было потом. Проговорим всё с самого начала. Подумаем, что мы упустили. Ведь где-то есть тонкие нити, которых мы не увидели.

Не сразу, но мы втянулись в обсуждение того, что уносило нас подальше от этого скромного кафе, от этой серой площади, от этого мелкого холодного дождя.

Мы не спорили, не размахивали руками, не повышали голоса — мы говорили о чём-то своём. Спокойная беседа с какими-то рисованиями в блокноте — что может быть скучнее?

Редди не выделялся, не страдал, у Редди была девочка, которой не надо было притворяться королевой. Он внимательно смотрел на неё и без обрамления из бриллиантов. Он не изображал страсть, не заявлял, что это девочка его мечты, не хвастался — будничный разговор бывает выразительнее, чем любая театральная постановка. В этой будничности драма стремительно разваливалась,

ибо где же здесь несчастный влюблённый? А был ли мальчик, как говорится.

Потом в кафе ввалилась компания молодёжи. Конечно, многие понимали, что за роль отведена Редди на завтрашнем празднике. Но и у Ладоски есть свои тайные ниточки управления вселенной. Я улыбнулась Лукасу, и нас втянули в общий круг, нам налили вина, нам предложили выпить за мир во всём мире. И мы выпили.

Слово за слово, байка за анекдотом, история за фокусом, в разгар хмельного веселья Лукас предложил выпить и за нас.

Ладоска и Редди — это навсегда. Мы были, есть и будем. Мы горели и тонули, мы ходили в рёве медных труб. Мы возрождались из пепла и взлетали в небеса. Мы вместе, и никому не под силу разлучить нас. За нас. За нашу любовь.

Расчувствовавшись, Редди поцеловал меня. Я, смутившись, покраснела.

Такая вот скромная я девушка.

Потом мы ещё целовались, говорили тосты, смеялись и создавали привычный образ классной парочки. И хотя мы знали, что это только образ, он захватывал и подчинял нас себе.

Я прятала Редди в старом добром коконе для двоих. И наносила тихий удар той, что хотела торжествовать. Это не она выбрала лучшего. Это лучший не выбрал её. У неё не было шансов. Ведь у него уже была лучшая девушка. А другая осталась с тем, что осталось.

Нет, я не злая. Я ревнивая.

Ночевать мы завалились в крохотный домик на выселках. Мы вечно ночуем в каких-то чужих комнатухах. Редди припал к графину воды, а потом вдруг привлёк меня к себе:

— В тебе проснулась та опасная сладость, что веками губит мужчин.

— Хватит ли этой силы, чтобы укротить тебя?

— Не обжигай меня.

— Не провоцируй меня.

Мы замерли, опомнившись. Но пришла пора сломать ту защитную стену, что мы сами себе возвели.

Правую руку Редди пересекала белёсая полоса. Я провела кончиком пальца по этому следу, а потом двумя ладонями забрала его руку, поднесла к своим губам и поцеловала.

Знаю, это было больно. Прости.

Тёплые мужские пальцы очертили край моих волос, спустились на шею, и тяжёлая ладонь закрыла моё маленькое плечо.

Да, и это было больно. Простила.

Посмотреть друг на друга без затаённой боли. Нам всё-таки это удалось.

— Ох, Ладощка...

Редди свалил меня в подушки и поцеловал. И я поцеловала его в ответ.

И прошлое перекрылось ощущениями новой встречи.

Мы хорошо знали друг друга, и всё же открывали всё заново. У нас были свои ритуалы, но они уже ничего не значили. Казалось, мы помним, какие у нас тела, но мужчина раздался в плечах, стал крепче и выносливее, а у женщины появилась сила и взрослая грация.

Мы смели все прежние границы. Мы наслаждались тем, куда раньше не умели заходить. Грубая сжигающая страсть и распутная изнеженность, быстрая гонка за удовольствием и ленивые изводящие ласки — мы испробовали всё. Мы просто не могли остановиться.

Проснувшись, я задумалась о том, что надо бы начать делать зарядку. Нет, не сегодня. Никто не делает зарядку перед ужином. Но в некоторой перспективе обязательно надо заняться.

Мысли о зарядке посетили меня в связи с общим ощущением разбитости всего тела. Это только в книгах люди бесятся всю ночь, а потом элегантно выплывают пить чай. Я с трудом собрала себя в набор конечностей, прицепленных к туловищу. И порядок их расположения вызывал некоторые сомнения.

Редди попытался потянуться, но отказался от этой мысли с каким-то ругательством. Чуть повернувшись, он выразительно прошептал:

— Воды... — И картинно уронил голову в подушку.

Конечности потащили моё тельце на поиск источников воды. В процессе поисков обнаружилось, что или тельце забыло прицепить себе голову, или мозг парализовало. Я минут десять ковырялась, прежде чем скорее чудом, чем разумом, налила что-то прозрачное в стакан.

Кое-как доковыляв до кровати, я протянула стакан Редди:

— Или вода, или водка. Не могу понять.

Пригубив и посмаковав жидкость из стакана, Редди с чувством изрёк:

— Ты прекрасна.

Поставив стакан на тумбочку, он перекатился, издал тихий стон и сообщил:

— Не уверен, что смогу встать. Но мы это как-нибудь повторим.

— Не сегодня.

— Успеется. Ладошка и Редди — это навсегда.

Потом он, конечно, вспомнил. И в его глазах мелькнули слёзы. Но день прошёл, а там пройдёт и следующий день. И ещё, и ещё...

Повторим ли мы? Вряд ли. Но теперь мы действительно свободны. Прощены. И простили. И мы можем идти дальше. И лететь. И любить.

38. НАХОДКИ В СТОРОЖКЕ

Лететь с похмелья можно только вниз.

Вечером мы с Редди отметили день свободных полётов. А утром меня разбудил звонок Тараскина, я вызвала такси, бросила беспробудно дрыхнувшего Редди на произвол судьбы и помчалась выяснять, куда же внезапно сдвинулось расследование. Но если в машину садилась энергичная Ладошка, спросонок не понимающая всей степени своего падения, к отделению подкатила злая Наташка, проклиная всех виноделов мира, всех полицейских мира и всех таксистов мира заодно.

А у входа маячил не кто-нибудь, а доктор Колесников собственной персоной. Ну почему, почему я не додумалась сказать Тараскину, что умираю от сепсиса?

Неловкое железно-шарнирное создание кое-как подтащилось к доктору. Рим оглядел меня, выразительно потянул носом воздух и с издевательски весёлой интонацией поздоровался:

— Доброго здоровьяца, Наталья Александровна.

— Привет.

— Весёлый вечерок?

— Не то слово.

— Нуروفен хочешь? Да хочешь, я же вижу. На, две таблетки сразу заглоти.

Примерно с такой же ироничной жалостью я обращаюсь обычно к пациентам Чуркина. Хоть бы рука не затряслась, пока за таблеточками тянуться буду.

Рука не затряслась, но я чуть промахнулась и не сразу сцапала два белых кружочка.

— И синяк на шее воротником прикрой. Не смущай Тараскина. Молод он ещё следами жестокого разврата любоваться.

Всё, Наташка, ты распоследнее ничтожество этой планеты. Да и всей Солнечной системы, чтобы уж не мело-

читься с масштабом.

Я спряталась в туалете и попыталась привести себя в условный порядок. Но Рим, видимо, успел сболтнуть что-то Тараскину. Потому что тот встретил меня грустным взглядом, как если бы я уже билась в последних септических конвульсиях.

На стол легла фотография молодого мужчины. Мне эта личность показалась незнакомой, но Рим кивнул:

— Это тот человек, что напал на меня.

Тараскин объяснил:

— Пётр Вишневский по прозвищу Пятачок. Его тело нашли вчера утром. Предварительная причина смерти — передозировка.

Может, никакого покушения и не было? Наркоманы в ломке хотели новую дозу?

— Пятачок следил за Наташей. И мы следили за ним.

На стол легло ещё несколько фотографий.

— Он жил в сторожке рядом с палаточным лагерем в заповеднике. Сторожка давно заброшена, но иногда в ней поселяются люди вроде него. Мы перестали проверять сторожку, чтобы не вспугнуть Пятачка. Когда он исчез на пару дней, решили всё-таки нагрять в гости. Обнаружили тело.

Я взяла одну из фотографий. На ней была снята стена сторожки. На грубых досках гвоздями и кнопками было пришпилено несколько моих фотографий. Я возле калитки отеля. Я около квартиры. Я иду мимо закутка с мусорными баками.

— Наташа, в сторожке обнаружена не только коллекция твоих фотографий. Мы нашли адреса квартир и мест, где ты бываешь. Судя по всему, Пятачок планировал новое нападение. Вот в этом закутке удобно выскочить сзади, придушить или резануть по горлу, затащить тело за мусор, и там его ещё сутки-другие-третьи не найдут.

Мои ножи, торчащие из мусора? Прелесть какая.

— Заказчик не понял, что связался с наркоманом, и это отсрочило нападение. Но вопрос времени, когда найдётся новый исполнитель. Все материалы Пятачка остались в сторожке, но он мог передавать их заказчику.

Инструкции по тому, как обнаружить слежку, и что делать в случае её обнаружения, с трудом прорывались сквозь туман из множества сплетающихся и разбегающихся мыслей. За мной следили, а я ничего не замечала. За мной присматривала полиция, а я веселилась, не понимая, что убийца уже выбрал место засады. Глупо быть овцой на заклание. Но я ведь овцой и выступила?

Знает ли Тараскин, откуда я приехала этим утром? Наверное, знает. А значит, знает, с кем и как я провела последние две ночи. И что тогда ему мой синяк? Что ещё он знает обо мне и том, что происходит вокруг меня?

Выйдя на улицу, я мысленно представила себе яркое табло на дороге. На нём красовалось шесть разноцветных неоновых цифр. В крепкой иностранной валюте. Дотянет ли моё состояние до семи цифр? Нет. Но месяц назад подростки забили старичка за кошелек, которого им хватило на несколько банок пива.

Пора перестать надеяться, что всё это ошибка, что всё как-нибудь само развеется. Кто-то заплатил за то, чтобы я умерла. А значит, у меня есть смертельный враг. И где-то рядом готовится нанести удар новый убийца.

Рим остановился рядом и предложил:

— Давай, отвезу тебя.

Я быстро прошла вперёд, повернулась и, не сдержавшись, громко выпалила:

— Нет! Уходи! Убирайся! Катись куда подальше!

Забыв все наставления Тараскина, я бросилась бежать — в город, в лабиринт улиц, к людям, а потом к пустому пляжу, к бескрайнему холодному песку.

39. ГИБКОСТЬ КРУГОЗОРА

Никто уже не спрашивал, зачем меня принесло в полицию. Ребята на входе приветливо кивнули, как будто я тут сто лет работаю.

Поставив бутылку на стол, я села, подмигнула Тараскину и заговорщицки прошептала:

— Ты можешь проявить гибкость?

— Чего? Шеи? Или ума?

— Кругозора. Я хочу поговорить с разными важными персонами. Но не хочу нанимать тупую охрану. Из тебя, конечно, тоже не бог весть какой охранник, однако я буду солидно смотреться с полицейским на прицепе. И тебе некоторые связи не помешают. Только ты должен пообещать, что не будешь дёргать людей по пустякам. Они, конечно, все в сложной позе зю по отношению к закону, но посмотри, что вокруг творится.

Тараскин попытался сделать невозмутимое лицо, но я почувствовала, как его распирает любопытство.

— Мне было бы проще таскаться везде с Редди. Но у него свои игры, и он неизбежно припутает к моим делам какую-нибудь рюшечку от своих интересов.

— Зачем тебе важные персоны?

— Моя родная мать Тереза — приёмный ребёнок. Её родители уже умерли, но есть ещё её родная мать, о которой она явно не хочет говорить. Я сделала пару заходов — но она упёрлась, как мул. Сказала, что та давно живёт за границей, неизвестно где, и много лет не появлялась.

— Ты уж очень сложный заход придумала. Думаешь, бабушка охотится на тебя, чтобы помочь дочурке?

— Понимаешь, многое наводит меня на мысль, что финансовое благополучие учительницы и экономиста подпитывалось из какого-то дополнительного источника. Чтобы советские люди от огорода отказывались? Сам подумай, ты много таких знаешь? Я думаю, что если они

не раскопали старинный клад, то мать Терезы подкидывала им рублишек — на дочурку.

— Гадаешь на воздушном замке.

— Не совсем. Когда я была маленькой, Тереза приезжала с одной и той же песней — что она вот-вот осыплет всех если не золотом, то крупными купюрами. Она повторяла то, что знала.

— Ты хочешь найти бабушку?

— Это моя фотография. А это фотография Терезы. Мы немного похожи. И я хотела бы проверить, нет ли в базах полиции похожих лиц. Ну, есть же общий поиск. Большой. По всем лицам страны.

— Это не так просто сделать.

— Попросим важных людей.

— Кого конкретно?

— Иордана. Сашу Толстого. И Чухонца. Этих троих я лично знаю.

— Ты будешь им должна. Уверена, что сможешь рассчитаться? Так, как захочет, например, Саша?

— А чего Саша захочет?

Хихикнув, Тараскин объяснил:

— Тебя. Он даже пытался поторговаться с Редди. Перекупить твою благосклонность. Между прочим, до приличной суммы дошёл.

— Ты имеешь в виду...

— Да. То самое.

Мне стало очень не по себе. Нет, реально, повеяло холодком по ногам. Да и вся я как-то разом замёрзла. Почему Редди мне не сказал? Это ведь опасно. Я могу вляпаться в неприятности и без прочих осложнений.

— Я не знала.

— Ты много чего не знаешь.

А Тараскин знает. Знает грязные подробности делишек Редди. Знает, какие авторитеты чего хотят. Какие чиновники сколько стоят. Да и много чего другого знает.

Поэтому и улыбается. Мои потуги выступить великой сыщицей его веселят. Нашлась умница поучить его, как загадки разгадывать.

Деловито потеряв руки, Тараскин посоветовал:

— Сашу выкини, он бесполезен. С Иорданом можешь поговорить, но без меня. У него на меня зуб есть. И если уж искать, то это проще мне самому сделать.

— Ты сказал, что это сложно.

— Иордан позвонит полковнику. Полковник спустит задание вниз, и не обязательно мне, но сути дела это не меняет. Тот, кто получит задание, наведёт справки обычным порядком, и результат пойдёт обратно до полковника, потом Иордану, потом тебе, потом мне.

Я разочарованно вздохнула. Тараскин ухмыльнулся:

— Или ты наивно полагаешь, что у Иордана есть какая-то своя спецслужба? Посмотри, что вокруг творится.

Что смотреть-то. Огромная структура, тысячи людей, бешеные налоги, сумасшедшие траты, а поможет мне один Тараскин, имени и отчества которого я не удосужилась запомнить.

— С Чухонцем я сам поговорю, без тебя. Но это если нам тяжёлая артиллерия понадобится. Я надеюсь, что обойдёмся и без неё. Потому что ради помощи Чухонца тебе придётся кинуть Редди. Или уговорить его потерять куш.

— Я заплачу.

— Не сможешь. Если только не решишь продаться Саше Толстому.

Почувствовав себя персонажем анекдота, где королева уже торгуется, я не рискнула задать уточняющий вопрос. Мне никогда не приходило в голову, что моя благосклонность может стоить денег, и поэтому я полагала себя этой бескорыстной поборницей чистой любви.

Может, Саша не так уж плох? Ну, колобок, конечно...

Бэээ. Нет, не могу... Придётся остаться бескорыстной.

По лёгкой улыбке Тараскина я заподозрила, что он прочитал мои мысли, но не стала развивать тему, спросив его самого:

— А ты что хочешь?

— Да что с тебя взять. Бутылку привезёшь, будем в расчёте.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Протянув руку Тараскину для рукопожатия, я скрепила неформальный договор о сотрудничестве вскриком и гримасой. Тараскин автоматически сжал мою ручонку с такой силой, что вся важность момента начисто пропала.

40. СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ

Холодные ветра принесли к нам то ненастье, которое мы обычно наблюдаем лишь в телевизорах. На улицах появились меховые неваляшки, модным трендом стало одновременное ношение двух курток. Без особой надобности никто не вылезал за пределы своих уютных норок.

Бабаня уселась передо мной с обиженным и в то же время надменным лицом. Она была недовольна тем, что пришлось тащиться в мастерскую. Отчего я сама не могла подойти к ней? А вот не захотела. Заставила подвигаться бабушку — в заботах о её же здоровье. Светила медицины в своих книжках пишут, что двигаться нужно каждый день.

Есть ли в Бабане то чувство, которое называется любовью? Если я задаю себе этот вопрос, наверное, это какое-то слабое чувство?

Есть ли у меня чувство душевной теплоты, которое рождается само по себе, без дополнительных мысленных одёргиваний — ты должна быть благодарна? Пожалуй,

нет. Я благодарна, но это расчёт разума. Разве тянуло меня когда-нибудь броситься в объятия любимой бабушки? Выплакать ей свои обиды, утешиться, успокоиться в звуках ласкового голоса? Нет, я избегаю объятий, и я никогда не рассказывала бабушке о своих мыслях и чувствах.

Мои друзья общаются с родными, и они чувствуют неуверенность, тревогу, если пауза в общении оказывается слишком долгой. Но я ведь не понимаю этой тревоги. Я общаюсь, потому что в моём мысленном ежедневнике есть строчка «Бабаня». И наличие этой строчки продиктовано не душевным движением, а житейским расчётом.

Вздыхнув, я спокойно обратилась к Бабане:

— Ты остаёшься жить здесь. Пока — в том номере, что занимаешь. К лету придумаем что-нибудь получше. Старый участок я продаю. Горелый завал расчищен, бумаги готовы. Через месяц мы забудем об этой проблеме.

Бабаня поджала губы, и этого мимического движения я боялась в детстве. Даже не знаю, почему. Она никогда не шлёпала меня, не давала подзатыльников, не толкала. Но она заставляла меня плакать и без физической агрессии.

— Я никуда не поеду. Это мой дом. Я в нём жизнь прожила. И никто меня оттуда не выгонит. Ты не можешь лишить меня последнего.

— Дома нет. Это сложно осознать, но придётся. Хочешь — отправляйся на голую обгоревшую землю. Но я не собираюсь тратить силы на два фронта. Моя работа здесь. Так что прими то, что я решила для тебя. А решила я неплохо. У тебя будет комфортный дом, качественный уход и достаток.

— Мне не нужен уход. Слава богу, я ещё в своём уме. Что ты о себе возомнила? Сопля малолетняя! Уважай мнение старших. Мне нужен мой дом. Я умру там, где прожила жизнь. И не думай, что на тебя управы не найдётся. Я тебе гонор-то окорочу! Ты у меня и думать забудешь,

как взрослым дерзить!

Я вспомнила день, когда перестала быть ребёнком.

— Ты помнишь улитку? Аниску? Как я умоляла тебя?

Где-то в сознании старухи что-то зашевелилось. Но меня не интересовали её порывы. Что взять со старухи? Её уже не воспитать, не изменить. Мне, мне самой надо излечиться от той старой раны.

Вдохнув, я негромко, но чётко припечатала:

— Мне. Плевать. На. Твои. Капризы.

Господи! Наконец-то я это сказала. Прямо легчало.

Отец разворчался, когда я попросила его приехать. Но я была настойчива. Изображая гордость и снисходительность, он всё-таки явился. И я прыгнула в ледяную воду неизбежной обиды:

— Ко мне приходили твои кредиторы. Ты набрал долгов на крупную сумму.

— Ерунда. Я разберусь.

— Интересно было бы послушать, как именно, но времени нет. Договор аренды квартиры закрыт. С первого числа ты живёшь здесь. Или где угодно. И я собираюсь продать ненужные инструменты и оборудование из мастерской. Тут есть дорогие и ни разу не использованные вещи, они стоят приличных денег. Остальное я выплачу в рассрочку. Суммы зафиксированы, понимание достигнуто.

Отец обрадовался, приосанился, улыбнулся. Но я ещё не договорила:

— Все кредитные организации, все банки, все конторы микрозаймов, все бары и все букмекеры города извещены о том, что я больше не оплачиваю твои долги. И ты не работаешь в отеле. Я нашла мастеров, которые будут вести необходимые работы. По моим указаниям, в установленные сроки и по известным тарифам.

— Ты выгоняешь меня? Из моего собственного отеля?

Твой собственный отель построил твой отец. И твой собственный отель давно пошёл бы ко дну. Если бы не Маринка, которая терпеливо объясняла вчерашней школьнице, как и кому дать взятку. Если бы не покойный Алексей Семёнович, старичок с конца улицы, который возился с растерянной девчонкой и учил её сводить балансы и торговаться за каждую копейку. Если бы не Гоги, который пригласил ко мне первых приличных постояльцев. Если бы не Арамыч, наливший мне первую рюмку вина, а заодно отогнавший хищных ребят, готовых разделаться со слабой девчонкой.

Это я возилась с документами, приводя всё в порядок. Это я унижалась во всех инстанциях. Это я красила стены и мыла полы. Это я ругалась с поставщиками и умасливала постояльцев. А иногда я ещё и ковырялась в сантехнике. Хотя это было твоей работой.

Ты всё равно ничего не поймёшь. Однако точки надо расставить:

— Я не выгоняю тебя. Ты вправе занять угловой номер. Но я не намерена и дальше потакать твоему расточительству. Я не хочу кормить каких-то пришлых баб, и у меня нет нервов мотаться по притонам, выясняя, какому козлу я должна заплатить за твои развлечения. Ты будешь получать на карточку ежемесячную выплату. Но ни копейки больше. Добро пожаловать на пенсию.

Отец поморщился и заелозил. Устал. Пока ещё не понимает, о чём это я.

А я о нагрузке. Моя жизнь — нагрузка, испытание, стресс для него. Так тому и быть. Пусть нагружается дальше. Никакого праздника. Одни испытания.

Заехав к Мамасе, я обнаружила привычную картину грязи, вони и запустения. Я не могла помочь существам, привычно протянувшим ко мне свои скрюченные лапы. И следовать примеру Мамасы я не собиралась. Я осторож-

но вышла и закрыла за собой дверь, оставив существ там, где они сами хотели быть.

Что делать яблочку, если оно не хочет падать рядом с кривыми и червивыми яблонями? Наверное, наплевать на древние метафоры и не считать себя фруктом.

Скажем, внезапно представить себя ласточкой.

41. ВЕРНАЯ РУСАЛКА

Тараскин попытался быть галантным и открыл мне дверь машины. Приятно, только он полностью перегородил мне выход. Но это ничего, научится. Наташка Ладоскина ещё и не такому научит. В хорошем смысле.

Дверь квартиры в многоэтажке оказалась старой, деревянной. В окружении гладких стальных соседок она выглядела совсем несуразно. Мне захотелось этак с разбегу пнуть её ногой и впрыгнуть внутрь с автоматом наперевес. Жаль, автомата у меня нет. И вряд ли Тараскин обеспечит меня этой полезной вещью.

Тараскин вжал кнопку звонка, после возни дверь открылась, и перед нами предстал давненько небритый молодой человек в растянутой майке.

— Чаво?

И что ж мне дома-то не сиделось? Зачем мне такие впечатления?

Тараскин отодвинул парня в сторону и прошёл в большую комнату, где за большим столом восседала Роза Крайнова. Стол был завален свечами, хрустальными шарами, бусами, маленькими черепами на верёвочках и прочей оккультной дребеденью. Роза украсила себя серьгами-кольцами, большой шалью и цветной стекляшкой во лбу. Ей удалось произвести на меня впечатление. Я не сразу догадалась, что стекляшка всего лишь прикле-

на к коже, а не вкручена в кость.

— Мария Савельевна, а не подскажите, где я могу найти вашего мужа Бориса Макаровича?

Нда, наивная Наташка, и чему ты собралась учить этого наглого Тараскина? Он ведь приберёт всю интересную информацию до самого эффектного момента её разглашения.

Мария потянулась, нахмурилась и выдала:

— В отъезде он.

— И ещё пару лет там будет. При условии хорошего поведения.

— Зачем спрашиваешь, если ответ знаешь?

— Да мне вот сказали, что ты замуж выходишь. Я очень и очень удивился. Не то, чтобы Борис Макарыч известным домостроевцем был, но слово «развод» ему не по нраву. Уверен он, что ждёшь ты его возвращения верной русалкой. О том и письма длинные строчит, куда там женским романам.

Мария смело стрельнула в Тараскина глазками:

— А ты что, читаешь?

— Да нет, у меня другой профиль. Но беспокоюсь я, Мария Савельевна, что доведётся нам и по моему убойному профилю встретиться. Ты уже огорчила мужа подлой весточкой, что повстречала новую любовь?

Шумно вздохнув, Мария куда проще заявила:

— Будет комедию ломать. Не собиралась я замуж. Старичка сладкого на бабки поднимала. Только и всего.

Тараскин хихикнул:

— А к Наташе зачем заявила? Ну какой тюлень сам к касатке поплывёт хвостом перед пастью плеснуть?

Ой, держите меня трое. Я — касатка? Лестно, конечно. Но у нас с Редди получается межвидовое несоответствие. Касатки акул едят, и наоборот.

Мария поморщилась и бросила на меня косой взгляд:

— Семёну сосед её ерунды наплёл. Сострадательная,

мол, девушка, и отцу ни в чём не перечит.

Семён, наблюдавший за беседой из коридора, криво усмехнулся.

— Я, значит, наплёл. Да я тебе говорил, чтобы ты к этой стерве не совалась.

Возникла перепалка, в которой Тараскин участвовать не стал. Он быстро вытащил меня на улицу.

Я придала своему лицу торжественное выражение и поблагодарила:

— Спасибо, Иван Павлович.

Тараскин зарделся и смущённо улыбнулся. Но потом вернулся на волну изучения загадок:

— Запомни, что они нам интересного сболтнули. Сосед — это наверняка Володя Носов. Зачем и почему Володя обсуждал тебя с Семёном?

Я пожала плечами. Ну, мало ли, зачем. Может, они клуб любителей дельфинов образовали? И собирались вручить мне корону самой красивой касатки?

42. ЖЕЛЕЙНАЯ БАРЫШНЯ

Набег на спортивный магазин мне понравился. Но оказалось, что мало купить гантели, надо ещё и брать их в руки.

Я делала зарядку. Я отжималась и растягивалась. Я устраивала физкультминутки в середине дня. Я сворачивалась в крендельки перед сном. А зеркало упорно показывало мне одну и ту же Наташку с хлипкими ручонками и слабыми ногами. Мне снова стало казаться, что я — производное от кузнечика.

Я попробовала ходить в тренажёрный зал, но там не было ничего того, что я не могла бы делать дома. На курсах разных единоборств я упорно натыкалась

на своих знакомых, и меня окружал ореол внимания, который мешал спокойно тренироваться. По подсказке Редди я нашла курсы по самообороне, где меня никто не знал, и начала испытывать себя на прочность с помощью двух тренеров и группы субтильных физкультурников.

На занятиях у меня ничего не получалось. Я плохо запоминала правильные последовательности движений и приёмов. Я путалась, какая нога за какой рукой что должна делать. Я опаздывала с приёмами. Мне не хватало сил. Я не могла собраться.

Тренер Лёня повторял, что мне не хватает мотивации, что в любой критической ситуации я превращусь в желе. Тренер Маша старалась меня подбодрить и советовала в случае чего бежать и прятаться, потому что сражения — это не моё. Оба время от времени называли меня железной барышней, но я не обижалась.

Со стороны участников группы я чувствовала враждебность. Я не рассказывала о себе. Не слушала рассказы других. Я вообще практически не разговаривала. И я носила вызывающие футболки с длинными рукавами. На футболках красовались экзотические принты из моих собственных рисунков, а оригинальность часто воспринимается как синоним дороговизны. В учебных стычках на меня нападали энергичнее и сильнее.

Я раз за разом падала на маты после успешных приёмов других учеников. Изредка Маша позволяла мне провести серию приёмов против неё, но и только. Однако ничто не могло смутить или задеть меня. Что поделать, у меня всегда трудно отрастают крылья. Но я изучала себя, свои реакции, свои возможности. Я научилась безопасно падать. Я научилась уходить от чужих ударов. Я видела места быстрых и жестоких ударов, которых не могла нанести на тренировке.

Я осторожно пыталась подвести себя к той вспышке

злости, за которой хочется убивать. Я научилась распалать себя и без естественной угрозы. И я стала понимать, как контролировать свои порывы, не доходить до фатального срыва.

Я съездила посмотреть на несколько боёв без правил, как официальных, так и нет. Но даже эти жестокие бои, в которых лилась кровь и ломались кости, были спортом. Со своими правилами. На ринге не было стульев, которые можно было сломать и получить дубинку с острыми щепками на конце. Не было бутылок, железных прутьев, ножей и всего того, что в изобилии раскладывали в голливудских боевиках. Боевиков я тоже насмотрелась в изрядном количестве.

Я несколько раз принимала решение бросить тренировки, и всё же возвращалась в зал. Если уж меня убьют, то не потому, что я оказалась никчёмной овцой.

Очередная тренировка шла своим чередом. Я, как обычно, проигнорировала тот комплекс разминки, на котором настаивал Лёня. У меня был свой листочек со списком упражнений. Аккуратно и тщательно сделав всё по списку, я, конечно же, отстала от группы, уже начавшей изучать захваты и подсечки. В знак своего неодобрения Лёня выбрал меня на роль главного манекена. И понеслось.

Меня свалила пухлая женщина. Мне подставил подножку длинный парень с кривым носом. Я пропустила приём со стороны наглой девицы. Я упала после подсечки толстого подростка.

Лёня явно испытывал моё терпение. Но я оставалась спокойной. Садилась на лавочку и мысленно повторяла основные пункты из сметы строительства.

В пятый или шестой раз поднявшись с мата, я вдруг встретила взгляд доктора Колесникова. Рим наблюдал за тренировкой.

Секундное замешательство и неловкость я подавила, оттащившись обратно на лавочку. Оказалось, что Роман Алексеевич в качестве особого гостя прибыл, чтобы дать нам всем рекомендации по сохранению опорно-двигательного аппарата в рабочем состоянии. Рекомендации пролетали мимо моего сознания, да и листочек, списанный из книги доктора, у меня уже был. Я снова сосредоточилась на смете.

Для чего доктору усилия по просвещению широких слоёв населения стало ясно, когда он начал раздавать листовки, приглашающие на презентацию в новом медицинском центре. Рим сам вёл свою рекламную компанию.

Мне показалось, что он помедлил, перед тем как протянуть мне листовку. Я ничего не знала о мероприятии, а это значило, что Дон и Зойка молчали по его просьбе. Рим не хотел приглашать меня. Что ж, по крайней мере, большой плюс, что он не попросит меня закатать рукава и не начнёт хвастаться, как круто мы с ним отбились от хулиганов.

И всё же после тренировки я долго собиралась, дождавшись того, что Лёня начал раздражённо подгонять меня, бесцеремонно заглядывая в дверь женской раздевалки.

На тренировки я ездила на машине. Редди отдал мне свой старый и уже изрядно помятый драндулет, и в первый же день я разукрасила его тремя дополнительными вмятинами. Вождение было ещё одной мучительной учёбой, но куда деваться, я взялась и за неё.

Забросив сумку на заднее сидение драндулета, я плюхнулась за руль, и предельно осторожно начала выкруливать с парковки. Прямо, обратно, чуть влево, обратно, ещё круче влево, постоять, подумать, колёса прямо, руль прямо, чуть вперёд. Выехав к повороту на дорогу, я в зеркале заднего вида заметила внедорожник Рима. Доктор предусмотрительно пропустил меня, не дав мне шанса укра-

силь свой драндулет отметиной от его бампера.

Блестяще выступила, Наташка. Скоро до ничтожества в масштабах Млечного Пути дорастёшь.

43. СКОМНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Иордан встретил меня елеин-торжественно, но это ничего не значило. После церемоний приветствия и обмена мнениями насчёт погоды он перешёл к тому, что меня интересовало.

— Костя Соболевский вырос в бедной многодетной семье. И предложения руки дамочке вроде Терезы он мог делать хоть три раза на день. Ему нечего было ей предложить. И гаражные таланты ничего не значат сами по себе. Он поднялся, потому что в него вложили денег.

— Кто вложил?

— Некий инвестиционный фонд, которому принадлежит половина бизнеса. Костя не волен ни продать бизнес, не бросить. Фактически он попал в ту ловушку, когда свобода означает потерю дела.

— Его автобизнес много денег приносит?

— Приносил достаточно, но сейчас у Кости не лучшие времена. Аренда просрочена, кредиты просрочены, два арбитражных иска проиграны, а платежи по ним — миллионные.

— Это может ничего не значить.

— Плохо, что хозяин перегорел. Бизнес будет работать, пока человек, в которого ты вложил бабки, горит душой, когда его прёт от удовольствия работать там, где он работает. Но как только ты чувствуешь, что пошёл холодок — надо продавать всё и уходить, даже если нет той прибыли, что ты рассчитывал.

— Получается, что у Кости тоже есть мотив.

— Интересный кульбит заключается в том, что Тереза Майер-Соболевская является соучредителем фонда, вложившего в Костю денег.

— Кто ещё соучредители?

— Бизнесмен Сергей Енотов и банкир Матвей Шпиндель.

— Кого этот фонд поддерживает?

— Завод пластиковых окон, фабрику мебели, но, в основном, двух сыновей Шпинделя. Они занимаются программами и умной электроникой. Есть ещё по мелочи десяток компаний, разнорослица.

— Семейное поле чудес. Сколько стоит Тереза без этого фонда?

— Почти ничего. Но она периодически получает кое-какие суммы из-за рубежа. В интервью она болтает, что получает гонорары за статьи в иностранных журналах, но это банальная отговорка. Что и где она пишет — никто не знает.

— Может, это мать её поддерживает?

— Не знаю, Ладошка. Мне лестно, что ты считаешь меня могущественным повелителем мировых финансов, но, в сущности, у меня довольно скромные возможности.

— Да ладно, ты столько узнал. Это потрясает.

Иордан наслаждался минуткой счастливого тщеславия, и я спросила:

— А что с недвижимостью?

— У супругов дом и участок в равной долевой собственности. Они не строились, а перекупили готовый у одних знакомых. Денег тогда хватало, закрома подчистили, кушаки подтянули, и за пару лет расплатились.

— Но по состоянию на сейчас им не разойтись без продажи всего дома.

— Варианты могут быть.

— Что связывает Терезу с бизнесменом и банкиром?

— Кто его знает. Шпиндель примерный семьянин,

и уже старый совсем, в маразме, делами его сыночки заправляют. Енотов бодр и энергичен, три развода за душой, последние два года живёт с очередной претенденткой в жёны, а она моложе тебя. Вот и думай, что хочешь.

— А откуда у банкира и бизнесмена деньги?

— Из мутных девяностых. Ваучеры, приватизация, торговля фантиками, спекуляции. Они оба из провинции, но в столицу прикатили уже с капиталами. Работали на-верняка вместе — один организовывал процесс обогащения, другой бабки крутил. С тем и поднялись. Криминала за ними нет, но кто его знает, что да как.

Иордан потянулся и уточнил:

— Ты всерьёз думаешь, что вся эта кухня как-то связана с нападением на тебя?

— Не знаю. Я пока по течению плыву. Здесь история, там сюжет. Я вот не знала, что у меня братья есть. А они на меня похожи, и добрые такие, ну чудо, а не детки.

Внимательно посмотрев на меня, Иордан назидательно указал:

— Замуж тебе пора.

Я пожала плечами и развела руками:

— Не зовут.

Понимающе кивнув, Иордан посоветовал:

— Строптивость умерь. Сразу и позовут.

Пообсуждав ещё благодатную и необъятную тему строптивости женщин, я покинула гостеприимный дом, в котором безраздельно царствовала своенравная супруга Иордана.

44. МЕДЛЕННО И ЧЕСТНО

Я заплутала в сметах и калькуляциях. Просидев до трёх ночи, я поняла, что напрасно пытаюсь заострить уставший мозг. Рухнув в кровать, я надеялась провести минимум часиков восемь в объятиях Морфея. И когда утром кто-то затрезвонил в дверь, недобравший здорового сна мозг напомнил, что Новая Зеландия особенно прекрасна нашей зимой, то есть своим летом.

Я была на сто процентов уверена, что это вернулся Редди, но в глазке торчал доктор Колесников. Быстро натянув футболку и впрыгнув в джинсы, я открыла дверь:

— Что-то случилось?

— Да. Я войду?

Я быстро огляделась вместе с Римом. Кровать листами завалена. Из шкафа одежда выпадает. Провода к ноутбуку тянутся. Вроде всё прилично.

Рим созерцал не провода. Все углы квартиры украшали композиции из пустых бутылок. Высокие и низкие, маленькие и большие, тёмные и прозрачные, прямые и фигурные — по негласному правилу все принесённые сюда бутылки здесь и оставались. Примета гласила, что это на счастье.

Не подумает же доктор, что я одна это всё выпила? Я лишь внесла отдельные штрихи в эти экзистенциальные инсталляции.

— Поговорим? Только медленно и честно.

Я кивнула в сторону кухни.

Рим не стал садиться к столу, а отошёл к окну и опёрся на подоконник.

— Ленка ушла от меня к мужчине, которого любила со школы. Они глупо поссорились, подвернулся я, она искренне хотела быть мне хорошей женой, но чувствам не прикажешь, и однажды я остался в пустой квартире.

Интересная версия. А молва гласит, что это Ленка си-

дела одна в пустой квартире, пока её муж был занят чем угодно, только не женой. Ординатура, клиника, практика, семинары, конференции, пациенты, операции, реабилитации, и когда Ленка ушла, брошенный муж ещё пару месяцев об этом не догадывался.

— С тобой я знал, что прыгаю на минное поле, я понимал, что подорвусь, я пытался подготовиться к тому, что однажды останусь в пустоте. Не скажу, что оказался готов, но всё же мой разум констатировал, что это моё кармическое.

То есть Рим настраивался на неудачу с самого начала? А как же позитивное мышление и вера в собственные силы? Кто заявлял, что справится с любыми превратностями судьбы?

— Где Редди? К которому ты ушла?

— У него дела. В северной столице.

— Ты мне наврала. Он живёт в другой квартире. И бежит за другой девчонкой. Ты ушла, но не к нему. Да, это тоже его квартира, и ты ездишь на его машине, вот только это ничего не значит. Да?

— Ну-у...

— Выкладывай правду о Редди. Всю. Как есть. Без лакировки.

Да пожалуйста. Было бы что лакировать.

— Мы с Редди — красивая картинка. В детстве нас не принимали в обычные детские группки и сообщества. Мы были сами по себе. И когда мы подросли, нам важно было доказать всему свету, что мы все из себя замечательные, успешные, счастливые. Мы доказали. Но доигрались до того, что картинка съела нас самих. Мы перестали слышать и понимать друг друга.

Кажется, Рим не верит, что мы с Редди можем не понимать друг друга. Ещё как, достаточно чуть-чуть приглядеться.

— Я одиночка, я не люблю вечеринки и посиделки.

Я научилась быть их королевой, но мне это скучно. А Редди в толпе — как акула в стае тунца. Ему это нужно, он любит провоцировать и очаровывать людей. К тому же он на контактах и связях деньги делает. Мы зашли в тупик, потому что мне хотелось спокойствия, а он тянул меня к друзьям. Картинка развалилась, но мы отказывались признать это. А раздражение всё копилось и множилось.

— Пока котёл не взорвался.

— В ту ночь я влепила Редди несколько оплеух. И не собиралась останавливаться. Он хлестнул меня в ответ, но вышло только хуже, мы сорвались в настоящую драку. Он намного сильнее, но у меня в голове что-то переклинило. Я хотела его убить. Шрам от ножа у него на руке, но это он успел закрыться. Я целила в сердце.

— Инстинктивная реакция обороны. Нанести самый сильный удар.

— Не знаю. Было много крови, много слёз, много покаяний. Мы сохранили картинку, надеясь спасти то, что потеряли. Но я стала бояться его, а он стал бояться меня. Понадобилось два года, чтобы мы смогли поговорить об этом без трясучки и слёз. И обратного хода нет. В конце лета я поняла, что он охвачен новым чувством. А он первым понял, что я влюбилась в тебя.

— Влюбилась в меня? У тебя странные представления о любви.

— Прости, глупо было ссылаться на Редди. И я ничего не знала о Лене, так что это не кармическое. Точно.

Сильные пальцы Рима сплелись в замок, снова расплелись, и после паузы он сказал:

— Ты могла сказать, что хочешь побыть одна, что тебе требуется немного времени — подумать, осознать, что происходит. Но ты сказала, что тебе дорог другой мужчина. Зачем? Ты понимаешь, что нанесла мне удар, от которого я несколько дней дышать не мог?

Не могу я ничего объяснить. Нет у меня ответов.

— Ладно, едем дальше. Почему ты ушла? Я чем-то напугал тебя? Сам того не зная, зацепил какой-то триггер?

— Нет. Дело не в тебе.

— Тогда в чём?

— Я думала, что тот мой припадок ярости — алкогольное помрачение пополам с адреналиновым туманом. Хотя то, что я читала про аффект, не совпадает с тем, что я запомнила. Я очень чётко и ясно понимала, что мне надо добраться до ножа. Ещё до того, как Редди совсем потерял голову. Практически с того первого момента, как я осознала, что он меня ударил, у меня будто маяк в голове вспыхнул: «Возьми нож и убей его».

— Аффект — общий термин. Индивидуальные вариации довольно широки. И вовсе не обязательно люди в аффекте ничего не помнят.

— Иногда я во сне вижу сам момент удара. Как сталь впирается в кожу и течёт кровь. И внутри сна я не боюсь, я хочу этим любоваться. Страшно уже потом, когда я просыпаюсь.

— Ты отказываешься признать себя жертвой. И обнимаешься с человеком, которого боишься. Остатки сознания посылают сигнал бедствия.

— Когда на нас с тобой напали, я испытала нечто похожее. И это не было ни пьяным угаром, ни аффектом. Я будто перевела себя в другой режим. Дала себе команду: «Убей». Все думают, что мне повезло, что тот бандит сам сорвался. Но я-то знаю, что нет, я сознательно подставила руку под нож, чтобы достать мерзавца ногой. И я не боялась, не чувствовала боли, жажда убийства была сильнее всего. И я убила. И мне это понравилось.

— Обычный адреналиновый эффект.

— Но вот ты же не мечтаешь кого-нибудь убить. Наоборот. Ты врач, ты спасаешь, и если бы не твоя мама, ты бы у дороги сел и всем бесплатно кости вправлял. И мозги заодно.

— Мне случалось если не мечтать об убийстве, то желать зла.

— Это другое.

— Правильно ли я понял, что ты боишься напасть на меня в физическом смысле, и поэтому ты нанесла упреждающий удар по моей психике, чтобы я заранее стал инвалидом?

— Нет, я не хотела.

— Ты думаешь об ошибке где-то в неизвестном будущем. Но ты упустила настоящее. Ты взяла и отказалась от того, что могло стать важным для нас обоих...

Ну же, Римушка, договори, что собирался. Не тяни.

— Могло. Но не стало.

Так лучше для тебя. И сама я со странностями, и вокруг какие-то безумства творятся. Я лучше буду ошибкой, чем снова увижу твои окровавленные руки.

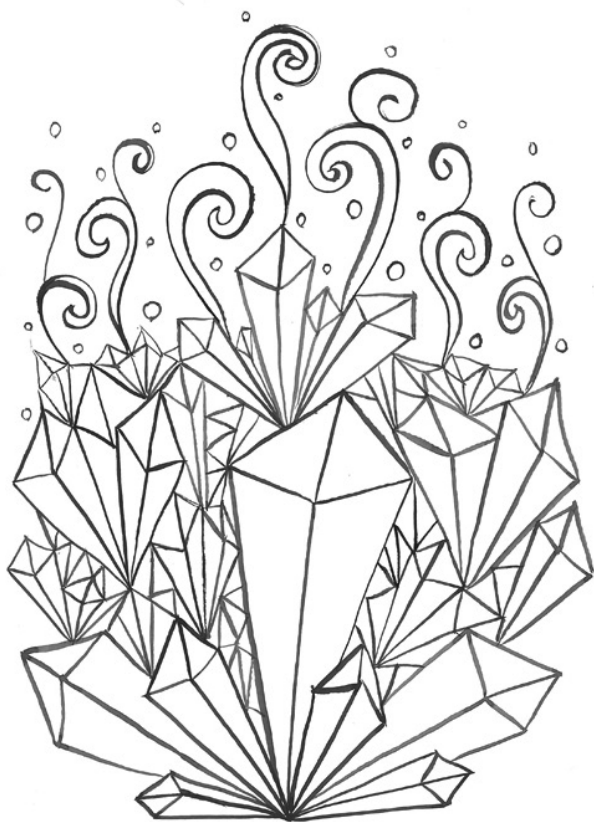
— Желаю удачи.

Дверь закрылась, и мне представилось, что бутылки превратились в стеклянных человечков, обрадовавшихся тому, что я их не брошу. Компания весело загомонила и замахала тонкими стеклярусными ручками.

Но дом всё равно стал пустым. И табуретка в кухне стала пустой.

И во мне самой осталась пустота.

ΓΛΑΦΑ 6

45. НЕЖНАЯ ВСТРЕЧА

За вполне разумные деньги я сняла в столице роскошную квартиру, упакованную по последнему слову техники. И первое утро посвятила разгадыванию ребуса, что же делает один из загадочных агрегатов в кухне. Оказалось, это интеллектуальная хлебопечка. Но выпечь в ней хлеб у меня так и не получилось. Не хватило интеллекта договориться с этим чудом.

Тем не менее, я оценивала свои умственные способности так высоко, как никогда. Ведь моя идея найти кого-то похожего на меня и Терезу не просто сработала, она вызвала целый поток писем и звонков сначала Тараскину, а потом и мне. Полковник Борис Сергеевич от имени всей российской полиции просил моего содействия в обеспечении правопорядка в отечестве. Не столько в мыслях о гражданском долге, сколько умирая от любопытства, я согласилась на встречу.

Утром, точно в назначенное время, вежливые молодые люди приехали за мной на крутой иномарке со спецномерах. Передо мной открывали двери, меня чуть придерживали, чтобы я оказывалась строго рядом с сопровождающим, меня вежливо называли по имени-отчеству, и я преисполнилась мыслью, что надо бы заказать себе корону. Пусть уже молодые люди и в ноги кланяются.

Помпезное здание, куда меня доставили, подавляло. И вроде оно не было столь уж большим, но возносилось вверх так монументально, что невольно хотелось сбавить шаг и перейти на шепот. Проникать в этот оплот правопорядка мне инстинктивно не хотелось, но отступить было некуда.

Борис Сергеевич оказался приятным мужчиной средних лет, слегка полноватым, но бодрым. Объяснять он ничего не стал, коротко заметив:

— Вы искали сведения о своих родных. И вы очень по-

хожи на женщину, которую я знал. Сходство могло быть случайным, поэтому я навёл о вас справки, и теперь не сомневаюсь, что знаю, кто ваши родные.

— И кто же?

— Вы разберётесь по ходу дела.

— Ладно. Я постараюсь.

— Я хочу произвести впечатление на нескольких коллег. Вы могли бы распустить волосы и постоять вот здесь? Вам не сложно?

— Да нет. Я постою.

Первым пришёл седой и слегка неопрятный мужчина. Увидев меня, он подтянулся и замер на несколько секунд. В его взгляде заплескалось потрясение, а за ним и боязливое недоумение. Борис Сергеевич затаённо улыбнулся. Он ставил свой спектакль. Жаль, что главной приме представления так и не объяснили, кого она играет.

Мужчина бочком, осторожно, прошёл в самый дальний угол и сел на стул у стены. Изредка он посматривал на меня, но тут же отводил взгляд.

Второй коллега Бориса Сергеевича разместился в кабинете более-менее спокойно, но тщательно сосредоточившись на том, чтобы ни в коем случае на меня не посмотреть.

Ещё один бодро вбежавший мужчина от моей улыбки пошёл конвульсиями. Нет, натурально, его прямо встряхнуло, повело из стороны в сторону. Медленно и осторожно он тоже сел, отвёл от меня взгляд, снова посмотрел, снова отвёл.

Мне стало неудобно. Нет, я люблю производить впечатление на мужчин, но не в качестве опасного привидения. Не расстреляли бы они меня с перепугу.

В дверях показался старичок. Невысокий, лысеющий, растерявший былые силы, но в то же время осанистый, энергичный и с гордо поднятой головой.

Он бросил на меня мимолётный взгляд, всмотрелся

чуть пристальнее, несколькими прыжками преодолел весь кабинет, и я оказалась в крепком объятии.

— Аля! Алечка!

Разлохматив мои волосы, старичок обшлюнявил нижнюю половину моего лица, а потом весь затрясся и попытался меня раздеть. Я бы даже сказала — сорвать с меня одежду.

Через пару секунд Борис Сергеевич и его седой коллега оттащили безумца в сторонку. А я машинально села на ближайший стул. Отдышаться. И вытереться.

Собравшихся мужчин моя материальность, похоже, приободрила. Старичка куда-то спровадили, и это приободрило уже меня. Нет, сильные страсти — моё всё, только ножа, а лучше пистолета мне заранее не выдали.

Борис Сергеевич формально спросил:

— Наташа, как ты?

— Как-то.

— Прости. Я понимал, что Андрей Петрович тебя узнает, но никак не ожидал, что его эмоции окажутся столь взрывными.

— Надо полагать, что узнал он всё же не меня.

— По всей видимости — твою бабушку.

— Какая милая у меня семейка. Расскажите, чем бабуля прославилась?

— Давайте обо всём по порядку. Вы готовы продолжать?

Нет, не готова. Но вопрос задавался не с целью узнать моё мнение. Вопрос отдавал приказ. И мне пришлось привести себя в готовность.

46. ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

На экране появилось фото молодой женщины в полный рост. И в первый момент я не уловила никакого сходства с этой красавицей. Незнакомка была прекрасна во всём. Красивое лицо, уложенные волосы, элегантное платье, изящные ножки в лодочках. И во всём её облике сквозила располагающая мягкость, женственность.

— Как легко заметить, Наталья Александровна, с её разрешения я буду называть её Наташей, обладает заметным сходством с Алевтиной Фёдоровной Сорокиной. Я полагаю, что Наташа приходится Алевтине родной внучкой. И к тому меня подталкивают не только физиономические совпадения, но и некоторые особенности характера Наташи.

Выпить бы мне. Чего-нибудь покрепче.

— Наташа тихая и спокойная девушка, много работающая с людьми. Однако интересен тот факт, что в одной из ссор Наташа ранила своего кавалера ножом. Совпадение кажется мистическим. Однако очевидно, что это наследственные черты.

Борис Сергеевич повернулся и сделал пояснение для меня:

— Любовник Али был найден с ножом в сердце.

То есть моя фантазия насчёт бандитки вовсе не была вольным полётом мысли? Похоже, генетическая линия рисует мне довольно чёткую жизненную перспективу: долгая дорога, казённый дом, нары, поношенный ватник и небо в клеточку.

Рим будет привозить мне булочки? А Редди приедет изобразить открытку? Интересно, как он отнесётся к тому, что я слабовата оказалась, семейный почин изведения любовников до смертельной точки не довела?

Мне не терпелось послушать про Алю, но Борис Сергеевич углубился в описание моих злоключений.

Выведя на экран моё трагическое лицо на фоне пожара, он пояснил:

— Здесь важна последовательность событий. Наташа попала в аварию. Оказалась на телеэкранах. И через несколько дней ей позвонила мать. Мать, которой двадцать лет было недосуг осведомиться о дочери.

А ведь точно. Как я не догадалась? Она увидела меня по телеку.

— Вскоре после контакта с матерью на Наташу было совершено покушение. На неё и её спутника напали вроде бы хулиганы. С ножами. Когда я про это услышал, я перестал сомневаться. Сама судьба привела ко мне Наташу.

Похоже, мой ангел-хранитель — наркоман, регулярно впадающий в абстрактные грёзы. И пока он вне зоны контакта, какие-то чужие судьбы водят меня по своим историям.

Интересно, а нападение было с ножами, потому что ножи — это наша семейная традиция? Почему меня лет с пяти не учили обращению с холодным оружием? И что мешало бабуле прийти по-родственному, поболтать о том, о сём? Я бы ей пару афёр предложила разыграть — и без всяких ножей, на вполне законных основаниях. И стала бы её Бабалей называть. Посидели бы, попили бы чайку, обсудили технику метания ножей...

— Мы знаем, что у Али была единственная дочь — Лера. Она родила её в семнадцать лет, и девочка воспитывалась у приёмных родителей. Но Аля навещала дочку и, по всей видимости, тратила на неё крупные суммы. Нам так и не удалось выяснить, кто этот ребёнок и где он.

Хм, а бабуле-то и шестидесяти нет. Если задуматься, то внешне мы не так уж отличаться будем. У меня мешки под глазами, волосёнки всклокоченные. А она встанет рядом — макияж, причёска, маникюр, и никто на меня, молoduшку-лебёдушку, не посмотрит.

— Я считаю, что Лера — это Тереза, а значит, у нас есть

ниточка в прошлое, о котором мы забыли. Но оно всё ещё властвует над нами.

Мать точно пожалеет, что позвонила мне. И ладно бы, спящего пёсика разбудила. Нет, целый отряд энергичных мужчин взбодрила.

— Прошло много лет. Нас разметало по жизни, и иногда мы готовы встать по разные стороны баррикад. Никому нет дела до старых преступлений. Но я хочу напомнить вам, почему мы здесь собрались.

На экране замелькали фото. Троица курсантов обнимается на фоне какой-то официальной вывески. Юноши на рыбалке. Обаятельный парень в крутой тачке. Толпа молодёжи поднимает бокалы. Повзрослевший красавчик кривляется на фоне заката. И он же с полуулыбкой позирует для какого-то документа. В форме.

Видимо, его-то Аля и замочила. И если Аля была бандиткой, а он носил форму, то напрашивается та неприятная ситуация, когда женщина вдруг понимает, что была злостно обманута в своих лучших чувствах. Одним сомнением в себе меньше. За такое я бы тоже убила. Причём хладнокровно.

Вспомнив фото Али, я засомневалась. Не похожа бабуля на бандитку. Такая же тихоня, как и я. И если красавчик играл в двуличные игры, значит, фанатом правильности не был. Может, он признался ей, они вместе что-нибудь этакое провернули, а потом его свои убили за предательство?

Мне не дают конкретной информации, мне рассказывают занимательные истории. Почему? Я должна сама разобраться. Допустим. На чём разбираться-то? На физиономических догадках и сомнительном допущении, что Аля думала и действовала, как я?

Трое мужчин ушли, бросив на меня по болезненному взгляду.

Борис Сергеевич решил поделиться информацией и официальным тоном пробубнил:

— Василий Пушкарёв выполнял задание по разработке криминальной группировки, которую возглавлял человек по кличке Платон. Василия представили Платону как коммерсанта, готового на всё ради лёгких денег, и он сумел раздобыть достаточно много информации о деятельности криминального сообщества. В группировке Василия называли Крепышом. К несчастью, Крепыша выдали. Он исчез, а через некоторое время его тело было обнаружено на городской свалке. С ножом в сердце.

Ни о чём. К какому месту здесь Аля?

— Расследование установило, что в провале Крепыша роковую роль сыграла Алевтина, жена Андрея Петровича Сорокина, офицера МВД. Были собраны косвенные улики, указывающие, что она является и убийцей Крепыша. Но Алевтина и Платон исчезли, установить их местоположение нам не удалось. Теперь появилась надежда на справедливость.

Нет, не в этом соль истории. Иначе офицеры не смотрели бы на меня со столь сложной гаммой чувств. Что скрывает Борис Сергеевич? Для него история Василия и Али значит что-то особенное. И эта дыра в прошлом действительно довлеет над ним.

Чего он ждёт от меня? Если он узнал обо мне, узнал о Терезе, значит, имена бизнесмена и банкира из инвестиционного фонда уже есть у него в папке. И напрашивается очень понятная мотивация, почему эти богатые старички поддерживали мою мать. Потому что они входили в группировку Платона. Что мешает Борису Сергеевичу явиться к Енотову и Шпинделю для занимательных бесед о прошлом?

Строгий молодой человек проводил меня к выходу, но машины мне уже не предоставили. Отойдя на некоторое расстояние от оплота борьбы за правопорядок, я до-

стала зеркальце. Скорчила несколько рожц, вытянула губы, сморщила нос.

Я привыкла быть единственной и неповторимой. Может, непонятной, но вместе с тем и уникальной. Я — Ладоска, и другой такой девчонки нет. А тут нате вам винегрет. Какая-то Аля. Нельзя это стереть как-нибудь?

Что ты, Аля, натворила, а? Сглупила, небось. Думала правильно, а вышло всё наперекосяк. У нас всегда так, да?

47. АЛЕЧКА

На встречу к Андрею Петровичу меня сопровождали два молодца, которые вполне могли бы позировать Васнецову. Но как они для меня были теньями, так и я для них была объектом, своего рода ходячей мебелью. Завязать разговор я даже не пыталась.

Встреча была назначена в скромном двухэтажном домике, на улочке, состоящей из таких же исторических памятников. Все они были нещадно изуродованы пластиковыми окнами, кондиционерами, переделками и перекрасками, отчего казалось, будто это один из наших кварталов случайно перенесло в столичные координаты.

Когда Борис Сергеевич встретил меня в вестибюле, то потерял дар речи. Я сделала себе причёску, как у Али на фотографии. Я оделась в деловое платье, которое казалось похожим на наряд Али. И я чуть-чуть подкрасила ресницы и подвела губы.

Андрей Петрович от моей улыбки вздрогнул, побледнел, а потом одарил меня пылким, страстным взглядом, от которого неприятно сжались все боязливые Наташки, не склонные к внезапным приключениям с малознакомыми старичками. А старичок сгорал от страсти, мучился желанием коснуться меня, готов был выпрашивать моей

благосклонности любой ценой. Он любил Алю, и не понимал, что я — другая женщина. Он видел воскресшую любимую, и это затмевало в его сознании всё остальное.

Андрей встретил Алечку на дне рождения родственницы, куда и попал-то случайно. Алечка сразила стража правопорядка сочетанием красоты и застенчивости. Навивная Алечка плохо вписывалась в бурлящие компании сверстников и казалась Андрею воплощением мечты об идеальной женщине. Волна чувств подхватила обоих, и вот уже счастливый муж внёс Алечку на порог новой квартиры.

К несчастью, и первая, и вторая беременность Алечки закончились выкидышами. Она много плакала, но потом устроилась на работу в школе, и сосредоточилась на чужих детях.

Карьера Андрея быстро шла вверх, и в штормы начала девяностых приливная волны вынесла его в солидное кресло чиновника при погонах. Штормы успокоились, жизнь казалась удавшейся, а Алечка с возрастом только похорошела, и Андрей гордился тем, что коллеги восхищённо таращатся на его жену.

Потом Андрей провалился в кошмар.

Он начал операцию по внедрению своего человека в криминальную группировку Платона. Поначалу всё шло хорошо: Крепыш работал, информация поступала. Но затем Крепыш перестал выходить на связь, а вслед за этим бандиты похитили Алю. Андрей выполнил все условия, выплатил колоссальный выкуп, но жену так и не получил.

Было шумное расследование, но оно ни к чему не привело. Разве что посеяло сомнения в верности Али — и как жены, и как законопослушной гражданки. Занятия в школе забирали у жены офицера лишь несколько часов в неделю. А вне дома она проводила намного больше времени. Стоило потянуть ниточку, и нашлось много указа-

ний на то, что Аля если не помогала Платону, то сообщала ему о том, что происходит в кабинетах мужа и его подчинённых.

Показания мелких прихлебателей группировки сошлись в том, что Аля и Крепыш были крепко влюблены друг в друга. Вплоть до того, что обсуждали вопросы продолжения рода. Один из подручных Платона сообщил, что Аля рассказывала Крепышу о Лере. Но Андрей Петрович не мог поверить в существование тайного ребёнка.

Прошло какое-то время. И на свалке нашли мёртвого Крепыша. Несомненно, это было убийство в гневе — на теле насчитали два десятка ударов небольшим кухонным ножом.

Выносить сор из избы в управлении не стали. Андрея с изрядно покорёженной психикой тихо отправили в отставку. Платон растаял в неизвестности. Исчезла и Аля.

По мере того, как Андрей Петрович излагал историю своей роковой любви, мои симпатии склонились на сторону Али. Если уж он так её любил, то почему она не доверилась ему, не рассказала, что у неё есть ребёнок? Если боготворил, почему так спокойно-прохладно отнёсся к тому, что она не смогла выносить детей? Неужели то, что на неё таращатся его коллеги, было важнее её самой, её чувств, её боли?

И вот интересно. Если я так похожа на Алю внешне, где другие мои семейные таланты? Где моя группировка? Где криминальные авторитеты и полицейские, пачками вытворяющие невесть что ради моих улыбок? С этими семейными дрызгами я только комплекс неполноценности наживу. От несоответствия уровню бабули.

48. СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Борис Сергеевич долго и невнятно плёл что-то мало-понятное про то, что нам надо встретиться, но не на официальной территории. Моё предложение поговорить в каком-нибудь ресторане, полковник отнёс, и я решила, что траты на меня не входят в его рабочий бюджет. Ну и ладно, что мне, жалко человека покормить? Тем более, защитника правопорядка в отечестве. Я пригласила Бориса Сергеевича в свою временную кухню.

Погружение в семейный мир со стороны криминальных разборок поначалу навяло на меня скуку. Борис Сергеевич излагал подробности дел Платона красноречиво и даже с некоторой театральностью, но я искренне не понимала, что такого особенного было в этих делах. Я-то себе лихих грабежей банков нафантазировала, а из рассказа вытекали мутные спекуляции и махинации с недвижимостью. По большей части легитимные с точки зрения закона на тот момент. Или размытые так, чтобы стражи закона не понимали, где спрятана шляпа. А уж продажа фантиков — старый добрый способ обогащения. Если гигантские финансовые пирамиды вовсю строились, то какая проблема в небольшом надувательстве кучки богатых дураков?

Платон быстро и чётко вёл дела, не боялся рискнуть, уступал дорогу крупным игрокам, и в целом из рассказа полковника складывался образ вменяемого человека, способного использовать то, что предложил исторический момент. На нескольких фотографиях Платон казался угловатым и хмурым, неприятным мужчиной, у него было худое, измождённое лицо. Так и меня не каждый пограничник узнает на загранпаспорте.

Когда за расследование взялся Крепыш, оказалось, что группировка занимается и жёстким рэкетом, и похищениями людей, и стрельбой по конкурентам.

Борис Сергеевич объяснил это ростом группировки:

— Людей становилось всё больше. Те тупые элементы, кого держали для силовых разборок, разболтались и начали проворачивать свои делишки, не гнушаясь ничем. Сколько их не корми, они обязательно захотят ещё кусок урвать.

Но меня это не убедило. У Платона могла быть охрана, но зачем ему тупые элементы? Он легко перемещался по всей стране и предпочитал быстрые операции по небольшим объектам. Ему было проще бросить неудачную затею, чем содержать штат разборщиков. Зачем их кормить и таскать за собой?

Я вклинилась в рассказ:

— Если Платон умел жонглировать только что приватизированными заводами, зачем ему прикладывать утюг к каким-то частникам из-за хрущёвки? Скорее, Крепыш был заинтересован в демонизации Платона, накрутил ему очков жёсткого криминала, а заодно и себе рейтинг героя поднял.

Борис Сергеевич не стал спорить:

— Это я тебе сейчас факты сложил так, что вывод очевиден. А тогда сомнений ни у кого не возникало. То, что несколько эпизодов рэкета от имени Платона сам Крепыш и провернул, выяснилось уже после его смерти.

Пожалуй, следующую мафиозную сходку с Абдуллой начну с рассказа о том, какие мрачные бесчинства творили любовники бабули. Пусть думает, что я из клана заслуженных тружеников антипорядка.

— Крепыш не смог подобраться к Платону достаточно близко. То есть он мог констатировать, что какая-то очередная спекуляция оказалась успешной, но что у Платона в планах, знал только сам Платон и его помощник, которого называли Миногой. Миногу Крепыш так и не увидел. А когда понял, что от жирного пирога получает лишь жалкие крошки, пустился во все тяжкие.

— Платон это заметил?

— Да. Крепышу пришлось спрятаться — и от своих, и от чужих.

— Аля ему помогала?

— Вероятно. Алей восхищалось много мужчин, но она не манипулировала своей красотой. Она всегда была в каких-то своих думах, ей легко было восхищаться, но никто не переходил от восхищения к ухаживаниям. Крепыш был знаком с Алей, так как она присутствовала на торжествах вместе с мужем. Но роман мог развиваться только в стороне от мира погон. Крепыш и Аля встретились где-то на территории Платона.

Я мимолётно подумала, что Борис Сергеевич тоже восхищался Алей, и часть его рвения прорастала из заглушённого и нереализованного чувства к недоступной красавице. Он пытался понять, что привело богиню к падению, к выбору мужчины, который никак не мог претендовать на её внимание, и всё же получил это внимание.

Из речи Бориса Сергеевича вытекало, что если неведомый Минога был правой рукой Платона, то Аля была левой. Полковник называл её и помощницей, и соратницей Платона. Однако для меня это вовсе не было очевидным. Она могла знать о делах Платона, но никоим образом в них не участвовать.

А даже если предположить, что Аля была идейным центром и создавала схемы махинаций по переделке прав собственности, основную работу выполняли те мужчины, которые реализовывали эти схемы. Кто-то занимался офисами и транспортом, кто-то умел жонглировать счетами и денежными потоками, кто-то обзаводился знакомствами среди нотариусов и сотрудников паспортных столов, бюрократов и юристов. Все эти мужчины в итоге спрятались за одну женскую юбку. Удобно устроились.

Вслух я поделилась другим соображением:

— Резонно предположить, что сам Платон питал какие-то чувства к Але. Как ещё она могла попасть в его окружение? Разумеется, для него было важно, что она жена офицера, но вряд ли дело было только в погонах. Очень может быть, что криминальный хвост его не волновал, он разозлился на Крепыша из-за Али.

— Свидетелей общения Али и Крепыша нашлось предостаточно. Про Алю и Платона ничего не известно.

— Его помощник остался в тени. О нём самом информации очень мало. Вероятно, у него хватило ума оставить в тайне и свои близкие отношения.

— Можно только гадать.

— И ещё одно. Если Аля встретила Крепыша в неожиданном амплуа, то Платон с самого начала знал, что имеет дело с человеком при погонах, и это объясняет его недоверчивость. А если Аля покрывала Крепыша, то уже питала к нему чувства.

— Главное, что чувства были. Крепыш нуждался в деньгах, он разыграл похищение, получил куш, но Аля к мужу не вернулась. После того, как собрали информацию о том, куда она ездила, где её видели, о чём она говорила, накрыли три компании, работавшие на Платона. Но по всему выходило, что Аня и Крепыш решили промотать куш в сладкой жизни на тёплых островах.

Как-то медленно мы продвигаемся. Вот немудрено, что Платон обскакал родную полицию. Пока Борис неспешно романы об отношениях строчил, Платон белой в колесе крутился.

— Андрея отстранили от работы, и в его кабинете начал работать я.

Хм. А это тоже интересный факт.

— Аля позвонила. На рабочий телефон мужа. Она плакала и умоляла о помощи. Сказала, что её не отпускают, держат взаперти. Она не понимала, что я — не Андрей, и несколько раз повторила, что любит, что её заманили

в западню, что хочет вернуться.

То есть Вася Пушкарёв оказался законченным мерзавцем. Случается. Зачем только он не отпустил её сразу? Вернулась бы она к мужу, никто бы ничего и не узнал. Живи себе на островах, радуйся своему удачному злодейству. Ну, в конце концов, не редкость и закопанные жертвы. Оставить при себе можно только жертву, которая что-то значит для похитителя. Но неужели Аля ушла бы к жестокому любовнику?

— Звонок был сделан с потерянного на заправке телефона. Аля вышла из машины, зашла в туалет, увидела телефон, позвонила и оставила телефон на прежнем месте. Мы нашли телефон, а потом и машину. Её владелец рассказал, что подвозил из дальнего пригорода на вокзал семейную пару, и пассажир сказал, что его жена плачет, потому что кто-то из семьи умер.

— Аля попросила помощи у мужа. Может, она боялась не Крепыша? Похитителем мог быть и Платон.

— Мы разыскали квартиру, которую снимал в пригороде Крепыш. Хозяйка уверенно опознала Пушкарёва. Квартира была буквально вылизана, но в мусорном баке обнаружили упаковки от продуктов с отпечатками и Крепыша, и Али.

Почему Борис Сергеевич сразу и прямо не сказал, что Аля не со зла прикончила Крепыша, если это вообще была она? Она лишь защищалась от злодея, который её удерживал силой.

— Я перевернул всё, использовал все связи, угрожал родителям Крепыша, прижал всех его друзей и одноклассников, я обещал информаторам невероятные премии. Но в итоге мне элементарно повезло. Я почти случайно получил пару ценных наводок и вычислил, где бандит скрывается. В обмен на Алю Крепыш потребовал чистые документы и выезд за границу.

Неужели Крепыш со своими ментовскими связями и полученным кушем не мог себе чистые документы организовать? Если уж планировал похищение, наверняка сам себе пару запасных легенд устроил.

— Мы выполнили все условия Крепыша, но он так и не появился. Зато появился его труп.

— Платон сам разобрался?

— Да нет. Зачем ему демонстративное убийство? Он счёл, что это я дал Але возможность отвести душу, а потом разрешил ей уехать.

— То есть Аля отвела душу, столкнула вас лбами и самостоятельно удрала, послав к чертям всех надоевших воздыхателей. Мне нравится. Этакий бодрый женский хеппи-энд. Но чего вы хотите теперь? И почему важно, что я похожа на Алю?

— Андрей растрепал всем знакомым, что видел воскресшую жену.

— И вы думаете, что Платон об этом услышит, придёт ко мне, и вы наконец-то сможете потолковать с ним по душам?

— Примерно так.

Нет, не так. Он не Платона ждёт. Он надеется, что сама Аля, услышав о своём воскрешении, зацепит какую-то из ниточек контактов, и по паутине сигнал дойдёт до него.

— Скажите, а инвесторы фонда, помогающие Терезе, имеют отношение к Платону?

— И да, и нет. Это прилипалы, они поживились, когда Платон исчез.

— Но они продолжают платить Терезе.

— Нет. Когда-то они, может, и сделали поклон в сторону Платона, но сейчас они делают деньги и только. Тереза ничего не значит. Бизнес делает её муж, с ним инвесторы и общаются.

— Если Аля — мать Терезы, наверное, её можно най-

ти. Пусть она за границей, но она же переводит дочери деньги.

— В документах на усыновление родной матерью Терезы значится Елена Ивановна Зайцева. Вместо отца — прочерк. Найти конкретную Зайцеву мне не удалось. А копаться в мелких гонорах иностранных женских журналов — ресурсов нет.

Кажется, я всё-таки добралась до главного вопроса:

— Покушения на меня связаны со всей этой старой историей?

— Нет никаких покушений, Наташа. Провинциальные сыщики нарисовали невесть что на пустом месте.

Та-та-та-дам. Ту-ту-ту-рам. Приехали.

— Почему же на пустом?

— Авария — обычная случайность. Экое дело, машина на дороге вильнула. Ну, виновник сбежал, так было бы глупее, если бы остался срок на себя намотать. Поджог — не покушение, а попытка напугать. И в нападении хулиганов целью была не ты, а твой новый приятель. Опять же, покушением это никак не было, скорее демонстрацией мускулов. И то, что наняли исполнителей, подсказывает, что заказчик не мог поквитаться самостоятельно. А твой старый приятель как раз оказался на больничной койке.

Редди нанял наркоманов, чтобы они изрезали мне руки? Тот же бред с ревностью, только в другую сторону?

Борис Сергеевич, кажется, решил, что я впечатлена столь простым решением. Он чуть свысока пояснил:

— Радимир Яхонтов. Ответ на многие твои вопросы.

Похоже, я неправильные вопросы задаю.

— Может, я и выдаю желаемое за действительное, но есть определённые параллели. Аля и Крепыш в прошлом. Наташа и Радимир в настоящем. Подумай об этом.

Нечего тут думать. И параллелей никаких нет.

Вздыхнув, я спросила:

— А какой конкретики вы ждёте? Я что-то должна сделать? Сказать? Выступить в телепрограмме?

— Мне важен факт любого неожиданного контакта. Каким бы невинным он ни был, как бы легко не воспринимался, дай мне знать. Особенно, если вдруг появятся иностранные гости. Ты можешь делать всё, что сочтёшь нужным. Я не прошу тебя играть в шпионку, хранить какие-то секреты. Но будь внимательна.

— Я постараюсь снять камень с вашей души. Правда, постараюсь.

— Спасибо, Наташа. Я и не сомневался.

Выпроводив полковника, я призадумалась. Покушения были, и очень даже серьёзные. Болезненные следы этих покушений щедро украшали моё тело. Но чем руководствовался злодей, я по-прежнему не понимала.

Платон и Аля вряд ли знали о моём существовании. А даже если и узнали, то зачем им меня убивать? Может кто-то из прилипал боялся той встречи, что всё равно состоялась? Если Борис Сергеевич узнал о Терезе, то узнал и о них. Но только что им с того?

Покушения не связаны со старой историей. Вот главный ответ. Корни моих бед где-то в текущем времени.

49. НАВЯЗЧИВОЕ ДИТЯ

Тереза ждала меня со скучающим лицом звезды, которая вынуждена терпеть неудобства из-за того, что ей принесли опахало из пальмовых листьев, в то время как она просила веер из павлиньих перьев. Я сразу догадалась, что разговора не получится. Но заказала себе кофе с пирожными. Не голодать же теперь.

— Тереза, я не хочу тайн и недомолвок. Расскажу всё, как есть.

— У меня не так много времени. Ты уверена, что это важно?

— Решишь сама. Незадолго до отъезда на меня напали хулиганы с ножами. Мне и моему другу удалось отбиться. Это не первый и не второй случай, когда я оказываюсь в опасности. Полиция предполагает, что нападение было заказным преступлением. Ты и твой муж — в подозреваемых, поскольку в случае моей смерти ты унаследуешь не так, чтобы золотую гору, но довольно крупную сумму.

Тереза удивилась, но тут же свысока отбросила обвинение:

— Наивно полагать, что твои копейки интересны мне или Косте.

— И всё же. У Кости много долгов. Ему нужны оборотные средства, а ситуация на рынке сама понимаешь, не радует.

— Деловые проблемы Кости меня не касаются. Равно как и твои криминальные приключения.

— К вопросу о приключениях. Почему ты не рассказала мне про Алю?

— Я рассказала тебе то, что сочла нужным. Никак не могла заподозрить, что ты побежишь в полицию.

— Полиция расследует покушения на меня и моих друзей. Проверяет все зацепки. Так уж вышло, что я похожа на Алю, и теперь у полицейских какие-то свои виды на меня. Но я не понимаю, чего они хотят.

— Так задавай вопросы им.

— Зачем? В жестоких людских джунглях мы с Алей одной крови. Если у тебя есть контакт с ней, предупреди её, что какие-то силы пришли в движение. Полицейские хотят найти её.

Равнодушное пожатие плеч и небрежный ответ:

— Пусть ищут.

— Но ты ведь получаешь деньги от неё?

— Я получаю деньги от Елены, своей матери.

— А она — не Аля?

— Я мало что о ней знаю. Я всегда знала её как Лелю.

Однако, она воображает себя актрисой, и в числе её ролей, возможно, была какая-нибудь Аля.

— Если Леля — это не Аля, то кто такая Аля?

— Спроси у полицейских. Если я тебе покажу первое попавшееся фото и попрошу рассказать историю любви этого неизвестного, ты скажешь, что я неадекватна. Но ты, по сути, делаешь то же самое. То, что кто-то на тебя похож, ещё ничего не значит. В мире предостаточно двойников.

Даже если она и знает что-то, мне не расскажет.

— Ты не доверяешь мне. Может, расскажешь свою версию? Что произошло с Алей? Почему она оставила мужа? И почему погиб её возлюбленный?

— Я бы рассказала. Но откуда мне знать перипетии каких-то чужих отношений? Я уже объяснила Борису Сергеевичу, что считаю родителями Ольгу и Петра Волошиных. У нас была дружная и добрая семья. Мама презирала сплетни и никогда не болтала о чужих делах. Лелю я видела лет семь назад, мельком, и у меня остался неприятный осадок от этой встречи. Вздорная, мелочная женщина, помешанная на пластических операциях.

— Но деньги ты у неё берёшь.

— Напекаешь, что я задолжала тебе?

— Да нет, это шпилька в разговоре.

— Напрасно стараешься. Я не буду тратить на тебя.

Моя очередь пожимать плечами.

Тереза сложила руки перед собой, приосанилась, чуть развернула голову и надменно выдала:

— Я знаю, что ты делаешь. Ты пытаешься завладеть моим вниманием. Угроза твоей жизни должна заставить меня пожалеть тебя и уделить тебе больше времени.

Упоминание родственников образует круг семейной близости, в который ты хочешь прорваться. Ты занимаешь позицию помощи мне, что должно расположить меня к тебе. Вот только помощь мне не нужна.

— Я совсем не к тому.

— Твои фантазии, увы, типичны. Ты надеешься, что я, как фея из сказки, решу все твои проблемы. Но я не собираюсь тащить этот груз. И никаких претензий не приму. Мне незачем взваливать на себя вину за чужие ошибки из твоего детства.

— Да не будь ты манекеном из передачи.

Поздно, теледива уже в образе. Запись идёт, оператор слева, аудитория прямо, и заготовленный текст льётся легко и непринуждённо.

— Ты напрасно пытаешься навязаться мне столь нагло и топорно. Позанимайся с психотерапевтом. Глядишь, обретёшь чувство уверенности. И избавишься от паранойи...

Что поделать. Мать. Такая вот мать.

Доедать пирожное мне пришлось в одиночестве.

Но в некоторой малости она была права. Мне хотелось крошки тёплого чувства, чуть-чуть любви. В тайном закоулке сознания наивная Наташка ждала чуда. Знала, что так не бывает, понимала, что обожжётся, и всё равно расправляла крылышки надежды.

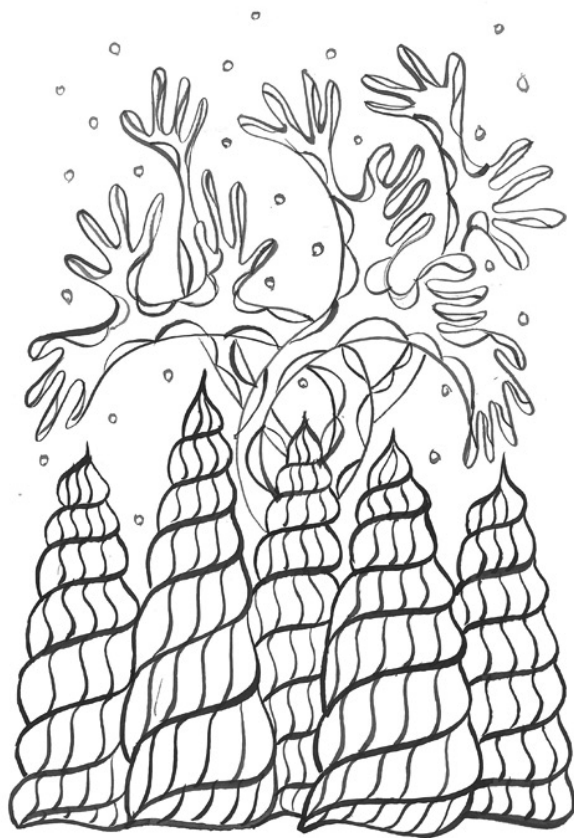
Из пепла надежд прорастал один позитивный вывод: Тереза и её супруг не пытались меня убить. Тереза жила в каком-то своём мирке. Убийство из корысти предполагает понимание корысти, желание сделать хоть что-нибудь, чтобы раздобыть денег. Но у неё не было этого понимания, деловые проблемы никогда её не касались, а деньги на новое платье всегда были.

Вспомнив все разговоры с Терезой, я уверилась, что к контакту со мной её подтолкнул Костя. Это в его представлении женщина привязана к детям. Это он решил,

что меня надо найти. Это он пригласил меня в свой дом и познакомил с братьями. Он хотел примириться с прошлым, вытащить занозу — и самым радикальным образом. Если бы он хотел получить наследство, я бы о нём и не узнала.

Или я ошибаюсь? Или тороплюсь с выводами?

ΓΛΑΦΑ 7

50. ВСЁ ХОРОШО, ПРЕКРАСНЫЙ МАРКИЗ

Прогуляться по зимней столице мне не удалось. Стоило только высунуться из дома, как зима начинала швырять мокрый снег в лицо и выстилать дороги хлюпающей кашей. Всё это время на побережье стояла отличная тихая погода. Но едва я села в самолёт, как в столицу пришёл ясный кружевной морозец, а вот дома меня встретило склизкое ненастье.

Проведав отель, я забралась в логово и спокойно закопалась в цифры. Несколько дней природа измывалась над населением побережья, но я уютно переживала все погодные ужасы под одеялом. И копать в сметах я могла бы неделями и месяцами, только, к сожалению, устройство этой вселенной не включает в себя бесконечных кладовок с едой. Да и жизнь в окружении стеклянных сосудов для истины чревата периодической жаждой познания. А у меня кончился даже чай.

Осознав, что мой пытливый ум недополучает энергии, я боязливо отодвинула штору и выглянула в окно. Оказалось, что ненастье как раз отползло на ночёвку в предгорья. Но всё подсказывало, что оно ещё вернётся.

Накинув куртку, я отправилась в магазин на соседней улице.

Расплатившись и сложив свои покупки в пакет, я сделала шаг в сторону. Мир вздрогнул, задрожал и издал гулкий «Ух!». Я невольно подпрыгнула, инстинктивно вцепилась в прилавок и уставилась на продавщицу. Продавщица крепко зажмурилась и вцепилась в стеллаж с банками. На улице заголосили сирены сигнализаций.

Что это? Восстание машин? Инопланетяне?

Я оказалась смелее продавщицы. Осторожно выглянув на улицу, я не обнаружила ничего подозрительного. К постепенно смолкающим сиренам добавились крики людей.

Выйдя из магазина и обернувшись, я обнаружила, что неподалёку дымится один из типовых домов. А присмотревшись, я поняла, что это не какой-то дом. Это мой дом.

Зайти со двора я не решилась. Но когда подошла поближе с улицы, проезд уже перегородила полицейская машина, и дюжий полицейский отгонял толпу от места происшествия.

Из комментариев собравшихся зрителей можно было почерпнуть идей на десяток блокбастеров. Коварные враги захватили талантливого учёного-ядерщика, неизвестно что забывшего так далеко от научной цивилизации. Боссы мафии свели счёты с непокорным героем-одиночкой. Подростковые банды начали кровавую войну за доминирование над ключевой высоткой микрорайона.

Из всего этого мои уши выделили одно слово: взрыв. И то, что я могла разглядеть из-за чужих спин, подводило к мрачной догадке: взорвалась и горит именно моя квартира. Точнее, конечно, недвижимость Редди. Но какие, в сущности, пустяки все эти имущественные права.

Прикольно будет позвонить Редди и спеть: «Всё хорошо, прекрасный маркиз, квартира ваша погорела». Он, правда, сорвётся, прилетит и окажется в зоне поражения. Нет уж, пусть прохлаждается в северных широтах.

А мысли-то путаются. Надо сосредоточиться.

Я не взяла с собой телефон. Я вообще ничего не взяла. Я осталась в драных домашних джинсах, старой куртке и стоптанных кроссовках. В кармане куртки лежал кошелёк с мелочью. И в руках я держала пакет с батоном хлеба, куском колбасы и пачкой чая.

Кажется, план с папертью мне всё-таки пригодится.

Я подошла к полицейскому, но он не вступал ни в какие переговоры. Приехали пожарные, сапёры, спецназ. Толпу оттеснили и попросили разойтись по домам в связи с проведением антитеррористической операции. Я присела на ступеньки одного из частных домиков неподалёку,

мучительно пытаюсь сообразить, что мне теперь делать.

Приехало несколько полицейских машин. Тараскин пытался забежать в дом, но пожарные его не пустили.

Я здесь. Со мной всё в порядке. Только как об этом дать знать?

Пожарные выводили людей из горящего и соседних домов. Полицейские сновали туда-сюда, безостановочно говоря по телефонам. Весь квартал оброс паутиной полосатых ленточек. Я поднялась, закуталась поплотнее и подошла к одной из ленточек. Буду стоять памятником себе.

Я совсем окоченела, когда один из пробежавших мимо полицейских вдруг заорал:

— Господи! Наташа!

Ангелы, наверное, разом вздрогнули.

Меня обнимали, тормошили, тискали. Тараскин целовал меня в щёки и в уши. Все радовались и поздравляли друг друга.

А мой мозг пытался как-то вместить в реальность тот факт, что в моё окно бросили гранату. Я не выключила свет, когда уходила. И ушла я не на улицу, а свернула из двора в переулок. Злодей и не подозревал, что меня нет. Тем более, что перед тем, как уйти, я постояла у окна.

Стояла я минут пятнадцать, а отлучилась на десять.

Спасибо, мой дорогой ангел-хранитель. А никак нельзя втихаря прибить того, другого, с ненормальным чувством юмора?

51. ПРЕСТУПНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Что со мной делать, никто не знал. Отпустить меня обратно в город не разрешало антитеррористическое начальство. И неважно, что сама я гранат не бросаю. Я их притягиваю, а значит, место мне нужно найти, во-пер-

вых, защищённое, во-вторых, удалённое от концентрации других сапиенсов.

На время поисков достаточно надёжного бункера меня оставили под присмотром Тараскина. Он тоже не знал, что со мной делать. Его ближайшее начальство беспокоилось, что поиски бункера могут затянуться, и гранаты естественным образом притянутся на родное отделение. А лишаться работы столь экзотическим способом начальство не хотело.

Я тоже не знала, что делать. Я сидела в уголке, сразу на двух стульях, поджав замёрзшие ноги и облокотившись на старый стол. Тараскин дал мне бумагу и карандаш, и я занялась рисованием бисерных буковок. Пыталась составить список потерянного, а заодно и список дел, которые следовали из пропажи.

Сгорел мой паспорт, а значит, я попала на переоформление части официальных бумаг и рассылку уведомлений о смене документов. Пропали мой телефон, мой компьютер и часть последних рабочих бумаг по стройке. Я потеряла некоторое количество важной информации, а значит, придётся покупать новый ноут, восстанавливать данные из резерва, собирать заново то, что было потеряно. Я осталась без одежды. И это не такая уж беда. Но придётся восстанавливать банковские карточки. Это время. А вот что не восстановить, так это книгу с дарственной надписью одного талантливого доктора.

Бессонная ночь давала знать о себе, в отделении было душно, и я время от времени склоняла голову на руку, чтобы немного подремать.

— Таша! Таша, очнись.

Знакомый голос на мгновение внушил иллюзию, что я в кошмарном сне, а когда открою глаза, всё будет хорошо.

Нет, я в полиции, сижу всё на тех же стульях. Но есть некоторый позитив в присутствии доктора Колесникова.

Хоть полюбуюсь на него.

— Посмотри прямо на меня.

О, ещё и разрешение выдадут. Жизнь налаживается.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ннормально.

Взяв меня за руку, Рим уставился на часы. Посчитав пульс, он нудно забросал меня всё теми же вопросами.

— Тошнит? Голова кружится? Шум в ушах? Необычный вкус на языке?

— Нет, ничего. Меня не задело. Я в магазине была.

Рим энергично растёр ладонями сначала одну мою руку, потом другую.

— Спусти ноги, сядь прямо и расслабься.

Оой, я не железная кукла, я монолитное каменное изваяние. Всё тельце затекло.

Постучав пальцами по моим конечностям, Рим приложил всю ладонь к моей шее. Поморщившись, он стащил с себя куртку, намотал её на меня и резко бросил Тараскину:

— Я отвезу Наташу в больницу.

Тараскин насторожился и уточнил:

— А что с ней?

— Пульс слабый и медленный. Холодная вся. Дышит трудно. Плохо ей. Кардиограмму надо сделать.

Я попыталась вмешаться:

— Слушай, Рим, ну не надо больницы. В приёмном уже койку назвали моим именем. И занимают её последней. Смотрят на часы и говорят: «Ещё только половина шестого, Ладоска может подъехать». Ставки десять к одному, что меня привезут в этом месяце. Это не смешно.

— Доверься мне, ладно?

— Роман Алексеевич, ей охрана нужна.

— Пока вы разберётесь, она у вас умрёт.

Я умру?! Да с чего бы это? Меня даже граната не взяла. Я практически в бессмертие уверовала, а тут нате вам,

умру. Нет, это серьёзно? Я умираю?..

— Роман Алексеевич, а, может, вы хотите увезти её для того, чтобы довести до конца свой преступный замысел?

— Что?

— Отойдите от неё. Руки вверх!

Тараскин прицелился в доктора Колесникова из пистолета. Тот, тяжело вздохнув, сделал пару шагов назад и расставил руки в стороны.

Кто-нибудь, выключите это плохое кино!

— Это вы устроили взрыв, не так ли? Вы знали, что Наташа вышла, и хотели использовать суматоху для того, чтобы похитить её. Вы готовы на всё ради того, чтобы добиться её внимания. И решили прибегнуть к силе!

Я встала и попыталась объяснить Тараскину:

— Иван Павлович, вы ошибаетесь. Он не злодей. Он улитка...

Но тут проснувшийся ангел выполнил мою просьбу. Кино выключилось.

Потом надо мной махали руками, называли какие-то цифры. Я сидела в каком-то коридоре, и меня сильно знобило. Мне сделали кардиограмму, сказали, что всё хорошо. У меня взяли кровь. Мне дали несколько таблеток. И я снова отключилась.

52. ПРОБЛЕМА В ПСИХИКЕ

Я тяжко провинилась, случайно смотавшись от гранаты. И моего ангела-хранителя, видимо, подвергли какому-то мучительному наказанию. Во всяком случае, помочь мне он уже не мог. Остальные ангелы, раздражённые вновь отложенным свиданием с моей душой, выписали мне специальную пытку.

Я лежала в больнице, и ровным счётом ничего не происходило. Телефона у меня не было. Телека в палате не было. Ко мне никто не приходил. У дверей палаты по-сменному сидели полицейские, которые запрещали мне выглядывать в коридор. Медсёстры заходили рано утром и поздно вечером, не реагируя на мои посулы золотых гор.

У меня не было ни одежды, ни сменного белья, ни хотя бы расчёски. Я быстро замерзала, если вылезала из-под двух одеял, поэтому проводила всё время тихим калачиком. Делать было нечего, и я изучала, какие сведения из каких областей знаний застряли в моей голове. Вспомнила три неправильных английских глагола. Вроде бы их было больше. В химических элементах я, наоборот, сбилась со счёта, пока не застряла на сомнениях, есть ли такой элемент, как турций. А вот вычисления чисел Фибоначчи оказались уже высшей математикой.

Время не тянулось. Оно было камедью — вспухающей, набирающей объём, растущей во все стороны, пузырящейся, но никак не подходящей к следующему дискретному моменту. Часов у меня тоже не было. Я смутно ориентировалась по свету за окном и визитам медсестёр.

Когда я увидела в дверях палаты Лукаса, то первые пару минут испытывала сомнения — не начались ли у меня галлюцинации.

Лукас привёз мне телефон, килограмм фисташек и три бутылки минералки. Редди узнал о взрыве от кого-то из друзей, и Лукасу пришлось наврать ему, что он видел меня в больнице, и что я, как обычно, прыгаю по койке, изображая разных зверьков. На всякий случай он решил удостовериться, что это действительно так, и мой бледный вид не понравился ему настолько, что он пошёл к главному врачу выяснять, а почему это я не зверёк. Главный сказал, что есть такие существа как ленивцы,

и я — одно из них. Зря говорят, что у нас медицина плохая.

Едва Лукас умчался, ко мне явился новый гость. Рим втащил в палату штук пять объёмных пакетов и свалил их около спинки кровати.

— Эй, Таша-манная каша. Время шевелиться!

— Салют, злодей-похититель. Ты уже отсидел двадцать лет? А я вот только из комы вышла.

— Мне скостили срок за сотрудничество с полицией.

— Что за караван ты ограбил? Надеюсь, это еда?

— Я накидал всего подряд, что может пригодиться. Не знал, что кто-то уже просочился. К тебе никого не пускают.

— У Лукаса везде свои подходы. Но и свои представления о необходимом. Вон, полюбуйся. Телефон, орехи и вода — набор для выживания от винного короля. Если ты додумался до расчёски и тёплых носков, приз самого умного посетителя — твой.

— Орехи помногу не ешь.

— Живот заболит. Знаю.

Рим притащил стул от окна, уселся и торжественно сообщил:

— Завал в квартире разобрали.

— Бриллиантов, случайно, не нашли?

— Всё, что уцелело, я к тебе в мастерскую отвёз. Новую раму уже вставили, но чтобы жить, ремонт придётся делать. Твой ноутбук водой залило, без шансов. Из одежды я только майки забрал, с рисунками твоими. Остальное проще выкинуть, чем ковырять.

— Да всё можно было бы выкинуть. Лукас сказал, что и все неразбитые бутылки надо добить, на счастье. Он туда уехал, праздник осколков устраивать.

— Засыпаешь хорошо?

— С одного укола.

— А что-нибудь беспокоит?

— Есть ли сёрфинг в соседней галактике.

— Мне сказали, ты не встаёшь. Это лень или слабость?

— Ржавчина. Шарниры железные заело.

Покачав головой, Рим отказался ремонтировать моё тельце:

— Процедуры с маслом тебе сейчас не помогут. Я могу тебя усыпить или взбодрить. Но тебя грызёт страх. Проблема в психике.

— Спасибо, что растолковал.

Объяснил бы ещё, что происходит. Отбор на чемпионат по гляделкам? Или тренировка гипнотического воздействия?

— Я в детстве, когда плохо было, к маме бежал. Чтобы почувствовать тепло рядом, услышать её голос, понять, что я не один. Для меня лекарство от страха — физический контакт, объятия, слова. И сейчас мне хочется прижать тебя к себе — согреть, утешить, сказать, что ты не одна, что я рядом.

Так я, наверное, отбиваться не буду. Хватит всех этих заумных самопожертвований. Мне плохо, и я хочу, чтобы меня утешили.

— Ты в детстве пряталась, ты боялась, что вместо утешения ты услышишь что-то плохое. Ты хотела остаться в безопасности, подальше от голосов и от чужих рук. Твоё лекарство — одиночество и тишина. И сейчас тебе хочется убежать отсюда, чтобы снова спрятаться в каком-нибудь убежище.

Рим придумал мне убежище? Было бы неплохо. Жить-то мне негде. Если только в мастерскую вернуться. Но там-то я даже от камня не увернусь, не то, что от гранаты.

— Я не хочу напугать тебя. И не хочу оставлять одну.

Достав из кармана картинку из какой-то книжки, Рим развернул её и продемонстрировал мне с утверждением:

— Это улитка.

Математический кружок приехал. Что ж так сложно всё?

Да, есть у меня пристрастие корёжить классическую спираль, по которой некоторые улитки строят свои прочные домики. Однако это ещё не значит, что я весь мир вижу как хитросплетение завитков.

Рим показал рукой на себя:

— Посмотри внимательно на меня. Очень внимательно. И подумай, чем я отличаюсь от улитки. Ну? Скажи первое, что в голову придёт.

— У тебя нет раковины.

— Зато она есть у тебя. Это прочная толстая раковина размером с большую банку. Ты сидишь внутри. А я бьюсь в стекло, чтобы сказать, что в банке нет смысла. Кокни уже эту банку, устрой себе праздник осколков.

Это вот Римушка всю задумку испортил. За кокнутую банку меня дежурной по грязному белью назначали. Так что к банкам я отношусь бережно.

Рим спрятал рисунок, забрал мою руку в свои ладони, уставился куда-то в угол и замер. Патриарх психотерапии в мыслях о тяжёлых судьбах человечества.

Я поёрзала и нетерпеливо спросила:

— Слушай, а это вот долго ещё? Может, ты ускоришь процесс вправления моей психики? Нельзя перейти сразу к той части где «обниму и утешу»?

Наконец-то. Совсем другое дело. А смеяться необязательно.

53. УБЕЖИЩЕ ДЛЯ НАЖИВКИ

Рим оказался толковым поставщиком всего необходимого. Проблема заключалась в том, что, собирая всё это необходимое, Римушка думал обо мне в постели. Он при-

вёз белья, носков, красивую тёплую пижаму, набор расчёсок и даже мягкие тапочки. Всё очень милое и уютное. Только как нацепить бронезилет на пижаму?

Мои попытки отказаться от бронезилета Тараскин не воспринял. Помимо бронезилета он притащил ещё и защитный шлем, и всё это в одной композиции со мной, моими драными джинсами и старыми кроссовками выглядело комично-печально.

Упаковывали в броню только меня. Прилёт гранаты точно разложил бы веером не только Тараскина, но и его коллег, однако их самих это не смущало.

Поселили меня довольно далеко от города, в отдельном доме, спрятанном за трёхметровым забором с колючей проволокой по верху. И пока меня туда доставляли, я не могла избавиться от мысли, что где-то рядом вот-вот прозвучит: «Стоп. Снято».

В доме были специальные укреплённые двери, пуленепробиваемые и взрывоустойчивые окна, а также подвал, в котором кто-то важный собирался пережить неприятности ядерной зимы. Подвал, правда, был крепко заперт, так что случись что неприятное в мировой политике, мне пришлось бы прятаться под кроватью.

Обстановка и внутренние интерьеры домика подсказывали, что это уже заслуженное убежище. И от предыдущих обитателей в нём оставались свои приметы времени и места. Рядом с забавным торшером времён молодости Бабани красовался огромный напольный кувшин в восточном стиле, а полысевшая шкура неизвестного животного на полу очень мешала маленькому роботу-пылесосу.

Выбираться за пределы домика мне запретили. Средства связи отобрали. Сообщать о местонахождении любым способом не рекомендовали. Визиты кого-либо ко мне не разрешили. И помимо киношных ассоциаций я прониклась грустной мыслью, что села в занимательную, но всё же тюрьму.

Сроки заключения представлялись туманными. Нашлись свидетели самого момента броска гранаты. Нашлись записи камер, на которых метатель убегал от места взрыва. Но тёмная куртка с накинутым капюшоном не давала зацепок к установлению личности преступника. А средний рост, спортивное телосложение и отличное знание города — самые общие приметы.

Пару дней я угробила на беседы с военными и госбезопасностью. И заскучала. У охранников был свой домик на въезде, откуда они не показывались, а даже если показывались, в разговоры со мной не вступали. В середине дня они ставили пакет с продуктами у двери и скрывались. В пакете был набор для выживания — батон хлеба и разная мелкая снедь.

В убежище валялось довольно много книг, но по большей части это была заслуженная классика. Страдания перед броском под паровоз я не могла воспринимать в отрыве от семейного контекста. Большинство женских романов явно писали в аду. А путешествия фей по планетам единорогов никак не могли удовлетворить рациональную Наташку, которая всё время вклинивалась с вопросом «На кой ляд ей это нужно?».

Что делать всем непоседливым Наташкам в одиночном заключении? Проживать яркую, насыщенную жизнь в размахивании ногами, созерцании ровного серого слоя облаков и кормлении воробушков? В мою голову стали просачиваться фантазии об отработке боевых приёмов на охранниках.

Открыв очередной пакет с продуктами, я обнаружила в нём десяток записок. В строгом режиме секретности друзья сообщали, что весь город уже знает, куда меня спрятали, но все всё правильно понимают, поэтому рассказывают об этом шёпотом и с каменными лицами.

Редди в двух строчках извещал, что вернулся, и что

поездка оказалась удачной. Лукас коротко написал, что Редди столкнулся с Флеш и её мужем, после чего глупо написал, и привезённое с севера хорошее настроение развеялось вместе с похмельем. Ещё штук пять записок были посвящены разным мелочам.

Рим ничего не прислал, и никто не написал, что открытие его клиники состоялось, как и было запланировано. Только Зойка упомянула, что на торжественную вечеринку прилетели и бывшая жена Рима, и какие-то его сногшибательные сокурсницы-раскрасавицы.

Зойка умеет поддержать, как никто. Её письмоцо заканчивалось уверением: «Мы тебя помним и любим». Но хор Наташек в моей голове дружно добавил «скорбим» к этому позитивному слогану.

Закахну я в этой секретной безопасности. Точно.

Появление Бориса Сергеевича я встретила аплодисментами и слезами радости. Полковник щедро сыпал упоминаниями всего специального, и поначалу я воодушевилась операцией по захвату Платона. Но потом Борис Сергеевич проболтался, что его старый враг не стал дёргать струнки в сложной паутине контактов. Он прямо позвонил Андрею Петровичу и спросил, что за петрушка творится вокруг законопослушной гражданки Натальи Ладошкиной.

Эта выходка была за гранью моего понимания. Платон не мог не понимать, что Андрей Петрович не высветит ему детали дела, о котором практически ничего не знает. Зачем же он подставил меня, подтвердив Борису свой интерес к моей персоне? Напрашивалась мысль, что старый лис отвлекает внимание полиции от каких-то других событий, но даже в этом случае лис должен был знать о моём существовании и о том, что вокруг меня творится какая-то петрушка.

Не самое приятное ощущение — обнаружить, что некий незнакомец использует тебя в своих целях.

Но ещё неприятнее оказалась твёрдая уверенность Бориса Сергеевича в том, что гранаты летают по нашему городку сами по себе, свободно. И в том, что какая-то глупая, заблудившаяся граната случайно залетела в моё окно, нет ничего странного. Платон — это важно, а вот граната — проблема военной инспекции, пусть они сами в миграции своих гранат и разбираются.

Не знаю, из каких фондов и на каких основаниях, но родная полиция в лице полковника спокойно оплатила все мои покупки в нескольких магазинах одежды и обуви. Не работать же Борису Сергеевичу рядом с оборванкой. Эта благотворительная акция посеяла во мне призрак неудобного сомнения. Ведь может же государство приодеть бедную девушку. Почему для этого нужно обязательно под гранатой оказаться?

Лишь после разборки покупок до моего мозга добралась не самая приятная мысль, что я в этой операции — червяк на крючке. Дёргайся, не дёргайся, а удочка уже заброшена.

Полковник поселился в одной из центральных гостиниц города, и каждое утро машина с мигалками привозила меня к подъезду отеля, возле которого он меня встречал. В образе такого солидного пожилого джентльмена. В длинном стильном пальто. Под которым скрывался бронжилет и оружие.

Я гуляла по всем центральным улицам, дефилировала по набережной туда-обратно и раза три посетила археологический музей. Пожилой джентльмен время от времени случайно проходил мимо и сообщал, что пока всё чисто. Почему-то он был уверен в том, что Платон вот-вот вынырнет из небытия, чтобы побеседовать со мной. Видимо, о живописи средневековья. И в силу неизвестных мне умозаключений Борис Сергеевич полагал, что его

присутствие рядом со мной не отпугнёт злодея.

У меня впервые в жизни появилась возможность вести праздный образ жизни. Я тренировалась в наведении лоска и блеска на свой внешний вид и воображала, что добилась в этом некоторых успехов. Увы, я неоднократно наткнулась на Редди, регулярно встречала Лукаса, время от времени раскланивалась с людьми, которых не видела несколько лет, но пути-дороги доктора Колесникова пролегали в другой части города. Я втайне надеялась, что он хотя бы полюбопытствует, правда ли я так хороша, как болтают. Но нет, чьи-то сломанные ноги, конечно, куда интереснее.

День, два, пять — и пожилой джентльмен стал печальным. Неделя — и Борис Сергеевич заговорил о прощёте, о том, что призрак вовсе не так одержим моей персоной, как он надеялся. Десять дней — и самолёт увёз полковника в столицу. Не получился из меня достойный червяк.

Охранники выставили меня из убежища, причём в ускоренном варианте — дали ровно сорок минут на сборы, после чего вывели за ворота, сложили рядом все мои пакеты, да так и оставили.

Я вызвала такси и поехала в отель.

54. ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА

Поразмышляв минуты три в такси, я решила, что поживу пока в самом дорогом люксе. Там, конечно, холодно, зато сам люкс достаточно высоко. И два входа-выхода с видеофонами есть. И двери мощные. И из окон видно подходы к зданию со всех сторон.

Рим, услышав по телефону, что я вернулась в отель, коротко согласился: «Хорошо». Но времени заехать у него не находилось. Презентации и вечеринки по случаю от-

крытия клиники тянулись и перетекали одна в другую, он только и делал, что торчал на разных мероприятиях. Я сосредоточилась на своих делах.

Володя уехал в какие-то дальние страны, «Кордилина» стояла открытой всем желающим. Первыми её обитателями стали наглые крысы. В результате устроенного ими кутежа замкнуло проводку. Вместо автоматов умный Володя использовал проволоочки, и часть его домиков украсилась следами фантастического полоза, оставившего за собой обугленный след. Теперь из окон моего отеля открывался чудесный вид на постапокалиптический пейзаж.

В «Надежде» обвалилась штукатурка с гнилой стены, а следом просела и часть крыши. Новый арендатор предсказуемо испарился, успев снести две секции общего забора. Теперь ко мне можно было проникнуть и с той стороны. Торюхины, между тем, хорошо проводили время в Европе, и кто я такая — вспомнили не сразу. Затыкать и эту дырку предстояло мне.

Маринку ошеломила новость о том, что она скоро станет бабушкой. Не приходя во вменяемое состояние, она всё бросила и уехала к дочери. Поручив мне и моему управляющему присмотреть за «Лунным Китом». То, что у неё подтекает одна из труб, Маринка знала. Но совсем прорвало эту злополучную трубу естественно тогда, когда ломать двери и разбираться с потопом пришлось соседям, а точнее одной конкретной соседке, то есть мне.

Я нашла хороший вариант жилья для Бабани — отдельный домик в селе подальше от моря. Переезд оказался шумным и весёлым. Все горланили какие-то песни, знакомились с соседями и затаскивали их пропустить по рюмашке. Я сидела рядом с Бабаней и перелистывала альбом с фотографиями отца в детстве. Она пыталась что-то важное вспомнить, объяснить, доказать, а я её обняла и сказала, что люблю. Она всплакнула, но потом утешил

лась, успокоилась и принялась допекать меня вопросами о том, не обижаю ли я хорошего мальчика Романа.

Отец нашёл работу и перебрался в сторожку одного из больших пансионатов. Он небрежно и гордо заявил мне, что зарплата сторожа куда как весомее всех тех копеек, за которые он корячился в отеле. Я грустно посетовала на сложную экономическую ситуацию, но обратно его не позвала.

Переговоры с Абдуллой и другими соседями по старому участку ни к чему не привели, торговаться не получилось. Продавать совсем задёшево мне не хотелось, а потенциальные покупатели не хотели рисковать вложениями в текущей ситуации. Максимум, на что можно было рассчитывать — сдать в аренду, да и то только на сезон.

Разобравшись с неотложными делами, я впервые за несколько лет оказалась в неудобной ситуации, когда на телефоне кончились деньги, а все счета пусты, все кредиты выбраны. Я одолжилась у Арамыча, пообещав ему что-то сказочное, во что он вряд ли поверил. И сам факт того, что я столько времени билась, билась, но ничего, кроме новых долгов не добилась, угнетал, колот изнутри отчаянием проигрыша.

А наши местные телевизионщики всё пиарили доктора Колесникова, повторяя сюжеты о клинике и её основателе. Почему бы и нет? На экране Рим представлял как раз таким, каким и хотят видеть врача пациенты. Спокойным профессионалом с понятной речью и чёткими жестами красивых рук.

И на каждом мероприятии Рима окружали женщины. Десятки, сотни, кажется, даже тысячи женщин. Любой цвет волос и глаз, любой овал лица, любая форма груди. Мягкие и строгие, невинные и опытные, быстрые и ленивые. Выбирай, не хочу. Зря я так легко отмахнулась от его предупреждения. И зря начала смотреть все эти торже-

ственные сюжеты. Подумаешь, презентации. Скукота.

То ли дело в старом водопроводе ковыряться...

55. ВЗЯЛИ И ПОТЕРЯЛИ

Редди притащил мне новый компьютер с переписанными из резерва данными. После обмена сплетнями и новостями, мы засели проверять, что я потеряла. Не так уж много. Он переписал мне те контракты, что были у него в почте. Списал последние фотографии интерьеров отеля. Я забрала с облака всю ту аналитику, что сподобилась туда закинуть. Редди закопался в телефоне, выбирая то, что уже перекидывал мне раньше.

— Ладощка, а тебе цифры со счётчиков ещё нужны?

— Какие цифры?

— Из «Надежды». Я успел щёлкнуть, но забыл совсем.

Это в какой-то прошлой жизни было. Счётчики, цифры. У меня уже есть цифры. На бумаге. Я видела бумагу с цифрами. Точно бумагу.

— Редди, ты снял счётчики на телефон?

— Да. Вот они.

— Ты не переписывал их на листок бумаги?

— Я что, рехнулся?

Я подскочила, пробежала вокруг комнаты, снова села и объяснила:

— Слушай. Рим принёс мне листок бумаги. С цифрами. Он нашёл листок где-то во дворе и решил, что это какая-то наша шифровка. Что мы потеряли эту бумажку, пока бегали вокруг трупa.

Редди посмотрел на меня жалостливо-заинтересовано, и я добавила:

— Я решила, что ты уронил показания счётчиков, которые записал на листочек.

Чувствуя, что он не понимает, я быстро добавила:

— Мы полезли в «Надежду». Случилась вся эта катавасия с трупом. А уже потом, когда всё утряслось, я начала ломать сейф. И тут пришёл Рим. С этим листочком. Но получается, что листочек не от счётчиков.

Редди присел передо мной, взял мои руки в свои и проникновенно спросил:

— Ладощечка, а напряги свой мозг. Где этот листочек?

— Не знаю. Я вообще не знаю.

— Что любовь с людьми делает. Листочек он ей принёс. Нашёл, чем барышню удивить. Ей-то всё равно, она рот раскрыла, на красоту милого залюбовалась, про остальное забыла.

— Я ничего не забыла.

Редди уже орал в телефон:

— Рома, брось всё. Приезжай к Ладощке, быстро! Клянись, это важно!

Не дав Риму осмотреться, Редди махнул рукой в сторону дивана и затараторил:

— Слушай, доктор, вспомни, как ты принёс Ладощке листок бумаги, на котором были какие-то цифры. Потом вы углубились в интересные тактильные ощущения и головы потеряли. Но ты пришёл к ней с листочком. Где ты его взял?

Рим растерянно пожал плечами, не вспомнив ни листочка, ни цифр. После дополнительных растолкований он неуверенно предположил:

— Где-то во дворе. Он под ногами валялся, и я подумал, что он ваш. Вы же играли в шпионов. Ну, раз в отель залезли. Признаться, я про счётчики даже не подумал.

— Сконцентрируйся. Куда ты дел этот листочек?

— Не знаю. Представления не имею.

— Хорошо. Оставим на видном месте записку: «Дорогой убийца! Мы поняли, что вы ищете. Извините, мы это

взяли, но потеряли. Честно-честно».

— Кажется, я его положил. На стол.

— Рома! Вспомни, куда ты смотрел!

— На сейф. И на Ташу.

— То есть мысленно ты уже был весь в ощущениях.

Я понял.

— Да нет. Не в том смысле.

— Короче, размотай ленту воспоминаний в обратную сторону. Вспомни, как ты к ней шёл. След в след, шаг в шаг. Надо понять, где этот листочек валялся.

Рим сдержанно пояснил:

— Где-то у моей калитки, чуть левее, на траве.

Редди всплеснул руками:

— Ты нашёл эту бумажку уже после того, как полицейские уехали. И с чего ты решил, что она наша? Полицейские всё вывезли. Получается, что бумажку уронил сам убийца. Он её элементарно потерял.

— Зачем он вернулся?

— Проверить, что да как. Чисто ли. Может, и просто полюбопытствовать.

— Нелогично.

Редди ехидно ухмыльнулся и распорядился:

— Так, романтики массажа. Сели рядышком. И вспоминаете дотошно, что это была за бумажка. И что за цифры вы там видели.

— Мята.

— Была ровно сложена, сгибы остались, но неровные.

— В линейчку.

— В клеточку.

— Одна строчка.

— Две.

— Цифры одна к одной.

— Нет, десятичные числа, с точками.

Редди задумался. Рим вдруг встал, шагнул к столу и на первом попавшемся листке быстро нарисовал строч-

ку цифр с пробелом посередине:

— Я загрузился всем этим коммунальным хозяйством, и когда Таша про счётчики сказала, обрадовался, что всё понял. Но там было что-то вроде этого. Это координаты. Два числа в одну строчку. Широта и долгота в градусах, поэтому и с запятой.

Редди хлопнул в ладоши:

— Конечно же! Затонувшая яхта с золотом. Потерянный самолёт с наркотиками. Сундук с мертвецами. Или какое-то другое йо-хо-хо.

— Это реально?

— Нет. Это старый, как мир, лохотрон. В полутёмном баре старый подвыпивший пират продаёт всего-то за пару пинт рома бумажку с координатами, где сокровища лежат. Классика. Я и сам так дурачился.

Меня озарило, и я быстро добавила:

— А организатором мог быть Семён, сын Розы, которая на самом деле Маша. Глава семьи за мошенничество сидит. И Роза — гадалка потомственная. Роза эта в отеле появлялась, пока с папаши моего деньги тянула. Наверняка и сынок рядом болтался. Они у нас новички, и пока их не заметили, вполне могли проверить крепость умов.

Редди хлопнул себя по лбу и тихо выдал:

— Так, наверное, прямо в твоей мастерской лоха и разводили.

— Это вряд ли.

— Да задумайся сама. Кто мечтает слиток золота случайно откопать? Кто тебя про драгоценности выпрашивал? Кто про обыски первым сказал?

Володя? Невзрачный хозяин разваливающегося пионерлагеря?

Я отмахнулась:

— Вряд ли. Местных этой ерундой не пронять.

— Это вопрос творческой подачи. Место есть, времени сколько угодно, и на кон можно поставить что-нибудь

необычное. Секретный бункер военных.

— Пирамиду с драгоценной короной.

— Это ты уже подогнала легенду под конкретные чаяния соседа.

Серые прямоугольники окон показались мне вдруг угрожающими.

Пока Редди звонил Тараскину, Рим смущённо чмокнул меня в щёку, но этим и ограничился.

56. С ОДНОЙ ПЛАНЕТЫ

На государственных хлебах я соскучилась по хорошей еде, поэтому на радостях возвращения к риску взорваться в собственной спальне наготовила изрядное количество всяких сложных блюд. Редди наскоро изучил, что есть интересного в моём холодильнике, и заявил, что будет некрасиво покинуть мои апартаменты, не проявив должного уважения к моим стараниям. Надо же проверить, достаточно ли пропеклась фаршированная курочка. И зачем мне одной целый лоток с овощным рагу? Да и миску салата я вряд ли съем сразу. А салат, между прочим, за время хранения потеряет вкус.

Рим засомневался, нужно ли спасать мою еду, но банкетами и фуршетами сыт не будешь. Найдя под полотенцем на столе тарелку с пирожками, доктор Колесников обрадовался так, будто на томограмме скелет инопланетянина увидел. И сразу согласился, что оставить пирожки на произвол судьбы было бы преступлением.

Усадив меня в уголок, Рим и Редди после первого голдного приобщения к курочке и пирожкам развили степенную беседу о новых моделях машин. Сошлись на том, что какая-то быстрая красотка хороша, но ездить на ней у нас никак невозможно.

На волне этого взаимопонимания асы теоретических гонок единогласно осудили мои водительские порывы. И один чуть не поседел, потому что я его лоб в лоб едва не протаранила. И другой в шоке от того, как я исколошматила его машину. Мне нельзя за руль. Категорически.

А я слегка опасалась конфронтации. Да пустое это всё.

Сославшись на то, что меня клонит в сон, я оставила обоих радетелей за безопасное движение освобождать холодильник дальше.

На какое-то время я действительно задремала. Но потом в сознание просочились мысли о том, что убийца всё время был рядом. Я свойски забежала к нему разменять денег, мы дружески болтали с ним на посиделках у Маринки, он приносил мне саженцы цветов. Неужели я достала его до того, что он схватился за гранату?

Тихий стеклянный звон вернул меня в реальность. Гости добрались до последней винной коробки.

— Ты, командир, забыл, что я врач. С опытом в травматологии и неотложной хирургии. Призовут меня в полевой госпиталь ещё быстрее, чем тебя в твой десантный полк. И повезёт, если тот госпиталь мне самому не придётся разворачивать. Сразу после выпадения из самолёта.

— А ты выпадал хоть раз?

— Было дело. Но я не поклонник таких упражнений.

И что в этом весёлого? Смеются оба.

— Ты, военврач, имей в виду: если понадобится, оружие у моих друзей есть. Я в злые игры не играю, но кто его знает, до чего дойдём.

— А злая игра с вывихом плеча?

Вот так поворот. Зачем Рим влез в эту тему? Обычно Редди отшучивается, уходя от объяснений, но может и разозлиться.

Ответ Роману оказался неожиданно честным:

— Семейное проклятие. Я с раннего детства зарекался, что никогда не буду похожим на отца. А в алкогольном

угаре сделал ровно то, на что насмотрелся. Ладощка поняла и простила. Но только она верит, что я не скачусь в эту пропасть снова. Я сам в себе не уверен.

Вздых. Пауза. Шуршание. И Рим непринуждённо продолжил боевую тему:

— Если оружие носить, надо знать, что сможешь выстрелить. А у меня не тот профиль. Я на людей смотрю и мысленно диагнозы ставлю. Я обычно скальпель да пару ампул полезных таскаю.

— Слушай, доктор, а по-твоему, нормально, что Ладощка всё время спит?

— Нервничает, вот и спит. Было бы хуже, если бы она потеряла аппетит и маялась бессонницей. Пусть ест и спит, сколько хочет.

— Всё ещё дуется на тебя?

— Ну, она сама ушла, расстроилась. Потом обиделась на меня, что она ушла, снова расстроилась. Что-то в этом роде. Она так издёргалась, что бесполезно разбираться. Мне пару недель надо доработать, потом увезу её в тихое место, и всё наладится.

— Но железные шарниры тебе не простят до пенсии.

— Да пусть не прощает, главное, чтобы сутками не скрючивалась в кровати, уткнувшись в ноут.

Вроде неудобно получается. Встать, сказать, что я не сплю?

— Ладощка добрая, она за тебя боится, поэтому и отталкивает. Может, и правильно. Не в твоё окно граната влетела.

— Ага. На двадцать восьмой этаж никак не добросить.

— Ты пойми, она пытается всё сама решить, потому что не понимает, что по-другому бывает. У неё нет ничего, она привыкла, что всё на ней: и хозяйство, и проблемы, и нервности чужие.

— Знаешь, необутая хозяйюшка — это моя предыдущая опера. Неудачная во всех смыслах постановка. Мать

на меня давила, я прогнулся, и за малодушие нахлебался помоев по уши.

Это вот мне нравится. Я бы даже сказала, что помои настраивают на позитив. Грязи, крови и разной неприятной физиологии Рим не боится. Но помои — это сильно. С бывшей точно покончено.

— А нынче замахнулся я на античный эпос. Приезжему цезарю приглянулась чужая красавица. Вполне себе обутая, одетая и даже со своим маленьким королевством. Заманил я королеву на свой корабль, паруса поднял, поплыл на счастливой волне. Потом вспомнил, чем в древности дело кончилось, сказал матери, чтобы тунику купила, стрел заготовила и мусор со двора вывезла.

— А мусор к чему?

— Площадку под деревянного коня приготовить. Вдруг привезут дары, а мы не готовы.

Какие там дары. Редди смешками захлёбывается.

— Но мимо древнего сценария история ушла. Королева любопытная попалась, непоседливая. То весло ей дайте, то от штурвала отойдите. От пиратов отбиваться — она первая, а потом взяла и в ялик спрыгнула — для срочной эвакуации. Прощевайте, цезарь, у меня внезапно война, а вы плывите себе, плывите. Я вот не уверен теперь, правильно ли сюжет понял. Может, пора в странствия лет на тридцать отправляться?

— Нет, странствия — это моя стихия. Как потеплеет, полечу с перелётными птицами в другие земли. Может, там своё счастье найду. Здесь слишком много сплетен.

Помедлив, Рим дипломатично заметил:

— Таша расстроится.

Хихикнув, Редди не согласился:

— Нет.

Булькнуло вино, звякнуло горлышко по кромке рюмки, и Редди принялся откровенничать:

— Я тебе, Рома, честно скажу. Да, я люблю её, и всегда

буду любить. И она будет любить меня. Этот след нельзя стереть с сердца. Но страсти, притяжения, шторма чувств между нами уже нет. Осталось только воспоминание о детстве. И светлое, и горькое, и душистое.

Ох, я сейчас расплачусь.

— Ты дал ей то, что я не смог. Кресло с подушками у окна. Она всегда такое хотела, а я всегда смеялся и говорил, что в креслах будем сидеть на пенсии. Ты её понял — и она будет счастлива с тобой. А я буду счастлив с кем-то ещё.

Скорее бы уже нам всем быть счастливыми. Хоть бы и без кресел.

— Дай пять. Не будем подлые мыслишки по сусекам прятать. Я — Редди, ты — Ромка, и живёт в наших сердцах одна девчонка. Значит, с одной мы планеты инопланетяне. И кто поймёт тебя, как я пойму? Кто подскажет, чем её порадовать, как я подскажу? Кто выпьет с тобой за неё? За неё, друг.

— За неё.

Хорошие мои, как же здорово, что вы есть...

— Живём один раз. Зачем метаться, глупости сочинять, с демонами в чужих головах сражаться? Она твоя. Так суждено. Так свыше где-то уготовано. И послан ты ей тогда, когда посланы и все беды сразу. Ты — её спасение, её надежда...

Обычно Редди пьёт мало и медленно, потому что алкоголь плохо переносит, плывёт сразу. И судя по поэтическому пафосу, сейчас он уже не плывёт, он выступает на чемпионате по художественным выпрыгиваниям из воды. Как бы не допрыгался до того, что Риму его откачивать придётся.

— Помнишь первый день, когда она увидела тебя у ворот? Она ещё не знала ни имени твоего, ни кто ты есть, ни зачем пришёл. На пять секунд она свой взгляд на тебе задержала. И всё, готово. Вас притянуло друг к другу.

— А ты это так сразу понял?

— Ага.

— Это как же?

— Два года она с обычным хвостом везде ходила. Не красилась, не наряжалась, собой не интересовалась. А собралась знакомиться с тобой — пошла от мастерской по двору — и на ходу резинку с волос сдёрнула. Рассыпала роскошные волосы по плечам. Один неосознанный взмах руки. Одно движение природы. Один жест, в котором — всё. Можете вы хоть что-то с этим сделать? Да ничего. Можете воображать, что добивались или сдавались, обольщали или сопротивлялись. Только пустое это...

Неужели всё так просто? Я, правда, стащила резинку? И Редди это заметил? Чудно.

— Вот, смотри, это линия моей жизни. Тонкая, белёсая. И уходит в космос. В неизвестность. А у вас с Ладощкой свои линии. Общие. Повенчали вас чужие ножи на том ночном асфальте.

— Может, и так.

— За сёрфинг в соседней галактике. И за вас.

— За тебя. И за нас.

Уткнувшись в подушку, я вытерла слёзы и быстро уснула.

Утром мне предстала чудесная картина: два алкаша-инопланетянина, спящих на полу. Один причудливо расставил в углу пустые бутылки. Другой аккуратно пристроил свои кроссовки на комод. Подушки пришельцы поделили поровну, но хитрый Редди утянул себе все большие. Зато Рим захапал себе тёплое одеяло, оставив собутыльнику куцый плед. Диван остался пустым.

Что тут скажешь. Красавцы. Люблю, не могу. Обоих.

57. ОШИБКА ХРАБРЕЦА

Погоня за Владимиром Носовым была развёрнута по всем правилам большой гангстерской саги. Были переведены в особый режим работы аэропорты, вокзалы и полустанки; на всех дорогах появились пикеты; на пляжи выехали патрули. Вертолёты летали, телефоны звонили, полицейские совещались с военными.

Но виновник переполоха ничего не подозревал. Спокойно пересёк границу в другой части страны и неторопливо прикатил домой на автобусе. После чего первым делом пришёл ко мне — узнать новости. Я сбивчиво сослалась на плохое самочувствие, и Володя, сочувственно покачав головой, отправился восвояси.

Тараскин часа три ждал команды сверху. Не дождавшись, постучался к злоумышленнику в домик, и через полчаса вывел рыдающего навзрыд преступника к своей машине. За что незамедлительно получил взыскание, ибо некрасиво забирать весь героизм себе одному, когда отличиться хотелось всем.

Аферу с продажей злополучного листка действительно разыграл Семён — в качестве наказания. Спьяну он сам купил листок у какого-то старого прохиндея, потратив деньги матери. Разозлённая Роза велела сыну убираться вместе с листком — и без денег не возвращаться. Недолго думая, Семён подпоил Володю и сбыл ему своё неудачное приобретение.

Володя положил листок с координатами в кошелёк, кошелёк в карман, а Сюр утащил этот кошелёк — и как раз тогда, когда Редди устроил цирк с сейфом. Володя нашёл воришку в «Надежде», но Сюр посмеялся над обвинениями и отказался отдать кошелёк. На Володю накатила гнев, и он щедро выплеснул его на воришку. Сюр убежал, но недалеко, чем и подписал себе смертный приговор. Володя слетел с тормозов и забил обидчика насмерть.

Упаковав тело, Володя рассчитывал тихо-мирно вывезти его на побережье соседнего моря, где и оставить в каких-нибудь камышах. Когда он понял, что прибыли полицейские, и как раз туда, где лежало тело, то поначалу распахивался, но когда суматоха улеглась, возгордился своим хладнокровием. Володя даже храбро прогулялся на место преступления. Не забыв вытащить кошелек и полюбоваться, что всё на месте.

Это проверка и подвела храбреца. Каким-то образом он выронил бумажку, а когда обнаружил потерю и вернулся на место преступления, то ничего уже не нашёл.

Сумма, уплаченная за листочек, не была столь уж существенной. И Володя испытывал разумный скепсис относительно того, что координаты действительно указывают на клад. Однако время от времени всех тянет на покупку лотерейных билетов, и Володя не был исключением. Он даже не стал проверять эти координаты, ведь ему хотелось мечтать о сокровище, а не разочаровываться их отсутствием.

Но вот потеря листочка убедила Володю в том, что сокровище существует. Иначе этот глупый листок не потерялся бы. Если с вещью происходит что-то странное, то это не вещь, это волшебный артефакт. Об этом рассказывалось во всех фильмах о сокровищах, которые Володя когда-либо смотрел. И он незамедлительно наделил листочек самостоятельной волей и способностью перемещаться. После чего погряз в увлекательной охоте на него.

Чего Володя не делал, так это не устранял меня с мест своих изысканий. Сюр был отщепенцем, паразитом, которого не жалко и прихлопнуть. А Наташа Ладошкина — уважаемая соседка, находящаяся на другом уровне эволюции. Зачем же её убивать? Особенно тогда, когда этим так удачно для Володи занимается кто-то другой?

Володя сознался в убийстве воришки, но отрицал какую-либо причастность к покушениям на меня.

Изложив мне все обстоятельства раскрытия дела об убийстве в «Розовой Надежде», Тараскин грустно сказал, что официально мои проблемы уже не входят в его компетенцию. Но он очень хочет мне помочь. Хотя у него другой работы полно, да и ссориться с начальством он не хочет.

Я обняла его, чмокнула в щёку и подарила небольшой листочек с несколькими строчками цифр и моей подписью. Пропуск в сказочную пещеру короля Лукаса, где непонятные артикулы превратятся в весёлое сокровище — лучшее вино нашего побережья. Ладошка обещала — Ладошка сделала.

58. РЕВИЗИЯ

Рим решил сделать мне сюрприз и явился на ночь глядя без всякого предупреждения. До смокинга он всё же не додумался, но в целом выглядел как с картинки из дорогой заграничной жизни. Дорогую жизнь я и у нас видела, но ей обычно недоставало такого стильного лоска. Не получилось с лоском и у меня. Стильного доктора встретила лохматая оборванка посреди завала бумаг, бутылок и железных стружек.

На пол небрежно шмякнулась большая спортивная сумка, и Рим протянул мне подарочный пакет:

— Синоптики морозы обещают.

Ух ты! Пуховые белые варежки. Идеально белые. Уютно тёплые. В таких нужно для журналов фотографироваться. И ходить в них медленно, ничего не касаясь, чтобы не запачкать и не примять. А даже если попытаться в них кого-то ударить, всё равно выйдет умильное «мимими». Полный восторг.

— Я с вещами. Если королева никак не может оторваться от своего королевства, придётся цезарю покинуть свою высокую башню.

Сезон не начался, а постояльцы уже приехали. Хорошая примета?

Обведя рукой беспорядок, Рим невозмутимо поинтересовался:

— Тебя опять покусали в мэрии? Или в суде?

— С чего ты взял?

— Фрагменты металла, отгрызенные от сейфа, наводят меня на такие мысли.

— Это не я металл грызла. Это Редди бесился.

— Хм. Тогда обсудим это завтра. Сегодня цезаря надо покормить, в ванну сопроводить и в мягкую постельку уложить. Займёшься?

Обдумав эту наглую заявку, я махнула рукой:

— Собогаволите, цезарь, проследовать в сторону едальни, умывальни и опочивальни.

Ой, не дойдём мы до опочивальни...

Дурак, ты же есть хотел...

Костюм испачкаешь... Ладно, пусть пачкается...

О развале в мастерской Рим вспомнил только через сутки.

— Так что накатило на Редди? С какой беды он поиздевался над сейфом?

— Муж его возлюбленной повсюду хвастается страстной женой.

— А сейф чем провинился?

— Попался под руку.

Рим нахмурился, покачал головой, но ничего не сказал. Действительно, зачем воздух сотрясать.

Вздохнув, я пустилась в объяснения:

— Вообще, мы с Редди провели большую ревизию. И подвели черту. Во всех смыслах. Все деньги посчитаны,

все споры улажены.

Рим попытался справиться с любопытством, но всё же не удержался и спросил:

— А для тебя это чистая любовь к подсчётам?

— Нет, ты что, у меня всегда корысть на первом месте. Лукас подкинет денегат Редди, и мы с Редди будем в расчёте.

— Однобокая корысть получается.

— Отныне мы с Редди плывём каждый в своей лодке. Я не участвую в его делах. Он не знает о моих планах. Я не изучаю его схемы. Он не читает мои контракты. И между нами нет никаких долгов. Всё по-честному.

Рим заботливо уточнил:

— Но теперь ты должна Лукасу?

— Да. И ещё Арамычу. Но мы с Арамычем договорились, что он на моём старом участке маленький продуктовый магазин поставит. У него племянш подрост, в дело просится. К вину его рано подпускать, пусть сначала на мороженом силы попробует.

— Если тебе нужны деньги, можно ведь и у меня попросить.

— У тебя нет денег. Ты вылетел за все бюджеты, и твой отец уже распечатал пару резервных кубышек, чтобы ты хотя бы открылся. Про возврат инвестиций речи вообще нет, все понимают, что это вклад в любимого ребёнка. Пусть томограф и дорогая игрушка, но сыночек же хочет, как отказать. Так что спасибо, конечно, но занимайся скелетами, а с деньгами я разберусь.

Рим поморщился, но решил повременить со спорами. Однако раз уж тема пошла, он решил выяснить кое-что в устройстве мира:

— Мне неловко вторгаться в чужие секреты, но поясни в общем ключе, а что за дела крутит Редди? Это ведь как-то связано с вином?

— Это целиком и полностью связано с вином.

— То есть он дилер?

— Не совсем. Он посредник и переговорщик.

В азартные игры Римушка не играет, азарт для него — это найти какую-нибудь хитрую трещину на снимке. Поэтому ему потребовалась подсказка, зачем нужна завеса неопределённости вокруг поездок и дружеских попок Редди, во время которых он сам не пьёт.

— Представь, что ты открыл свой кабинет без вывески, рекламы, лицензии и налогов. Тебе понадобится помощник, который будет приводить к тебе разумных проверенных клиентов, собирать с них деньги, а иногда и разруливать конфликты.

— А! Я понял!

Смешной такой. Сообразил, что мир проще, чем ему казалось.

— Но мне не нравится, что ты в этом замешана.

— Я не замешана. Мы с Лукасом любим математику и образовали общество любителей золотой спирали. Иногда собираемся на заседания, где обсуждаем увлекательные задачки по сложению и вычитанию.

— Всё равно.

— Ладно, я скажу, но это секрет. Я выписала Редди рецепт излечения от несчастной любви. Лукас уже всё устроил. После майских праздников Редди сядет в самолёт и вернётся только в середине осени. Его ждут новые земли и новые люди. Мы очень надеемся, что он встряхнётся и засмотрится на какую-нибудь нормальную девчонку.

Рим улыбнулся и съехидничал:

— А родители Редди знают, что вы с Лукасом усыновили их дитятко?

— Возражений с их стороны не поступало.

— Может, надо не разлучать влюблённых, а свести их обратно? Мне показалось, что любовь Редди не очень-то счастлива.

— А ты знаешь, кто она?

— Принцесса скалистого пляжа. Фигуристая, болтливая, вся в блёстках.

— Точно. А где ты её видел?

— На одном из фуршетов. Мир тесен, я знаком с её мужем. И, признаться, ни разу не слышал, чтобы он обсуждал свою жену. Тем более, с точки зрения каких-либо страстей. Думаю, Редди наделил его несуществующими чертами яркого антагониста, чтобы было не так обидно проиграть. Но как только молодая жена заскучает, Редди не составит труда вернуть её симпатии.

— Проблема не в её симпатиях. Любовь смешалась с презрением, гордость схлестнулась с болью разлуки. Редди не сможет переступить через её замужество, и даже если она придёт к нему с криком «Я навеки твоя!», для него ничего не изменится.

— Нет. Она не придёт, и в этом вся боль.

— Мы с Лукасом отлично всё придумали, и Редди уже заглотил наживку, так что скоро он улетит, а мы спокойно выдохнем.

Доктор Колесников многозначительно помолчал и приглушённо спросил:

— Ты скажешь, что я идиот, но всё же... а какие отношения у тебя с Лукасом?

Я рассмеялась. Но потом сжалась и снизила до пояснения:

— У нас родственные отношения.

— То есть?

— Он пасынок от первого брака второго мужа моей мачехи. Если эту матрёшку разобрать, мы получаемся сводные брат и сестра.

— Очень дальнее родство.

— Подружек у Лукаса не счесть, а сестра одна, хотя бы и настолько дальняя.

Рим вскользя улыбнулся и пожал плечами.

Тонкая ложка неспешно кружила в остывающем чае. Тикали часики на стене. На побережье наполнили сумерки.

Мы ведь всегда так жили? Рим возвращался из клиники, мыл руки, целовал меня, садился за стол. И мы оставались вне времени, в оторванном от мира пространстве, где было место только для двоих.

Мне хотелось поторопить стрелки. И растянуть до бесконечности эти минуты спокойствия и счастья. Оказывается, мне так мало надо для счастья.

59. ПРИЗРАК

Промозглый берег совсем не располагал не то, что к прогулкам, но и к коротким проверкам, а как там наше хмурое море, на месте ли. Хотя, собственно, куда оно денется, море это. Пару тысяч лет тут плещется. И на наш век хватит.

Я неторопливо брела в сторону колоннады, уходящей в ровные серые буруны. Издалека пирс выглядел жалким, но на этой монументальной постройке спокойно могли разехаться два больших грузовика. Впрочем, грузовики по пирсу давно не ездили, да и корабли к нему не подходили. Пирс начинался на территории недостроенного санатория нефтяников, так и не дождавшегося постояльцев. На высоких панельных корпусах висели лифтовые кабины, но грязь на стёклах уже начала сменяться битыми провалами. Недострой был местом обитания чаек и ворон, так как для людей он оказался слишком большой косяк. Запустить машину можно было только с корпоративными инвестициями, а санаторий успели растащить чуть ли не поэтажно.

На длинной полосе песка не было ни души, и сказочный мир теней, тумана и загадочных звуков моря манил отвлечься на волшебные фантазии. Огромное окно в космос распахивалось во всю ширину неба, и каждая пустяковая мысль казалась сопричастной вечности.

Когда я дошла до пирса, одна из колонн ожила, от неё отлепилось тёмное пятно, которое приблизилось ко мне и превратилось в мужчину.

Я представляла себе хриплый баритон с угрожающими нотками. Или сладкий тенор с вкрадчивыми интонациями. Или даже рокоющий бас с теряющимися нижними частотами. Голос призрака оказался сухим и невыразительным.

— Здравствуй, Аля.

Я готовилась к этому. Я ждала этой встречи. Я репетировала ответы и свои реакции. Но я переоценила свою стойкость. В животе что-то заныло, и ноги сделались неустойчивыми.

А когда я поняла, на кого смотрю, то на несколько секунд перестала ощущать себя как материальное тело.

Ко мне явился... Вася Пушкарёв!

Крепыш, которого якобы убила Аля!

Хорошая новость: у меня нет семейной предрасположенности к убийствам. Плохая новость: я сама по себе психопатка. Совсем плохая новость: Борис Сергеевич искал именно Крепыша. Он организовал поддельное убийство, позволив Крепышу улизнуть от правосудия. Надеялся стать героем. Но Крепыш надул его, и жажда поквитаться заставила полковника разработать план по выманиванию старого врага на свет. План сработал, но вот рапортовать о победе будут терпеливые майоры, для которых вся эта история лишена романтического флёра и личных эмоций.

Крепыш неуверенно повторил:

— Аля... Алечка... Аленька...

Свежий ветер промчался по вселенной множества Наташек. Я ответила самой себе на вопрос, что же такого особенного было в Алевтине. Двое мужчин не смогли забыть свою любовь к ней не потому, что в Але было некое роковое начало. Их вопросы остались без ответа. Аля бросила и мужа, и любовника без объяснений и прощаний, и тем самым оставила их в ожидании. Они жили ощущением, что она вот-вот постучится в двери — и время вернётся к той точке, в которой она исчезла.

— Ты не представляешь, что я пережил...

А надо представлять? Обойдусь, пожалуй.

— Я так долго ждал тебя... Столько плохого передумал... Думал, они увезли тебя куда-нибудь далеко, заперли, мучают...

Судишь по себе, да, Крепыш? Ничего, что ты сам её измучил?

— Родная моя...

Простите, неизвестный ангел. Понимаю, вы вложили все силы в то, чтобы Вася наслаждался неторопливой жизнью в каком-нибудь далёком заграничном городке. А неблагодарный Вася взял и наплевал на все ваши труды. Ради нескольких мгновений иллюзорной любви. Что поделать. Так уж у нас, людей, заведено. Сказка важнее реальности.

— Мы уедем. Теперь мы уедем. Обязательно уедем.

Напрасно я приписала Крепышу избыток интеллекта. Как сейчас он понятия не имеет, куда и как собирается ехать, так и в прошлом он не готовил никаких легенд и документов.

Нет, а вот подходить ко мне не надо. И обниматься со старичками — не моё хобби. Кыш-кыш...

— Ты не Аля.

Морской воздух полезен всем. Даже у сумасшедших старичков случаются просветления.

— Она умерла? Ты привидение?

— Это ты умер. Тебя убили и бросили на помойке. И теперь ты призрак.

— Нет. Бросили какого-то шулера.

— Но для всех это был ты. В этом мире тебя давно нет. Крепыш присмотрелся ко мне и нахмурился:

— Кто ты?

— Меня зовут Наташа. Я думаю, что Алевтина — моя бабушка.

В глазах Крепыша вспыхнули сердитые искорки:

— Болотная кикимора твоя бабушка.

— А ты имя её знаешь?

Крепыш только презрительно фыркнул. Может, пора сворачивать спектакль? Реплики явно исчерпались.

Вглядевшись в меня ещё раз, Крепыш вдруг задрал голову к небу и широко перекрестился:

— Господи...

Зря я не догадалась у Бабани какую-нибудь иконку прихватить. Во вполне себе светском мероприятии пяти-минутка молитв наметилась.

— Отродье!

Нет, не успеваю я за жанрами следить. Похоже, из предмета обожания меня резко переквалифицировали в объект жгучей ненависти. И как это понять?

— Я убью тебя!

Крепыш неуклюже прыгнул ко мне и попытался сбить с ног.

Фу, ну неужели нельзя было подойти к нападению как-то более осознанно? Ну что это за вялость движений? Столько народу смотрит, можно было бы и красивую потасовку показать. Скинуть пальто, встать в боевую стойку, издать агрессивный клич. И я бы из куртки выскользнула, пушистые кулачки вскинула, заорала бы что-нибудь воинственное в ответ. Энергичная сцена, хоть завтра в кинотеатры.

А это что? Детсаду посмеяться? Ни тебе бодрого видео, ни хотя бы одного динамичного кадра для постера. Одно движение — и старичок валяется на пляже у ног скужающей красотки. Ну кому это интересно? Ни крошки интриги. Ни малейшего шанса показать всё, на что я способна. И даже пнуть добычу ногой какая-то совестливая Наташка не разрешает. Лежачих вроде бы не бьют. Тем более стареньких.

Он ещё и скулит. Тьфу.

Эй, люди, а наручники к рецидивисту кто-нибудь прицепит? Можете уже из засады выходить. Бегать и прыгать сегодня не придётся.

Красивой сцены хотелось не мне одной, поэтому люди из засады не вышли. Люди приехали на пляж на четырёх сияющих огнями машинах. С сиренами, гудками и флажками. Крепыша осторожно подняли, отряхнули, бережно упаковали в наручники. И все желающие сделали по несколько селфи на фоне рецидивиста и моря. Скучно у нас, когда не сезон. Не упускать же удобный случай для небольшого карнавала.

Понаблюдав за суматохой, я побрела по кромке воды прочь от пирса. Увидев Рима, выбравшегося из-за ближайшей дюны, я уныло вздохнула. Предполагалось, что сегодня все больные края возьмут в осаду клинику доктора Колесникова. И его самого. Но, похоже, кто-то из заговорщиков сдал и меня, и этот план.

— Только без нотаций. Я знаю, что это было опасно.

Рим притянул меня к себе:

— Храбрая моя Таша, я читаю все твои страхи по тому, как ты держишь плечи. И если ты ещё надумаешь поиграть в шпионку, выбери меня в резиденты.

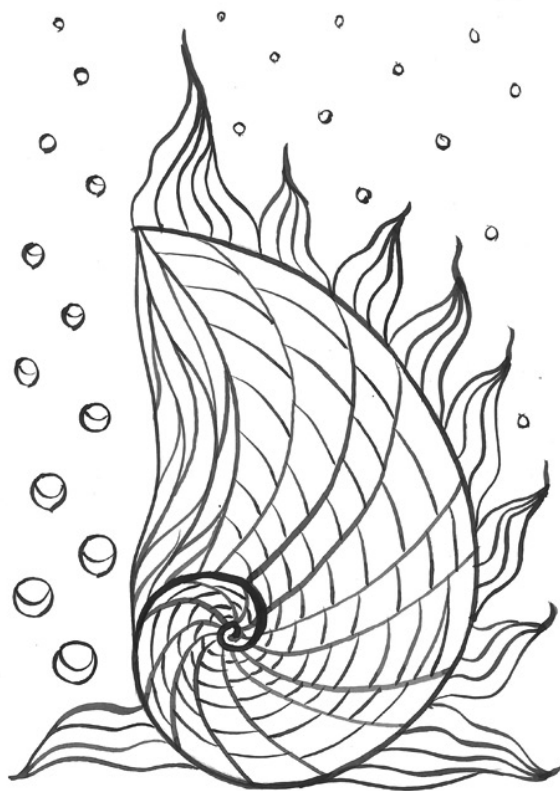
Я поморщилась и решительно отказалась от всех опасных игр:

— Нет. Не надумаю.

— Сначала отдохни, а потом думать будешь.

Мы пошли домой. По холодному песку. По тонкой границе миров. Красивый мужчина крепко держал меня за руку. И самая маленькая Наташка, воспользовавшись минуткой усталости всех остальных, звонко сообщила, что пришла весна.

ΓΛΑΦΑ 8

60. БЕЗ КАПИТАНА

Борьба за правопорядок в родном отечестве — это, конечно, важно. А отдых в отрыве от человечества прекращен и вдохновляет. Но денежного дерева в моём дворе пока не проросло.

Мы вернулись из короткой поездки, Рим занялся делами в клинике, а я засела сочинять пафосные письма потенциальным инвесторам. Надежды на отклик казались призрачными, но даже если ничего не получится, я буду знать, что постучалась во все двери.

Общий план типового письма я успешно набросала, оставалось придать каждому посланию крошки индивидуальности. И тут пришла смс-ка от Редди: «Сюрприз для Ладоски. Жду на яхте».

Я просила, чтобы он не устраивал провокаций, да что толку, Редди не переделает. На мой звонок он ответить не соизволил, поэтому я написала Риму, что ушла на яхту, и потащила к причалу.

К моему изрядному изумлению из недр яхты навстречу мне вышел не кто-нибудь, а тренер по самообороне Лёня. Расплывшись в слащавой улыбке, он изобразил что-то вроде галантного поклона, а потом двумя руками указал на проход к каютам.

В кают-компании обнаружилось разношёрстное сообщество. Пьяненький Редди, суровый амбал, плюгавый юнец с сальными волосёнками, флегматичный матрос в тельняшке и...

Флеш?!

Красавица одарила меня холодной змеиной улыбкой и пригласила:

— Добро пожаловать, Ладоска. Присаживайся. Выпей с нами.

— Ты извини. Но дел много. Вам и без меня весело. Я лучше пойду.

Мягкий тычок сзади в спину подсказал, что вот прямо сейчас я никуда не пойду. Леонид взял меня за предплечье и подвёл к свободному месту на диванчике. Я села, и он плюхнулся рядом, развязно положив руку сзади, будто собирается меня обнять. Это заставило меня не то, что встревожиться, а сразу запаниковать. Зачем Редди меня сюда заманил?

Дружок одарил меня мутным взглядом и выдавил:

— У нас помолвка. Мы решили тебе сообщить.

Нет, Редди, этого ты не решал. И решить не мог.

Флеш свысока поправила:

— Мы с Радиком снова вместе. И очень счастливы.

Редди, переименованный в Радика, не может быть счастлив. Как он выжил в такой жёсткой радиации?

— Ты побледнела, Ладоска. Не думала, что я смогу тебя победить?

— Ты давно победила. И я давно с этим смирилась. Я знаю, что Редди любит тебя, и я рада, что вы, наконец, вместе.

— Лицемерная трусиха. Вечно врёшь да изворачиваешься.

Флеш и четверо мужчин. Не считая Редди. Чего они хотят от меня? Какого шоу ждут?

Амбал, по всей видимости, охранник. Он явно из числа служивых, что военную лямку тянут под командованием отца Флеш. Наверняка папаша навязал ей такое сопровождение. Значит, амбал вряд ли понимает, что происходит.

Матрос нужен для управления яхтой, но он не из команды капитана Краснова. Лукас не разрешает брать яхту без Краснова. Корабль и капитан — неделимое целое. Так где же капитан? Знает ли, что творится у него на борту? Ответ очевиден — нет, не знает.

Сдавать яхту незнакомцам Лукас не любит, значит, он отдал корабль кому-то из друзей. И скорее всего, этим другом был Редди. Сообщение для меня пришло с телефо-

на Редди, точно также и Лукас мог разрешить взять яхту, не вдаваясь в тонкости, почему друг не отвечает на звонки, хотя пишет смс-ки.

Плюгавый юнец не страшен, я ему нос сломаю, если только сунется. Но зачем Флеш притащила его сюда? Какую роль она отвела этому прыщавому недоразумению?

Как и зачем в этой компании оказался Лёня? Ну, допустим, я ему нравлюсь. Так ведь мог бы подкатить ко мне как-то попроще. Допустим, он следил за мной за деньги. Но одно дело следить, другое — показать мне, что это именно он следил.

— Познакомься с мальчиками. Арсен, Жора, Кеша. С моим кузенком ты уже знакома. И не будь такой букой. Всё-таки у нас праздник.

Кузен? Так Лёня её родственник?

— А где же Краснов? Невежливо не позвать капитана на вечеринку.

— Он уехал в краевую столицу. Жора пока вместо него.

— Тут тесно для настоящего праздника. Да и еды, как я посмотрю, у вас хорошей нет. Давай закатимся к Митьке. Гулять, так гулять.

— Именно, Ладошка. Гулять — так гулять.

— Ты собираешься выйти в море? Лукасу это не понравится.

— А мне плевать на Лукаса.

Это вот зря. Лукаса во враги я никому не пожелаю. А уж оплётанный винный король придумает особенно иезуитскую месть.

— Выпей за наше счастье.

Я отпила пару глотков кислого и невкусного вина. Лица расплылись и потемнели. Какая-то важная мысль мелькнула и пропала.

Вообще всё пропало.

Каюта Краснова всегда была сакральным местом, куда допускались только избранные. Единственная любимая женщина ждала Краснова на берегу, а все остальные представительницы слабого пола капитана сильно раздражали, поэтому даже мне позволялось лишь заглядывать в капитанское логово от двери, не переступая порога.

Очнувшись на койке капитана, я начала любопытно осматриваться. Оглушённый отравой мозг пытался отвлечься на ерунду.

За иллюминатором торчало серое море под ровными серыми облаками. Яхта уходила в море. На малом ходу. Но без капитана. И это было очень плохо.

Сумку, естественно, мне не оставили. Но обыскивали невнимательно. Это немного утешало. Совсем немного.

Что стоит за действиями подозрительной компании? Мужчин я не знаю. Значит, всё дело во Флеш? Но если она и впрямь решила отдать своё сердце Редди, зачем ей я? Зачем напоминать Редди о моём существовании и притаскивать меня к нему? И на что она надеется, угоняя чужую яхту?

Ничего не понимаю. Голова болит.

61. ЗОЛОТАЯ СПИРАЛЬ

Прошло довольно много времени, прежде чем дверь распахнулась, в проёме проявилась физиономия Лёни, и тренер издевательски пригласил меня на выход:

— Идёмте, ваше королевское ничтожество.

Коридор, двери, двери, двери, каюта. Диковинные рисунки на стенах — фантазия Ладошки-художницы. Низкое большое ложе в центре — алтарь Лукаса-дионисийца. Редди, неподвижно лежащий с запрокинутой головой — поверженный герой-романтик. И Флеш, засевшая в крес-

ле рядом — жрица культа коварства.

Жрица царственно повернула голову и небрежно спросила:

— Что молчишь?

— Жду объяснений.

— Подойди и поцелуй его.

— Зачем?

— Так надо.

— Почему бы тебе самой не поцеловать его?

— Делай, что говорят.

— А если я откажусь?

Флеш наклонилась и подняла с пола пистолет. Чёрная дырочка, неторопливо покачиваясь, повернулась ко мне, а потом плавно переместилась и уставилась в голову Редди.

Чёрт... Какой дури эта чокнутая нажевалась?

Это настоящий пистолет? И где она его взяла?

Смешной вопрос. Там же, где гранату. На военном складе папаши.

У Флеш очень волевой и целеустремлённый папаша. На всё пойдёт ради дочурки. Точнее, конечно, не ради неё, а ради своих представлений о её благе. И уж наверняка он никак не заподозрит свою милую девочку в банальном расхищении военного имущества. Он ведь так и не поверил, что она могла влюбиться в безработного шалопая со шлейфом дурных слухов.

Рука Лёнечки вцепилась в мои волосы сзади. Картинка мира опасно пошатнулась. Ладно, поцеловать Редди я смогу, не вопрос. Но разобраться бы мне во всей, так сказать, композиции.

Флеш сквозь зубы процедила:

— Разденься. Сними рубашку.

И это не проблема. На этой яхте и в этой каюте я уже раздевалась.

Бедняжка Редди валяется ковриком. Полуголый, в од-

них рваных джинсах и босиком. Совсем пьян? Мой мозг почему-то уверен, что нет. Его тоже опоили.

Флеш кажется невозмутимой, но взгляд у неё дикий. Не иначе, заскучала в своём правильном замужестве. Оно и немудрено. Истомилась верная жена по страстному спасателю, вот и заманила милого в уютный альков.

Спрашивается, зачем здесь я? Под дулом пистолета?

Красотка отложила пистолет и махнула рукой на мужское тело:

— Джинсы оставь. Иди, сядь на него. Неприлично сидь.

Да как я на него не сяду, всё будет неприлично. С голгой-то грудью.

— Поцелуй его. По-настоящему.

Это чокнутая возомнила себя режиссёром эротической драмы? Зачем ей снимать мои поцелуи на телефон?

— Теперь все увидят, что ты его любишь, как любила. Что он тебе нужен. Что ты пойдёшь на всё ради него. Я всем покажу, какая ты дрянь.

Ха! А это телефон Редди. И если она всем всё покажет, значит, она выводит видео в интернет?

Я чуть повернула голову Редди и, хищно облизав губы, улыбнулась на камеру. Но мой указательный палец заскользил по мужской щеке, выписывая спирали.

Любовный ритуал такой. Без него никак нельзя.

Один, один, два, три, пять. Щека кончилась. Ничего, я повторю.

Если Флеш отметит меня, а она отметит, Рим увидит это видео. Он не поверит, что я с Редди. Он задумается, что кто-то должен это снимать. Он поднимет тревогу. Да? Сработает? Уверена ли я, что он уверен во мне?

Можно подумать, есть выбор.

Два, три, пять, восемь. Волшебная последовательность, по которой так удобно рисовать улиток. И ещё одна. Пять, восемь, тринадцать, двадцать один. Это вот получается

уже большая завитушка. Могучая, жирная улитка во всю грудь Редди. Всей моей ладошкой.

Римушка увидит. Наверняка. Он подписан на ленту Редди, он догадается, что Редди — улитка, он насторожится.

И повторим. Пять, восемь, тринадцать...

Флеш хлопнула себя по коленке и застучала пальцами по экрану:

— Я так и напишу. Решётка, помогите, решётка, безумная любовь, решётка, погибаю в огне страсти.

— А ты бы пояснила, зачем это всё?

— Чтобы все видели, как ты пристаёшь к нему.

Про скрытые камеры Флеш не знает. Но ведётся ли запись? Лукас иногда потешается над гостями. Однако Редди пользуется привилегией защиты личной жизни, его приватные встречи здесь не записываются.

Рим позвонит Лукасу. Наверняка догадается позвонить. И все поймут, что мы в беде. И кто-нибудь приедет, чтобы нас спасти.

— Флеш, а зачем тебе публичные разборки?

— Чтобы никто не сомневался.

Это, конечно, всё объясняет.

Кое-какие медицинские штуки я изучила. Если положить руку на шею, можно почувствовать пульс. Сердце Редди бьётся, это хорошо. Но ничего больше я не пойму. Руки и пальцы тёплые, это тоже хорошо. Мышцы совсем безвольные. Дыхание ровное, медленное, и дышит Редди ртом. Нос заложен — потому что слизистая отекала. Или нет?

В следующей жизни я стану врачом. Клянусь.

— Флеш, может, ты сама его поцелуешь, а я поснимаю? Уверю тебя, будет куда больше лайков. Ты буквально взорвёшь весь интернет.

Нет, взрывать интернет Флеш не собирается.

— Всё, снято. Теперь ударь его.

Я недоумённо покосилась в сторону красотки. Она пояснила:

— Врежь ему хорошенько.

Как там Тараскин сказал? «Самым вероятным мотивом являются дела вашего друга». В точку ведь попал. Первым же предположением всё чётко высветил. Дела моего друга. Амурные дела, но ведь дела?

— Делай, что говорю! Быстро!

Я влепила Редди оплеуху. И ещё одну.

— Не жалей его. Ударь, как всегда била.

Что с ней творится? Побледнела, вспотела, руки беспокойные, взгляд мечется туда-сюда. Флеш не пьёт, не курит, наркоту презирует. Может, Редди ей что-то забористое принёс, сам с передоза вырубился, а её трясёт? Мне он, правда, ни разу ничего не приносил, и мысль попробовать всячески из моих мозгов выметал. Но кто его знает, на что он мог решиться в погоне за ласковым взглядом Флеш?

— Не тяни время! Бей его!

Не понимаю. Даже если Флеш внезапно ощутила в себе порыв к упражнениям в чёрной коже, какой смысл превращать меня в орудие расправы? Сама бы побила милого.

— Флеш, а давай мы красивую сцену снимем? Стащим Редди вниз, к машинам, привяжем к каким-нибудь трубам и отстегаем верёвкой или тросом. Будет отличное представление. Глядишь, по красным дорожкам прогуляемся.

Ух, какой презрительный взгляд. Жаль, что античность уже не в моде. Эта вот мина отлично подошла бы античной богине, узнавшей, что несчастная смертная плетёт коврики длиннее и прочнее.

Я замахнулась, но вместо удара погладила Редди по щеке.

— Зачем мне бить его, Флеш? Ты воображаешь, что я

хочу причинить ему боль? Нет, я желаю ему счастья.

— Ты сделаешь его счастливым, когда сдохнешь.

— Собираешься убить меня?

— Ты первая напала. Избила Редди. И угрожала ножом мне. Я испугалась. Очень сильно. Я знала, что ты способна на всё. Я думала, Редди убит. У меня не осталось выбора. Я только хотела защититься.

— Занятная роль. Я смотрю, ты и слова выучила.

— Делай, что говорю!

Я положила руки на лицо Редди, перекрыла его рот и зажала нос, лишая возможности сделать вдох.

— Нет! Убери руки! Не смей!

Флеш подцепила пистолет, и я осторожно развела руки в стороны.

Редди вздрогнул, задёргал головой, закашлялся, разлепил глаза и уставился на меня. Через несколько секунд он сориентировался. Повернувшись к Флеш, он деланно захихикал, а потом в одно движение опрокинул и подмял меня под себя:

— Кого же я хочу больше? Нежную Ладощку или яркую Флеш?

Редди изобразил страстный поцелуй, который меня напугал. Нет, поцелуй Редди я точно переживу. Но я почувствовала, что Редди боится. Он воспринимал ситуацию более, чем серьёзно. И не знал, что делать.

Ну-ка, все Наташки, хором, дружно, про себя: А-а-а!!!

62. ДЕЛА ДРУГА

Редди отпихнул меня в сторону, энергично сел, но тут же обхватил голову руками с демонстративным стоном:

— Вот это похмелье.

— Это не похмелье! Твоя чокнутая подружка нас отравила!

Редди грустно усмехнулся, подмигнул, но жёстко меня одёрнул:

— Перестань чернить женщину, которую я люблю.

Флеш оскалилась в довольной улыбке, и Редди мягко попросил:

— Солнышко, а не протянешь мне своей изящной ручкой стакан водички? Мне бы глотнуть чего-нибудь безалкогольного. Ты же знаешь, я плохо переношу этиловые интоксикации.

— Потерпи ещё минут пять. Избавимся от этой лицемерки и глотнёшь, чего захочешь.

— Я избавился от неё. Она ничего не значит. У неё другие отношения, она живёт с другим мужчиной. Глупо придавать этой связи столько значения. Я люблю тебя. И только ты важна для меня. Ты знаешь это...

Редди оправдывался и признавался в любви привычной скороговоркой. Тема связи со мной, очевидно, была для него избитой и надоевшей. Глупый ты шалопай, почему ты не сказал мне, что от нашей картинки столько проблем?

Помнишь, как ты убеждал меня? «Я всё думал, что сам во что-то вляпался. Но дело не во мне». Ты ошибся, дружище. Дело как раз в тебе.

Флеш холодно парировала:

— Ты постоянно торчишь у неё.

Я быстро вклинилась и опровергла это заявление:

— Нет. У меня другой мужчина торчит.

— Стыда у тебя нет. Хоть бы постеснялась болтать о своих похождениях. И нечего увиливать. Я знаю, что ты спаивала Радика, лишь был он остался в твоём проклятом отеле. Ты обещала вернуть долги, а сама только и думала, что тебе удастся его соблазнить.

— Я не соблазняла его.

Редди изобразил, будто сдаётся роковой красотке, но обратился ко мне с выразительной просьбой:

— Помолчи, Ладошка. И рубашку нацепи. Нечего Лёню смущать.

Ой, а никакие рубашки уже не помогут. Похотливый взгляд тренера ясно отражает все его мыслишки, весьма далёкие от смущения.

Редди протянул руки к нахмуренной красавице:

— Флеш, девочка моя, зачем нам все эти лишние люди? Останемся наедине, поговорим, злость и раздражение остудим, сладкими поцелуями боль сотрём. Соскучилась ты, истосковалась, вот и хочется почудить. Да и я без твоей ласки извёлся. Пытался найти замену, только ничего не вышло. Ты — моя любовь, моя мечта. Так не будем тратить время на разборки.

Не получит Редди статуэтку лучшего актёра мира. И нашу отечественную премию за актёрское мастерство не отхватит. Даже и грамоту в нашем местном доме культуры ему как специалисту в притворстве не дадут.

Но, кажется, Флеш боязливых ноток в его голосе не замечает.

— Ты слишком легко ко всему относишься. Над отношениями надо работать.

— Мы поработаем. Вдвоём. Вернёмся на берег, заберёмся в хижину на дальнем берегу, и обстоятельно поработаем. Над отношениями.

Нет, Редди, не двигайся! Сиди, где сидишь.

— Ты наврёшь мне! Ты всегда мне врал!

— Нет. Я навру кому угодно, но не тебе.

— Ты сказал, что с ней покончено. Что она ничего не значит! Но ты полез с ней в чужой дом!

Ой-ой. Если всю пирамидку причинно-следственных связей разобрать, то в корне наших бед окажется дурное желание воришки стырить чужой кошелёк. Не трогал бы Сюр кошелёк, не нашли бы мы его трупа, не огласили бы

на весь свет, что бегаем вместе по чужим отелям. И не вскормили бы ревность злой красотки.

— Я люблю тебя, Флеш. И не устану это повторять. Посмотри, разве Ладоска способна сравниться с тобой? Ты да я — разве нужно ещё что-то для счастья?

— Зачем же ты катался с ней?

— Катался?

— Ты возил её развлекаться! А мне сказал, что это деловая поездка. Что ты ищешь приличную работу. Я вырвалась, чтобы побыстрее узнать, как всё прошло. Напрасно волновалась.

Осыпалась песочная башенка последних сомнений. Заправив рубашку в джинсы, я как можно спокойнее уточнила:

— Так это ты столкнула нас с дороги?

Флеш горько упрекнула Редди:

— Ты не заметил меня! Ты смотрел на неё!

— Я стараюсь замечать, что Ладоска делает, когда она рядом. Рефлекс у меня такой. Инстинкт самосохранения не даёт отвлечься.

— Я приходила к тебе. Я сидела у твоей постели и держала тебя за руку. А ты ждал её! Она прокрадывалась к тебе ночами!

Буду считать, что камеры всё-таки работают. Лукас на берегу может получить доступ к картинке с камер? И почему меня раньше не занимали все эти важные технические вопросы?

Вздыхнув, я спросила:

— Значит, это ты подожгла дом Бабани?

Воспоминание разозлило красавицу:

— Это был лишь эксперимент! Я хотела попробовать. И ты нарочно притворилась больной! Чтобы отвлечь Радика от меня!

— Но зачем ты подслала ко мне хулиганов, когда я не то, что не отвлекала его, а вообще о нём забыла?

— Он лежал беспомощный. А ты веселилась. Ему было больно!

Виновата я кругом. Сидела рядом — соблазняла. Ушла к другому — бросила. Как ни пошевелись, куда ни повернись — того гляди пристрелят.

Редди саркастически вернулся в разговор:

— Ладощка, значит, веселилась. А как назвать твои обеды и посиделки с женихом?

— Я делала это ради тебя.

— Ты боялась пойти наперекор отцу.

— Как ты не понимаешь? Он бы тебя посадил. Или сделал инвалидом. Или вытворил бы нечто ужасное, чего ни ты, ни я даже представить себе не можем.

— Мы не знаем. Возможно, твои слёзы и твоё отчаяние помогли бы ему если не принять меня, то хотя бы не настаивать на браке с другим. Но ты безропотной овечкой вышла замуж, даже не попытавшись отстоять своё право на свободу выбора. И ты позвала меня полюбоваться тем, как ты прилюдно целуешь и обнимаешь другого.

— Ты должен был бороться за меня! Ты должен был решиться! Быть смелым! Украсть меня!

А я, вообще, это предлагала. Мне дадут плюс пять очков к карме?

— Но ты... Ты привёз её на свадьбу! И ты не пришёл... Ты был с ней!

— Как ты была со своим мужем.

Эх, Редди, ехидный ты рыцарь... Меня ты подтолкнул к нервному срыву. Теперь и Флеш психанула, причём куда как фатальнее. Дело в том, что ты выбираешь неустойчивых красоток? Или что-то в тебе, твоей манере насмешек и обесценивания влечёт за собой внутренний кризис, который прорывается агрессией?

— Радик, ты не понимаешь. Эта негодяйка опутала тебя своими сетями. Куда бы ты ни пришёл, все напоминают тебе о ней. Что бы ты ни делал, все только и говорят,

что это ради неё, что ты хочешь быть с ней, что другой женщины в твоей жизни быть не может. А я лишь замена!

— Кто такие эти «все»? И почему они так волнуют тебя? Почему досужая болтовня чужих людей значит для тебя больше, чем мои слова и признания? Почему пошлый шепоток для тебя важнее, чем мой любящий взгляд?

— Потому что мы не в вакууме живём!

Я решила вмешаться:

— Флеш, тебя дразнит пара завистливых подружек. А ты послушай, что народ в целом болтает. Что Редди выбрал девчонку не чета Лadoшке. Что ты и красивее, и умнее, и богаче. Что он молодец, повзрослел, опомнился и избавился от старой надоевшей связи. Что с тобой он потянулся к правильной жизни. Ты — его богиня, и с тобой никто не сравнится. Куда бы я не пришла, мне все говорят, что он любит тебя так, как никогда меня не любил.

Жуй, богиня, не подавись. Не переборщу ли со столь мощной капитуляцией? Хотя капитуляция мне уже не может. С таким накалом страстей мы и до завтра не доживём.

Может, кто-то уже додумался, что мы с Редди не в романтический загул сорвались? Рим должен догадаться. Он не поверит. Ведь не поверит?

Помолиться, что ли? Как там? Боже, царя храни... Нет, не то. Аллилуйя любви? Совсем не тот случай. Стабат матер долороса. И опять не угадала.

В голосе Флеш плеснулось надменное презрение:

— Тебе не удастся отнять его у меня. Радик никуда не уедет.

Зачем, зачем этот дурак сказал ей, что уезжает? Надеялся, что она испугается его потерять? Хорошо, она испугалась. Дальше что?

— Солнышко, никому не удастся отнять меня у самого себя. Я сам решу, ехать мне или нет. И если я говорю, что люблю тебя, а Лadoшка осталась в прошлом, значит, так

оно и есть. Перестань потакать своим страхам и давай, наконец, обсудим это всё без лишних ушей и глаз.

Ай. Оплеуха спасателю прилетела. И что ж все любящие женщины так бессовестно издеваются над этим кра-савцем? Стерва проклятая! Не бей его!

— Ладошка, а у тебя ручонка поласковее, полегче.

Нет, я этого не вынесу. Конечно, я его в любом виде люблю, и любить буду. Но времени у нас, похоже, не очень много остаётся.

Римушка, доктор мой милый, ты же понимаешь, что это не та любовь? Отгорели мы с Редди, отвоевались, от-маялись. Ты — моя надежда. Не верь, умоляю. Посмотри на картинку внимательно, заметь, что делают мои паль-цы. Посчитай, подумай. Пять, восемь, тринадцать. Эле-ментарная математика. Из жизни простых улиток.

Посчитай, подойди к окну, взгляни на простор. Послу-шай, как ветер бьётся в стекло. Это весточка от меня. Это беда, любимый мой. Не верь...

Лёня быстро подошёл и решительно перехватил ручку Флеш:

— Пора сделать перерыв. То, что надо, ты уже сняла. Молодец. Но следующая сцена должна быть очень убеди-тельной. Давай-ка отдохнём, придём в себя, а потом со свежими силами продолжим. Никто не должен ничего заподозрить.

Врёт. Ему наскучило быть зрителем.

— Пойдём, Наташа. Пусть милые ссорятся да тешатся. А мы с тобой о своём поболтаем.

Редди резко встал, Флеш выставила перед собой пи-стоlet...

Лёня выглянул за дверь, и в каюте появился амбал-охранник.

— Я заберу желейную барышню. Проводи мою сестри-цу в третью каюту. А Радика пока запри. Для его же без-опасности.

Амбал молча кивнул. А я попыталась знаками объяснить Редди, что наша задача — как можно дольше тянуть время, не провоцируя никаких обострений. Вряд ли он хоть что-то понял. Но хотя бы сел обратно на кровать.

Лёня вцепился в моё плечо, и я послушно ушла вместе с ним.

Как мне повезло. Выиграла в неизвестной лотерее практическое занятие по самообороне. Бесплатное!

Спасибо, ангелы. Когда я до небес доберусь, я вам там устрою райский сад. По линейке ходить будете, радостные песни хором петь. В ваших же интересах, чтобы я до вас уже немощной клюшкой доковыляла. А бодряя Наташка вам и на этом свете пригодится.

Собрались все! Помогаем!

63. ЛИССА

За время, пока я шла до капитанской каюты, Наташка-воительница успела придумать целых пять сценариев своего спасения. В четырёх предполагалось участие инопланетных хищников и загадочных подводных монстров. Эти варианты пришлось отвергнуть, как недостаточно реалистичные. Но тот, в котором к яхте неслись полицейские катера и вертолёты, казался вполне пригодным для того, чтобы ангелы его поторопили.

Лёня толкнул меня на койку и начал стаскивать спортивную куртку, спокойно объясняя:

— Ну что, Наташа. Хочешь по добру, хочешь по принуждению. Но выстрелит моя крепкая пушка в твою розовую пещерку без всяких промедлений. Я долго ждал, и терпение моё на исходе.

Слог-то какой, прям всё бросай, записывай. Лёня сказок восточных перечитал?

— Мыслишки-то твои я знаю. Вспоминаешь, чему я сам тебя учил. Думаешь, а не стукнуть ли мне Лёню своим жалким кулачком? Только ничего у тебя не выйдет, железная барышня. Так что не глупи, не мучай себя.

Я задрожала и уставилась на Лёню, искренне надеясь, что не выдам себя раньше времени. Взгляд должен быть умоляющим и покорным. Повернуться немного, руки прижать к груди, всхлипнуть, но ни крошки сопротивления не показывать. Напуганная овца готова сдаться.

— Давай, Наташечка, повернись, не бойся, я ласковый, меня все девчонки любят. Снимай штанишки. Раскройся сама, и скользну я по мягким рельсам в заветный тупичок.

Бэээ. Уж лучше бы он матерился.

Я, заикаясь, пролепетала:

— Подожди, застёжка тугая. И надо подвинуться, а то ноги висеть будут, неудобно.

Лёня довольно улыбнулся, расслабился.

Древние греки называли умопомрачение во время боя специальным термином «лисса». Слово мне нравилось, и я позвала Наташку-лиссе.

Убей его.

Чистая, ясная команда отключила все остальные уровни сознания. Тело завибрировало струной, и остро отточенный, чуть изогнутый гвоздь двухсотка вошёл в тело врага как в масло. И ещё, и ещё. Выше. Ниже. В середину. Во всё мягкое, во всё беззащитное.

Одна из тонких ран вспучилась и брызнула струйкой крови.

Я пнула врага ногами, и он отлетел к двери, закричав неожиданно тоненько и визгливо. А потом выскочил за дверь. Я бросилась следом.

Что-то внутри пело и искрилось удовольствием от гонки. Я не понимала, куда бегу и что делаю, я не слышала звуков и не ощущала своего тела. Я чувствовала запах

крови, но не боялась его. Я шла за кровавым следом, как идёт хищник за раненой добычей.

Я догнала Лёню на корме. Он ухватился за поручни спуска в воду, как будто собирался броситься с яхты вниз. Я оттолкнула его в сторону и на мгновение замешкалась, выбирая — сломать ему левую или правую ногу?

Где-то рядом раздался резкий громкий звук. И ещё один.

Выстрелы?

Истошный женский визг...

Воспользовавшись заминкой, Лёня поднялся и бросился на меня, намереваясь прижать к парпету. Я увернулась и двинула его локтем в шею. Но оказалась в невыгодном положении — боком к противнику.

Уловив движение у входа в коридор, я инстинктивно превратила невыгодное положение в отчаянное. Рухнув в ноги тренера, я подставилась под удар ногой.

Угадала. Уши оглушило. Лёня резко вздрогнул, издал хриплый звук и начал медленно заваливаться, захлёбываясь красной пеной. Флеш, сжимая пистолет двумя руками, взвыла на одной тонкой, срывающейся ноте.

Я вскочила и бросилась по боковому проходу к рубке. Где-то рядом звякнул металл.

Рубка оказалась запертой. Как справа, так и слева. Внутри сидел насмерть перепуганный юнец. А яхта продолжала уходить в море.

Бесполезно постучав по стеклу ладонью, я проорала:

— Эй! Мейдей, идиот! Дай сигнал SOS!

Никакой реакции. Где же матросик?

— Вызови полицию! Свяжись с береговой охраной!

Но юнец только прятался от меня.

Цепляясь за какие-то железки, подтягиваясь и обдирая руки, я выбралась на крышу рубки. Увидеть Флеш я не могла, зато поняла, куда сбежал матросик. Он возился с одним из спасательных плотов, готовясь покинуть яхту.

А куда же запропастился амбал?

Вот он. Полон решимости помешать беглецу. Драка будет? Да. Только это не драка. Это демонстрация приёма самбо. Любой из ребят Краснова уложил бы амбала запросто. Но ребята Краснова сейчас в лучшем случае сидят на созвонах. А в худшем вообще ничего не знают.

Спустившись с рубки, я по носовой лестнице перешла на уровень кают и обнаружила, что амбал пытается оттащить бессознательное тело матросика к носу.

Увидев меня, он выпрямился, набылчился и пошёл навстречу.

За его спиной мелькнула тень, и очередной выстрел мой мозг идентифицировал уже без всяких заминок и затруднений.

Неужели чокнутая решила всех перестрелять?

Сколько выстрелов она сделала? Восемь? Или меньше? Надо было считать. Есть ли у неё запасной магазин? Сможет ли она его поменять?

Смешно сомневаться. Она дочь командира военной части. Это я с улитками возилась, а по её прихоти люди по плацу бегали. И пистолет она сможет собрать и разобрать с закрытыми глазами. Даже в припадке шизофрении. Или что там с ней такое творится.

Амбала повело, швырнуло на парапет. Я увидела расстрёпанную Флеш. Пистолет в её руках болтало туда-сюда, а саму девушку будто встряхивало разрядами тока. Непроизвольное движение её пальцев, дёргающих курок, я угадала при помощи какого-то чувства, до этого не проявлявшего себя.

Я спряталась за амбала и проорала:

— Наташа, опусти пистолет! Люди ранены! Надо вызывать помощь!

Флеш замерла. Наверное, отвыкла от собственного имени. Редди переименовал её в первый же день знакомства. Прозвище оказалось удачным, и Наташа быстро

превратилась во Флеш для всех знакомых. Включая банковского клерка, ставшего её счастливым мужем.

Если задуматься, мне бы это не понравилось. Но я-то каждый день Наталья Александровна, а Флеш сама говорила, что не хочет быть Наташей второй. Хотя Екатерине Великой второй номер вроде никак не помешал.

Нашла я время для исторических осмыслений...

— Наташа, послушай! Тебе надо спастись! Ты должна спасти Радика! Он любит тебя! Вы будете счастливы!

Тынц. Бах. Дзыньк. Чпок.

— Наташа! Надо остановить яхту! Надо вызвать спасателей!

Амбал застонал, попытался зацепиться за стойку, но промахнулся и грузно осел на пол.

— Наташа! Набери 112! Вызови помощь! Спасайся! Спаси Радика!

Я поняла, что она снова выстрелит, и бросилась в узкий проход к носу.

Флеш последовала за мной, и я, перебежав в проход по другому борту, начала мысленно прикидывать, на сколько кругов гонки нас хватит. Но потом я услышала, как чокнутая стучит по стеклу рубки.

Отлично. Какой-то из моих призывов всё-таки добрался до её перекрученных мозгов.

Я вбежала в центральный коридор и ворвалась в каюту, где остался Редди.

Лучший спасатель лежал на полу у кровати...

Одна пуля прошила бедро, вторая раздробила рёбра слева, ниже сердца. Любая из этих ран может оказаться смертельной, если помощь не подоспеет в ближайшее время.

Моё лёгкое касание причинило Редди боль. Он приоткрыл глаза, сумел сфокусировать взгляд и прошептал:

— Ладошка... Ладушка моя...

— Лежи, не шевелись. Собери все силы и держись.

— Я не понимал... прости...

— Молчи. Потом поболтаем. В спокойной обстановке. Сейчас дыши ровно. Глубоко не вдыхай, мелко и часто воздух ртом хватай.

С тем же успехом я могла попросить его промаршировать.

64. КРОВЬ И СТАЛЬ

Флеш ломилась в рубку, ругалась, стреляла. И вдруг наступила тишина. Тревожная тишина, в которой мой слух начал улавливать даже отдельные всплески волн. Потом я поняла, что к яхте приближается лодка.

Может, это полиция? Нет, не похоже. Были бы сирены, синие огни. А за окнами медленно расплзалась темнота.

Что, если это к Флеш подкрепление прибыло?

Выстрелы. Несколько сразу. Беготня. Ещё выстрелы...

Дверь каюты распахнулась, и я едва смогла выдохнуть:

— Рим!

Засунув пистолет за спину, Рим мельком глянул на меня и присел рядом с Редди.

— Дышит. Пульс есть. Давно без сознания?

— Не знаю.

— Это всё его кровь? Только здесь или на палубе тоже?

— Только здесь.

— Дырки вижу. Его не били?

— Наверное, нет. Я не видела.

Доктор Колесников будто в обычном кабинете работает. Сумку повернул, салфетки достал, руки вытер, и осмотр проводит. Ни грамма нервов. Точные движения, уверенный взгляд. Хладнокровен, как я в анабиозе.

— Стащи тряпки с подушки. Дай сюда.

— Это ты стрелял?

— Да. Не знаю, правда, в кого. Вниз загнал, в машинное отделение. Но одного мужчину застрелили ещё до меня. Один раненый лежит в проходе по правому борту. И на носу страдалец с вывихнутой ногой за кнехтами лежит. Сколько здесь всего людей?

— Остаётся одна чокнутая. И пацан в рубке забаррикадировался.

— Мы с голыми руками. Я расстрелял весь магазин.

— Перевес сил рук на нашей стороне.

— Подопрй дверь чем-нибудь.

Дверь. Тряпки. Что такое тряпки? Как мне добыть эту тряпку?

— Рим, а ты один?

— Пока один. Не стал ждать, пока все соберутся.

— А собираются?

— Ещё бы. Я сказал Тараскину, что хочу убить тебя. Так что не волнуйся, за нами точно приедут.

Где-то внутри судёнышка что-то вздрогнуло, и весь корпус сильно трянуло.

— Чёрт... Она нас потопит.

— Кто она?

— Флеш.

— Объясни в двух словах, в чём дело?

— Она сошла с ума. И это без всякой иронии.

Всего пара минут, а Редди уже не очень-то покойник, больше на пациента похож. Нога завязана, да и вообще он как-то поприятнее выглядит.

— Теперь ты. Рассказывай.

— Не тошнит, не кружится, адреналина через край.

Так приятно. Тёплые прикосновения успокаивают и вливают силы.

— Били?

— Пару раз приложили. Не страшно.

— Плохой вопрос, быстро выдохни — да, нет. Изнасиловали?

— Нет.

— Хорошо.

Вытерев руки о покрывало и покопавшись в сумке, Рим протянул мне две капсулы:

— На, слопай. Дотянешь до очередной кардиограммы.

И что за напасть. Вечно мои жалкие трясущие ручонки не могут даже таблетки ровно взять.

Рим снова потянулся за салфетками, а потом достал одноразовый шприц и небольшую ампулу.

— Вертолётов не слышу. Шума катеров тоже. Чуток времени выиграем.

Вот салат ровно нарезать Римушка не может. А как в полумёртвое тело иголками тыкать — это я вздохнуть не успею.

— Нда. Так себе прогноз. Он сползает к ангелам.

— Он просто сползает. Яхту кренит на этот борт. Надо выбираться на палубу.

— Лучше его не трогать.

— Мы быстро наклоняемся. Если яхта кувырнётся, нам крышка.

— Чокнутая чего хочет?

— Крови.

— Нужны носилки или доска. Здесь наверняка что-нибудь есть. Сообрази, где видела.

— Не знаю. Ничего нет.

— Сиди, не высовывайся. Держи руку на его шее, почувствуешь, что пульс пропадает, громко кричи.

— Осторожнее.

Как понять, это пульс или рука моя прыгает? Редди, дружок, давай, ритм не теряй. Плыви со мной рядом, поднимайся на волну, держись над гребнем.

Будет у тебя другая девчонка. Такая, какую я загадала для тебя. И фигурка у неё будет, и трепетность, и стихи она тебе читать будет, а вместо блёсток будет у неё доброе сердце. Плыви сюда, чтобы не осталась она одна на хо-

лодном берегу. Плыви, чтобы было кому согреть её в объятиях...

— Подвинься. Я нашёл.

Рим притащил маленькую тренировочную доску для сёрфинга.

— Я всё сделаю сам. Придержи ноги. Давай, в одно движение.

Неловкая я кукла. Сказали же — придержи.

— Слушай, Таша. Нам надо вытащить его только в коридор. Там протянем по полу. Я впереди, ты сзади. Если не удержишь, крикни, чтобы я успел опустить свою сторону. Соскользнёт — точно убьём.

Нет. Это чокнутая его убила. А мы спасём.

Топа. Хлопа. Европа. Азия. Уроню. Надо держать.

Упаду. Надо стоять.

Такой вот сёрфинг у нас вышел. В этой галактике.

Почему я не железная? Почему у меня нет жёсткого тела и стальных шарниров? Крепкие руки мне бы сейчас оченьгодились.

Толкаем? Тянем?

Шатается всё. Трясётся. А песню про «Титаник» петь будут?

Лукас её споёт. Над своим банковским счётом.

Ещё раз. Ещё сам пойдёт.

Двери. Порог и ступеньки. Зачем столько дверей в этом мире?

Ладно, пусть я кукла. У меня железная спина. И стальные нервы.

Не уроню. Не уроню. Палуба. Почему такая кривая?

Темно. Свет погас. Остался мутный аварийный огонёк.

— Таша, молодец, всё, отпусти.

— Он не дышит.

— Дышит. Пока ещё дышит. Но яхта неустойчива. Надо

в лодку спуститься. Или плот сбросить. Ты поддержи ещё руку на его шее, последи за пульсом. Я проверю, как там остальные. И я буду держать тебя в поле зрения.

Пульс. Пульс. Пульс. Это моё сердце бьётся? Или сердце Редди замирает в последних попытках прокачать слабый поток по разорванным сосудам? Или это весь корабль вздрагивает, предчувствуя неизбежное погружение в пучину?

— Рим! Скорее! Он задыхается!

— Без паники. Ну, будет ещё одна дырка. В горле. Добавим красоты лучшему спасателю... Ещё бы я что видел...

Скальпель. Сталь. Острый металл, мягко врезающийся в кожу...

— Ты не отнимешь его у меня!

Явилась, бесноватая тварь. Что-то блёсток на тебе маловато. Ничего, на похороны приоденешься.

Где твой пистолет? Потерялся? Зачёт вам ангелы, молодцы. А никак нельзя вырубить её сердечным приступом?

— Я убью тебя!

Не вопрос. Только отойдём в сторонку.

Нет, не подходи туда! Не смотри!

На меня смотри! На меня!

— Таша, уходи!

— Не отвлекайся. Я разберусь.

Сюда, Флеш! Мальчики заняты. Девочки на ринге.

Отчаяние против безумия...

Не думать. Не бояться. Не чувствовать боли.

Не торопиться. Не ошибаться.

Нос. Щека. Горло.

Проскользнуть под рукой, развернуться.

Лицо. Ещё раз. И ещё.

Жёстче. Сильнее. Больнее.
Обнимешь меня, дорогая?
Вода. Холод. Тьма. Не важно.
Терпеть. Держать. Ждать.
Теперь пусть вдохнёт. Всей грудью.
Всё. О, великий Посейдон! Она твоя!
Чёрт... А меня из объятий морского бога выпустят?
Нет?!..

65. СТОЛЬКО НЕ ЖИВУТ

Мрачен дворец твой, морской бог. Абсолютная тьма.

Должно быть два-три метра глубины. Но ориентиров нет. Я не знаю, где воздух, где дно. Спокойно. Закрывать нос и рот рукой. Вода мягко и настойчиво подталкивает в спину, и хочется поплыть по этой подсказке. Нет, это неверно. Надо вспомнить, как падала, как поворачивалась в воде. У меня только один шанс.

Левее, развернуться. Вложить все силы в несколько гребков.

Уф... Теперь отдышаться...

Ночь. Низкая облачность. Хоть глаз выколи. Я не вижу яхту. Вижу только тонкую полоску света на горизонте. Это побережье. Уже кое-что. Но на полоске нет тёмного пятна. Значит, яхта сзади или где-то сбоку. Или пошла ко дну...

Покричать? Горло сводит. Задыхаюсь. Всё равно надо пытаться.

Вода плещется и заглушает всё остальное.

И что я барахтаюсь, как котёнок? Надо лечь на спину и медленно, расслабленно болтать ногами. Скользить по волнам и сохранять спокойное дыхание. Не торопить-

ся, не делать рывков.

Волн почти и нет. Ветер с моря, значит, меня понесёт вдоль берега, а за лиманами течение повернёт и унесёт далеко в открытое море. Но это буду уже не я, а моё тело. Течение слабое, но против него мне не выгрести, надо плыть по нему, но слегка наискосок. Если повезёт, окажусь хотя бы у лиманов. Это несколько часов. А вода, конечно, уже не ледяная, но холодная...

Я нашла яхту. Вижу пятна огней рядом с тёмным корпусом. И сирены слышу. Помощь пришла. Но не ко мне. Попытка доплыть до огней забрала много сил, но не приблизила меня к ним.

Будут ли меня искать? Покричу...

Голосу крышка. Всё равно буду надеяться. А там как повезёт...

Я хорошо плаваю. Я чувствую течения, знаю, когда нельзя заходить в опасный прибой. Я много раз плавала подолгу, часами оставаясь в воде. Я помогала Редди вытаскивать захлебнувшихся курортников и на спор с Лукасом прыгала с высоких бортиков теплоходов. Но ни разу я не плавала в это время года, да ещё и на сверхдлинную дистанцию.

Пятно света мечется совсем рядом. Вертолёт? Я не слышу гула, но это единственное объяснение. Полоска света остаётся на горизонте. Хорошо, что я знаю, где берег. Плохо, что я не понимаю, куда меня несёт. Свет не ближе и не дальше.

Шлёп-шлёп, плюх-плюх...

Прибьёт ли моё тельце к берегу? Я, конечно, буду барахтаться, но...

Как славно, что пираний у нас не водится. Но жаль, что я не касатка.

Холод забирает силы. Дышать трудно. Если не шевелиться, я замёрзну. Даже если и буду шевелиться, замёрзну всё равно.

Кто я? Наташка. Помню. И ещё могу дышать. Полоску света вижу. Хорошо. Только это не та полоска. Это рассвет. Я дожидая до рассвета. Чудно. Столько не живут. Но я потеряла берег. Кругом свет.

Всё. Прощайте все Наташки. Обнимите друг друга...

Песок. Во рту. В горле. В носу. И везде. Гадость.

А нечего было валяться на мелководье.

Я далеко. Очень далеко от города. И я не смогу до него дойти. Я вообще идти не могу. И даже встать не получается.

Песок липкий и колючий. Сдирает кожу. Чайки сидят, смотрят на меня.

Полетите, птички, к чёрной башне. Передайте от меня привет.

Последний...

— Наташа! Ладонка!

Чайки решили, что меня уже можно заклевать?

— Братцы, живая...

Ой, а братцев-то я знаю. И что все наши доблестные спасатели здесь делают? Сейчас не сезон. Да и в сезон сюда мало кто добирается.

— Быстро! Кислород! Одежда! Гоша, работаем! Миша, на связи!

Какие-то понятные звуки. Но что они означают?

— Наташенька, ты меня слышишь? Всё хорошо, мы тебя нашли. Продержись ещё чуть-чуть. Всё позади, мы тебя увезём. Держись.

Держаться? А за что? И чем? Остались лишь крохотные

обрывки мыслей. Ничего другого уже нет.

— Нашли! Жива! Везём! Готовьтесь!

Уголёк в сознании погас.

Спасатели хором говорили по телефонам. Мигали синие огни. Шумели винты. Пилот на кого-то орал. Лукас махал руками. Плыли облака, небеса, ангелы, деревья, потолки, трубы, лампы. Плакал совсем состарившийся отец. Подавленная Зойка держала мою руку. Дон расталкивал медсестёр. Вездесущая Маринка требовала тишины и порядка. Тараскин сидел у стены, уткнувшись в сложенные руки.

Но я во всём этом не участвовала. Я была лишь беспомощным наблюдателем за собой. Откуда-то со стороны.

66. КОНФЕТЫ ДЛЯ ПЛАКСЫ

Утро. Градусник. Медсёстры поругались. Обход. Поплакать. Десять. Надо заставить себя встать. Надо. Вот сейчас заставлю. Ещё чуть-чуть. Вот уже повернулась. Ладно, потом.

Как дожить до обеда? Полдень. Укол. Медсёстры помирились. Обед. Надо заставить себя почитать. Надо. Вот уже книжку взяла. Как это читать? Вместо букв какие-то размытые кляксы. Ладно, потом.

Что делать до полдника? Половина второго. Где-то ведь есть живые люди? Половина третьего. Надо заставить себя собраться. Ну, поплавала дольше обычного. Ну, устала сильно. Зато выжила. Нечего плакать. Ладно, поплачу...

А вот и Лукас. С кучей пакетов. Похоже, сегодня в нашем отделении будет день раздачи колбасных изделий. Или магазин сразу открыть? Нет, это вставать придётся.

— Массаж щёчек? Молодец, Ладоска. И я счастлив тебя поздравить. Дон сказал, что ты не умрёшь от сепсиса. И от менингита не умрёшь. И энцефалит исключён. Я двадцать самых страшных болячек выписал — ни одна не подошла. Прикинь, и даже родильная горячка тебе пока не светит. Оказывается, для родильной горячки нужно не плавать, а совсем другим спортом заниматься.

Подтащив стул поближе, Лукас присел и взял меня за руку.

— Привёз, что ты просила. И конфет разных набрал, раздашь, если не понравятся. В отеле полный порядок. В семействе тоже. Баба вся в молитвах, и папаша твой от неё не отстаёт.

— Как это?

— Он обнаружил, что церковь — это заповедник одиноких страдающих женщин. Осваивается в новой теме.

— Бог с ними. Во всех смыслах. Ты главное выкладывай. Видел Редди?

— Видел. Даже помахал ему рукой через стекло. Он стабилен. Причин для уныния нет.

— А я не унываю. И по двадцать лет люди стабильно лежат, чтобы потом вскочить и побежать на работу.

— Роман сказал, что всё хорошо, дней через пять они попробуют его разбудить. Должно получиться.

Пять дней. Значит, я не увижу доктора Колесникова всю следующую неделю. И почему я не улитка? Вот сидела бы себе в банке, и Рим возил бы меня с собой. Так было бы хорошо.

— Роман опять там?

— Без него меня бы и к окошку не подпустили. Там всё строго.

— Два мужика улетели в другой город, уединились в отдельной палате, один постоянно в койке валяется, второй носится вокруг с какими-то сложными графиками. Только мне кажется, что это как-то странно?

— Это благородно. И не скучай, я привёз твоего доктора сюда. Вечером он будет у тебя.

— Чмокнет, покажет очень интересные снимки внутренних Редди, скажет, что очень занят, и смотается.

— Тебе ничем не угодишь. А вот мне он полтора часа рассказывал о каких-то тонкостях твоих сердечных ритмов. Я ничего не понял, но из самолёта вылез с острым желанием немедленно сделать кардиограмму.

— Что мне те тонкости. Я встать не могу.

— Тебя не вдохновляет его вера в твои силы?

— Он бы меня вдохновлял, если бы не забывал обедать. Как мне уши полировать сказками о здоровой пище, так это он мастер, а у самого мордашка вытянулась, глаза в тёмной обводке.

Лукас хихикнул и продекламировал:

— Он трагически прекрасен. Каким и должен быть последний выживший герой романтической саги.

— Ага. Похитили меня, дралась со злодеями я, всю ночь носилась по волнам опять же я. Ну и Редди хотя бы лежал окровавленным тельцем в уголке. А главным героем почему-то стал Роман.

— Потому что твои страдания воспринимаются буднично. Сколько уже страданий этих было? Публика устала ждать, что тебя всё-таки прикончат. А тут столь резкий поворот сюжета. Герой на угнанной моторке штурмует яхту, залитую кровью, и энергично спасает злого соперника, вероятного убийцу своей возлюбленной. Хотя по всем законам логики он должен был бы проводить Редди к праотцам.

— Рассказы о героическом докторе сидят у меня в печёнках.

— Не преуменьшай его заслуг. Увидев кровавую дорожку от трапа, лично я выбросился бы за борт, даже не ступив на палубу. А Роман вытащил Редди с того света и удержал на этом. Один-единёшенек посреди морской

стихии сражался и с ангелами, и с демонами...

— Всё, заткнись, я не могу это слушать.

— А придётся. Бравый капитан Краснов, обложившись оберегами и иконками, отогнал яхту к судоремонтному заводу. Пока сходил с начальником договорился, на пирсе очередь построилась. На выставку морских ужасов. Краснов не растерялся, под рассказ о героическом докторе иконки успешно распродал, новые сбегал, закупил, а мне сказал, что с ремонтом торопиться не обязательно.

— Дорого ремонт обойдётся?

— Это моя забота. Ты к вечеринке начинай готовиться. Летом соберём народу, сплавим на рыбалку. С тебя экскурсия. По местам боевых приключений.

— Нет. Я буду лежать морской звездой на палубе.

— Ладно. Как твоей душеньке заблагорассудится. Я приму любого зверька в твоём исполнении.

— Ты не понял. Это будет очень пьяный зверёк. На трезвую голову я и шагу на ту палубу не сделаю.

— Кстати. В полиции, пока бумажки разные подписывал, чтобы яхту забрать, Ивана Павловича видел. Он сказал, что обязательно к тебе забежит, как будет минутка. Но у него очень важное дело. Учительница начальной школы обнаружила на своей даче труп маньяка. И ничего с этим трупом не понятно.

— У тебя на складе того классного красного сухого не осталось? Как выберусь, заберу пару бутылок. Пусть Палыч учительницу поразит тонким вкусом.

Улыбнувшись, Лукас кивнул. Я замялась, но потом всё-таки спросила:

— А ты знал эту... чокнутую...

— Не то, чтобы знал, но странности замечал. Теперь многие говорят, мол, понимали, что она сходит с ума. Однако это никому не мешало приглашать её к себе, веселиться на её праздниках и закрывать глаза на её чудачества. Если конкретно, то у неё случались резкие перепады

настроения. От слёз навзрыд к бурному смеху. И наоборот, от радостной экзальтации до мрачной мизантропии. Но разве не простишь забавной вздорности сексапильной красоте?

— Я никак не могу понять. Ведь у неё было всё. Почему она сочла, что этого мало? Чего ей не хватило?

— Не занимай мозг чужими вывихами. Следи за своими. Полезнее для здоровья.

— Это да. Но как её отец ко всему отнёсся? Он не придёт ко мне с кинжалами мести?

— Да нет. Во-первых, он отбивается от отца раненого охранника. Во-вторых, тот факт, что родная дочурка обокрала вверенный ему склад, шокировал его настолько, что он подал рапорт об отставке и собирается уйти в монастырь.

— Убитый племянник, несколько раненых, выброшенная за борт женщина — а его потрясла кража со склада?

— Он человек устава.

— А муж?

— Расстроен, что на него показывают пальцами. Уедет в столицу и будет чинным вдовцом. Вживётся в печальный образ и начнёт за рюмашкой рассказывать о случайной преждевременной гибели жены. Он уже пакует чемоданы.

— Мне этого опять же не понять.

— А он так и не понял, из-за чего драма разыгралась. Полагает, что всё дело в плохом вине.

— Тоже вариант. Вино было отвратное.

— Забудь. Я приготовлю для тебя нечто особенное. Волшебное вино счастья.

— А нельзя что-нибудь волшебное для превращения больничной кикиморы в нормальную женщину?

Лукас нежно поцеловал мою руку и с мягкой улыбкой заявил:

— Незачем. Ты же из морской пучины выплыла. Настоящая Афродита.

Точно. Бледно-серая кожа, вялые щёки, блёклые губы, ёршик коротких волос — я прямо-таки эталон античной красоты. Пожалуй, всплакну от невыразимой гордости за своё сияние.

И не надо так грустно на меня смотреть.

67. ЛИЧНЫЙ ТРЕНЕР

Когда в неурочное время открывается дверь палаты и появляется кто-то неизвестный, в голове Наташки-пациентки проносится одновременно две мысли. Первая — в анализах что-то плохое, я умираю. Вторая — сейчас мне дадут волшебную пилюлю, я поправлюсь, и меня заберут на родную планету.

Впрочем, посетительница не была совсем неизвестной. Я её точно знала, по крайней мере, в лицо.

— Здравствуй, Наташа. Меня зовут Галина Викторовна. Я врач-невролог. Я работаю в госпитале. Но буду приходить сюда, чтобы помочь тебе набрать форму. Я — твой новый личный тренер.

Кто-кто? Я в больнице, какой тренер?

— Роман стеснялся нас познакомить, и напрасно.

Стеснялся познакомить? «Стеснялся» выкинем сразу, а вот познакомить... Значит, это и есть мать Рима. Мать. Ещё одна мать... Маааать!

— Очень приятно. Я наслышана о вас.

— Давай без лишних церемоний. Не люблю все эти скользкие реверансы.

Ой. Я как-то автоматически построилась по стойке смирно. Пусть и лёжа в кровати.

— Твоя воля к жизни достойна уважения и восхищения. Но тебе крепко досталось. И тебе нужны силы, чтобы восстановиться. Однако ты опустошена и измучена гонкой на выживание. Тебе нужна помощь.

Как лаконично и сухо. Действительно, ничего лишнего.

— Я горда тем, что сумел сделать мой сын. Он полагал, что ты погибла. Он не надеялся на помощь. Он понимал, что шансов спасти друга почти нет. Однако он собрался и выиграл битву за чужую жизнь. Теперь Радимир жив, ты жива, и он счастлив. Но он опустошён и измучен переиздами и ответственностью. Он не может тебе помочь.

Опустошён — согласна. Но почему не может помочь? Мне ведь много-то не надо. Посмотреть на него, послушать его голос, прочитать несколько коротких строчек от него.

— Роман потакает твоей слабости, он не способен ни выстроить чёткую программу реабилитации, ни выполнить её. Он приезжает, чтобы полюбоваться на тебя, видит твои улыбки и успокаивается. Обычно ты знаешь, когда он приедет, и настраиваешься на то, чтобы улыбаться. Потом ты плачешь, и всё это — тупик, в котором вы бережёте друг друга, но делаете хуже.

Если Рим увидит, что я плачу, ему будет плохо. И мне будет ещё хуже, потому что ему плохо. Вот это — настоящий тупик.

— Помимо всего прочего, незрительно, что он вмешивается в работу врачей больницы. Поэтому я сама займусь твоим восстановлением.

— Спасибо.

— Моя помощь — это не конфеты в пакете. Это ежедневная работа, в которой нет места жалости. Доброго сочувствия и понимания — сколько угодно. Но если хочешь вернуть себе красоту и уверенность, то не жди от меня послаблений.

Не хочу я никакой красоты. Хочу послаблений.

Галина Викторовна неторопливо пролистала мою больничную карту:

— Завтра начнём с ходьбы. Потом добавим зарядку. Для начала элементарный комплекс растяжек. Дальше усложним.

Нет, только не это. Она же не потащит меня силком в зал? Я не хочу и не буду делать зарядку. Я свободный человек. Я лежать хочу. Вялой тряпочкой. Страдать и плакать о своей несчастной судьбинушке.

— Я буду привозить тебе фрукты. Заменишь одну, всего одну конфету кусочком яблока. И постепенно мы наладим твоё питание.

Вот так я и знала. Конфету сразу отняли.

— Со следующей недели бассейн, потом добавим пробежки. Я не буду настаивать на вечерних тренировках, но список упражнений тебе подготовлю. Захочешь — сделаешь. Нет — значит, нет.

Но предполагается, что я захочу. Что о слове «нет» я даже не задумуюсь.

— Через месяц мы сделаем налёт на салон Стефаниди. В этом сезоне будут модны длинные весёлые платица. Подберём тебе парочку.

Ох, что-то я этих виражей космических не понимаю. Галина Викторовна собирается наряжать меня в платица? Она это серьёзно?

Может, лучше смотреться, пока не поздно? До окна я доберусь. Дойду по стенке. На простыне удержусь? Если только зубами. А там ещё и больничный забор. Их специально строят, чтобы болящие не разбегались. Забор мне пока не по зубам. Придётся в порядок себя привести.

В Новой Зеландии меня ведь не найдут?

— Твои сотрудники будут приходить к тебе в строго отведённые часы. И ты попросишь их укладываться во временной регламент.

Они и без того приходят по часам с и регламентом. Всё отлажено.

— Алексей Владимирович, мой муж и отец Романа, возьмёт на себя труд контролировать, как идут дела в твоём отеле. Пока ты не вернёшься к полноценной работе. Наши юристы и бухгалтера проведут аудит и помогут твоим сотрудникам максимально эффективно справиться с работой. Прими эту помощь и пойми её правильно. Как тебе не повредит толковый взгляд со стороны, так и Алексею Владимировичу полезно выйти за привычные рамки. Свежие впечатления от твоего бизнеса пригодятся ему в его собственном деле.

— Спасибо.

Похоже, у Алексея Владимировича нет ни шанса сбежать от свежих впечатлений. Ему уже вручили дополнительные труды и лаконично сказали, что они ему полезны. А я отказываться не буду. Пусть он даже решит, что у меня всё плохо. Это в любом случае интересно. И идею расширения надо с ним обсудить. Взгляд Колесникова — вау, да это круто!

Есть только та проблема, что кокон этой заботы изрядно тесноват. Что я ем, как выгляжу, чем занимаюсь, во что одеваюсь. Всё изучено и расписано, каким должно быть. Планы коррекции разработаны, и деваться от этого мощного прессы некуда.

Помогите, любящая мать в атаке!

— Роман считает, что ты неспособна к вождению. Что тебе не стоит даже пытаться сесть за руль.

О, нет. Я не хочу к этому возвращаться. И мне плевать, что вбил в себе в голову этот глупый цезарь. Я поссорюсь с ним снова, и я поссорюсь с его матерью, хотя это, наверное, равносильно самоубийству. Ну и пусть!

Устало вздохнув, Галина Викторовна доверительно поделилась:

— Упрямец такой, весь в папашу. Ты с ним пока

не спорь. Как поправишься немного, я найду тебе толкового инструктора по вождению. Позанимаешься месяц-другой и освоишься. Я до работы пешком хожу, моя машина в гараже пылится. Думаю, ты найдёшь ей применение.

Ничего себе. Кажется, я была несправедлива к Галине Викторовне. Все эти сравнения с танковым клином и ковровыми бомбардировками внушили мне ненужное предубеждение. Очень разумная женщина. Особенно, когда она на моей стороне.

Чуть расслабившись, Галина Викторовна куда мягче сообщила:

— У меня есть просьба.

И я не смогу отказать. Только что она попросит? Присмотреть за тем, чтобы её дорогой мальчик хорошо кушал?

— Вот эта футболка, что на тебе. У тебя есть и другие красивые вещи в том же стиле. Мне очень нравится рисунок со спиралями. И россыпь кубиков. Здесь я не видела ничего подобного, вероятно, ты привезла эту одежду из Европы. Я бы хотела что-нибудь похожее для себя. Подскажешь, где раздобыть?

Мне это снится? Ей нравятся мои кубики?

Нет, серьёзно? Мы с одной планеты??

— Я сделаю вам, какие хотите. Это мои рисунки. Я заказываю печать и всё.

Улыбается Галина Викторовна красиво, я бы даже сказала — роскошно. Но когда улыбка гаснет, становится холодно и неудобно.

— Роман мне не сказал.

Всё. Виновен, осуждён, отправлен отбывать наказание в сибирские руды.

Взгляд врача-невролога упёрся в одну из полосок с графиками из моей карты. Быстро развернув её и осмотрев со всех сторон, Галина Викторовна посмотрела ещё

несколько листов за ней и совсем другим тоном спросила куда-то в воздух:

— Почему не сделали расшифровку?

Будь я ответственной за эти расшифровки, я бы уже подбирала билеты на самолёт. В голосе Галины Викторовны сквозило вроде бы недоумение, но какой-то нерв в моём позвоночнике резко взбодрился.

— Отдыхай, Наташа. Я разберусь пока.

Врач-невролог удалилась. Видимо, чтобы самым этичным и деликатным образом вмешаться в дела врачей больницы.

Такая вот мать. Во множестве оттенков смысла.

Потянувшись, я достала из тумбочки искалеченную книжку с обгоревшим краем. И раскрыла на вложенных листочках с упражнениями. Может, добавить в вечернюю тренировку что-нибудь силовое?

68. ТОЛЯН

В небесах подкрутили винтики погоды, и за окном перестали показывать конец прошлого года. Тепло манило на улицу, и я выходила покормить воробушков и поглазеть на то, как ветерок гоняет пылинки.

Цыпа-цыпа-цыпа. Все сюда. Пусть никакие не цыплята, всё равно весёлые живые комочки. Пушистые.

А кто это посмел сесть рядом? Это моя лавочка! Сейчас как запишу!

Повернувшись к неожиданному соседу, я замерла.

Красивые у меня глаза. Непривычно видеть их на мужском лице с морщинами, но так даже интереснее.

Гостя сложно назвать стариком, однако он в возрасте поздней зрелости. Чистое лицо, ухоженные руки, строй-

ная фигура. Одет хорошо, но без вычурности. Функциональность прежде всего. Часы дорогие, а сумки никакой нет.

Мужчина взгляделся в меня и поёжился, без приветствий и вступлений заметив:

— Нда... Будто дьявол омолодился. Кто бы мог подумывать.

— Кого конкретно вы имеете в виду?

— Матушку. У неё были такие же холодные искорки во взгляде. Обычно это означало, что кто-то получит порку.

— Я не сторонница физических наказаний.

— Сразу убиваешь. Я слышан.

Вглядевшись в меня снова, мужчина покачал головой:

— Обухом по башке. В книжках фразу читал, но смысла не понимал. Однажды телек смотрел, как прилетело, сразу и догадался. Чумовой эффект. А вблизи ещё круче.

— Наверное.

Протянув мне руку, мужчина деловито и простецки представился:

— Толян Платонов. По одному из старых паспортов. Давай на «ты». Но дедушкой меня не называй. Я всё думаю, что молодой ещё. С такой внученькой маразм раньше времени наживу.

Главное, внученьке на лавочке усидеть.

Платон? Да. На его фотографиях я совсем не увидела сходства, но сейчас оно казалось очевидным. Неужели Борис Сергеевич не заметил? Не хотел замечать? Или оставил меня в неведении?

— Я Наташа.

Толян свойски кивнул, мол, знаю-знаю, и выдал:

— От матери тебе привет. Можешь даже позвонить, спросить, как дела. Пока она в добром расположении духа. Лёшка подцепил ангину, она сразу домой вернулась. А там вспомнила, что любит и всегда любила Костю. Ко-

стя, разумеется, всё простил. Я, видимо, умру, а фокус этот так и не разгадаю.

— Вряд ли я помогу. Этой разгадки я тоже не знаю.

Мелодичный молодой смех превращал Толяна в мужчину средних лет.

— И я ещё сомневался... Нет, всё точно. Ты наша.

— Осталось и мне разобраться, чья именно.

Толян хихикнул и пояснил:

— Бориска тебе родословную всю перепутал. Давай поправлю, от греха подальше. Алевтина Сорокина и Ольга Волошина — мои сёстры. Тебе они бабки, но двоюродные. А откуда корень семейный идёт, не знаю. Знаю, что мать всегда чего-то боялась. Фотографий не любила, старых бумаг не берегла. Не писали ей друзья, не звонили родственники. И переезжали мы часто. Там поживём, здесь, дальше поедem. Задуматься, так мать меня лицемерию выучила. Как прогнуться, как дураком показаться, как подольстится. Но всё это — внутри себя ничего не задевая. Пряталась она всю жизнь, а от кого и чего — сама погадаешь на досуге.

Нет-нет, с семейными гаданиями я завязала.

— По метрикам отцы у меня и сестёр все разные. Но мать говорила, что это, мол, ошибка. Что всё сгорело в пожаре, а когда выписывали новые документы, то напутали. Я верил, но когда повзрослел, понял, что путаницы многовато получилось.

Пожар, новые документы, ошибки. Кармическое это у меня. Точно.

— Мать строгая была, на расправу быстрая, и боялись мы её расстроить. Рассказывать кому-либо о себе и доме она запрещала, и даже то, что мы из одной семьи, привыкли мы не показывать. Так что теперь если и найдём кого из родни, то только как тебя — по родному взгляду.

Вот так сразу и родному? Круто.

— У Алевтины школьный приятель был, чуток постар-

ше. Дружили они, вместе бегали, да и добегались до пуза. Куда выпускнице с младенцем? Отдала сыночка сестре. А когда с Андрейкой закрутилось, так и не смогла со- знаться, что давно не девица. Очень замуж хотела.

Так у Али был сын? Откуда взялись разговоры о дочке?

— Ольга путём замуж вышла, но не получилось у неё человеческий род продолжить. Несколько детишек умер- ли сразу, как родились. Вот и взяла она Валерку, сына Али, на воспитание. А потом и Терезу забрала — моё, так сказать, творение.

О, я начинаю понимать. Так Платон — реально мой де- душка?

— Я в актриску одну крепко втюрился. А она после рождения дочурки из постели в постель к карьере попры- гала. Я терпел, умасливал, да всё равно она ушла. Куда я с малышкой? Отвёз сестре.

В изложении Толяна семейная драма превращалась в водевиль.

— Лелька, бабка твоя, в силе ещё, по-прежнему к ка- рьере прыгает. У моря заграничного живёт, с продюсером одним. От твоей фотографии с ней обморок случился. Она мордашку недавно подтянула, шею разгладила, всё ещё врёт, что ей чуть за сорок. А тут такой сюрприз, кра- савица внучка в расцвете лет. На родственные объятия с бабой Лелей можешь не рассчитывать. Уж не сердчай, а она никогда тебя не признает.

И не надо. Нечего меня трогать. Пусть с продюсером обнимается.

— Я найти себя долго не мог. Три вуза не закончил, всё скучно казалось. Перебрал с десятков профессий. От слеса- ря до аптекаря, от повара до гитариста. А потом с Мат- вейкой познакомился. И закрутилось. Спекуляции, махи- нации, фантики за деньги. Уж не знаю, чего тебе Борис напел, да только бедных мы не обирали, да и разборки кровавых не устраивали. Если уж доходило до наездов,

отдавали всё и не связывались. А через полгода облапошивали тех дураков, что наехали.

И вместо гангстерского угара опять же наклёвывается что-то лёгкое и комическое.

— Ветры перемен нам крылья расправили. Серёга к нам прибил, он по рыночным делам учился и неожиданно пригодился. А группировки как таковой у нас никогда и не было. Было подручных сколько-то. Там постоять, здесь бумаги отвезти. Но и только. Мы потом несколько заводиков откупили, перестроили, в другой бизнес пошли. А то, что муж Альки при погонах ментовских, мне без интереса было.

Неужели? Придётся пропустить мимо ушей.

— Аля трудно гибель сына пережила. Андрей мужик неплохой, но не мог никак понять, что любимая жена то по рельсам ходит, то на мосту сидит. И как назло, не получилось у неё ещё родить. Всех, кого можно и нельзя, она обошла, всех врачей расспросила, все иконы перецеловала, но так и не вышло ничего. Понял я, что она на грани, начал к себе забирать. Она в дела и не вникала, но вникать-то иногда не надо, достаточно обмолвится о том, что слышала или видела.

Так я и знала. Никакой бандитки. Никаких коварных замыслов. Простая ошибка, оговорка. И мужские жернова перемололи и без того несчастную красавицу.

— Услышал эти обмолвки товарищ Вася, он тогда у Андрея только начал работать. Сложил Вася два и два, понял, что Аля для меня что-то значит, и посчитал, что денег у меня не как у него. Начал копать там и здесь, выпрашивать, разные справки собирать. Но и мне информация пришла, что копают под меня менты, да только не из того департамента, что по моему профилю. Я поджался, с ребятами всё обсудил, часть дел мы свернули.

Но бедную Алю к толковому психотерапевту не отвели.

— Вася между тем к Але подкатил с романтической стороны. Внушил ей, что сделает ей ребёнка, что с его любовью сам господь Бог скажет ей «да».

Всего лишь подкатил? Из-за денег Толяна? И тему какую интересную для подката выбрал. Ребёнок. Неужели не понимает Платон, что не на денежных дрожжах тот подкат вырос? Влюбился Вася в жену начальника, потому и начал копать всё, что было с ней связано.

— Параллельно Вася из меня монстра делал. Лидера криминальной группировки. Чего только в моё досье не напихал. Рэкет, стрелки с перестрелками, похищения. Я когда прочитал, сам себя испугался.

Холодная самоирония с параллельным любованием собственной короной. Посмотри, Наташка, в семейное зеркало. Никого не узнаёшь, а?

— Я Васе дважды заплатил, чтобы он Алю в покое оставил. Но ему всё больше хотелось. Я Але честно сказал, что выбор за ней, и когда она сказала, что не может предать любовь, рукой махнул.

Так. Вот эти семейные примеры надо на заметку брать. И в рамочку на стену вешать. Если уж выбор за тобой, то какого чёрта деньги должен получать Вася? Всё себе любимой.

— Через какое-то время Васей свои заинтересовались. Бориска дорогу себе локтями расчищал, заодно и Васиные дела разнюхал. Понял, что тот жену начальника обольстил, да и наехал на него с грацией гиппопотама. Вася подумал-подумал и разыграл похищение. Андрей ему заплатил. Борису это поперёк горла встало, он Васю в угол загнал. А Вася предложил честный размен — он ему Алю, а Бориска ему — тихий отход в виде героической смерти и забвения.

Некоторые разгадки причиняют боль. И я уже знаю, какую боль припас для меня Платон.

— План Бориса был в том, что он выкладывает труп

на свалке и опознаёт его как Крепыша. Тем временем люди Бориса провожают Васю за границу, оттуда он сообщает адрес, где искать Алю. Борис забирает Алю и отзывает своих людей.

Толян чуть споткнулся в своём лёгком рассказе. Давно ты, дедушка, ни с кем не откровенничал. Путаешься в словах и боишься потерять смысл.

— План Васи был в том, чтобы внушить Але необходимость побега за границу. Аля должна была получить адрес, где его искать, и при первой возможности улететь к нему.

Нелегко возвращаться в грустное прошлое. Но ты, Толян, выговоришь всё то, о чём молчал долгие годы. Ты за этим и приехал. Исповедаться.

— План Андрея был в том, чтобы не дать Крепышу уйти за границу и вернуть жену. Он переманил людей Бориса и знал, что происходит. Он должен был первым узнать, где спрятана Аля.

Вот так проживёшь жизнь, а потом увидишь строгий материнский взгляд, и провалишься в давно забытое желание и пожаловаться, и оправдаться.

Кстати, интересная мысль. А на каком-нибудь из полотен Ренессанса не затерялся мой взгляд? Может, у передвижников есть портрет красавицы со знакомыми искорками во взгляде? У авангардистов, я, понятно, свои черты не признаю, но вполне может статься, что на какой-нибудь из дореволюционных открыток сохранился лик подозрительно похожей на меня девы. Где-то же есть ключ к прошлому прабабки? И Платон прав — искать его надо по фамильным чертам.

Чур-чур-чур! Никаких портретов! Никаких призраков! Воистину, чем больше узнаю разных родственников, тем больше люблю милую Бабаню.

Толян продолжал объяснения:

— Я знал, где Аля. Приезжал к ней несколько раз, уго-

варивал, умолял, объяснял весь расклад. Но она не хотела ничего слушать. Начинала паковать чемодан — и падала на кровать, заливаясь слезами. Собиралась бежать без чемодана, но боялась переступить через порог, потому что находила какую-нибудь плохую примету. Я думал увести её силой, но боялся, что она совсем запутается...

Сломать свои иллюзии? И выбрать новую жизнь? Почти невыполнимая задача. Мне ли не знать.

— Аля увидела сюжет в криминальной хронике. В нём сказали, что тело участника криминальной группировки Крепыша нашли на городской свалке...

Эй! Необязательно держать паузу до завтра.

Не даётся трагедия мастеру водевиля. Что ж, подскажу старичку, так и быть.

— Рельсы или мост?

— Таблетки. Я нашёл тело, но никому ничего не сказал. Будто кто со стороны мысль эту в мозг влил. Оставить всех великих планировщиков в аду незнания.

Неплохая мысль. Только ты и себя запер в тюрьме молчания. В одиночной камере без окон и дверей. В тишине, не прерываемой шагами надзирателей и чириканьем птиц.

— Время пришло. Скажи им. Скажи всем. Пусть выпьют эту чашу.

Толян протянул мне смартфон с фотографией... могилы. Одинаковые плиты чёрного гранита. Надписи одним шрифтом.

Елизавета Воронцова. Покойся с миром.

Валерий Волошин. Нашему доброму ангелу.

Алевтина Сорокина. Помним, любим, скорбим.

Ольга и Пётр Волошины. Вместе навсегда.

— Я всех в одном месте похоронил. Видишь, ещё место осталось? Это уже для меня. Здесь лечь хочу.

Нормальный переплёт. Не успела в себя прийти, а уже похоронить просят. Лёгкий такой подход. Бросил дочь, не спас сестру, ничего не знал о внучке, жизнь прожил весело и в достатке, а теперь судьба послала подарок — есть, кому завещать, где похоронить.

Что я на его могилке напишу? Старость — не радость? Сто имён — одна судьба? Дорогому Платону от братвы? Нет, это не подойдёт. Смеяться у памятника буду. Нехорошо выйдет. Да и вообще нехорошо так думать. Живой он ещё. И никто не знает, что будет завтра.

Толян ждал от меня какой-то реакции. Может, я должна догадаться сделать пожертвование на высадку цветов у семейного некрополя?

После затянувшейся паузы Толян с мягкой улыбкой спросил:

— Я слишком много на тебя обрушил?

— Ничего. Я выдержу.

Воробушки рассорились и расчирикались из-за толстого сухарика. Их шум и гвалт уносил меня из этого двора, от человека с фотографией могилы в кармане. Какие-то точки поставлены. Какие-то ответы найдены. Но каждая завершающая точка становится отправной для новой истории, и ко всем этим точкам дорисовываются спирали новых вопросов.

— Тебе нечего сказать?

— Спасибо, что поправил семейную историю.

— И ты ничего не попросишь?

Усмехнувшись и подмигнув, я попросила:

— Дай денег, дедушка.

Приятный у дедушки смех. Заразительный. Открытый.

А взгляд — пронизательный, с холодными искорками. Мой взгляд.

Мне надо быть очень осторожной с этой заслуженной касаткой.

Может, взяться сразу за большую стройку? Не зря же меня идеей расширения стукнуло? «Кордилину» выкупить по дешёвке, пока никто не опомнился. Там пара больших корпусов в самый раз встанет, без тесноты. И Торухиным можно полушку отстегнуть за радость сровнять с землёй неудачную «Надежду». А на её месте спа-центр сделать. Ванны, массажи и всё такое прочее...

Наташки! Смирно! Генеральный директор очухалась. Про бухгалтерию что-то вещает. Глуши её! Подушками!

69. НЕЛОГИЧНЫЕ ПОСТРОЕНИЯ

Ужин. Градусник. Вечер. Медсёстры ушли пить чай.

Пациентки в холле ссорятся из-за пульта от телевизора. Но до холла мне ещё ползти и ползти. Я на лестнице застряла. Сил нет. И настроение плохое. А вчера мне снилось, что бывает хорошее.

Казалось бы, осталось всего ничего, десяток ступенек. Надо заставить себя собраться. Надо отвлечься и переставлять ноги. Это очень просто. Вперёд и вверх, вперёд и вверх. Вот уже ногу приподняла. Вот уже вперёд подтянула.

Ладно, посижу, поплачу...

— Привет, улитка.

Нет, только не это. Почему мне никто не сказал, что он уже прилетел?

Рим уселся рядом и обнял меня за плечи:

— Совсем замёрзла. Готовишься к новому курсу антибиотиков?

— Я только присела.

— Ты думаешь, я всегда буду таскать тебя на руках и гробить свой скелетик? Допустим, угроблю. А дальше

что? Будем устраивать шоу «Два инвалида ползут на пляж»?

— Ползти будешь ты. Я в кассе сяду, деньги собирать.

— Ты вспомнила о корысти. Идешь на поправку.

— Перестань.

— Ну что мне с тобой делать, а? Давай, шевелись как-нибудь. В конце концов, бог с ним, с пляжем. Не будем бегать по пляжу. Но хотя бы до лавочки на смотровой площадке надо же как-то доскрестись. Не будем ставить дальних целей. Будем мечтать о лавочке.

— Не смешно. Как твоя конференция?

— Аплодисменты не смолкали до утра.

— Ты молодец.

— Ещё бы. У меня энергичная муза, шпыняющая неудачников острыми предметами.

— Ты лучше уходи.

— В смысле?

— Оставь меня. Я справлюсь. Мне трудно, но я смогла выжить, и я смогу научиться улыбаться. Пусть руки сиделок грубее, чем твои. Пусть мне будет неудобнее в холодной палате. Пусть я лишусь твоего голоса. Я выдержу. Но у меня будет шанс стать новой прекрасной Ташей. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой.

— Зачем так мучительно расплачиваться за свой страх, что я не приму тебя такой, какая ты есть? Ты — моя прекрасная Таша. И ты можешь опереться на мои руки, чтобы выздороветь быстрее.

— У меня ничего не получается.

— Не торопись. Ты никуда не опаздываешь.

— Даже если я стану красивой... Я уже не та девушка, на которую ты засмотрелся в день нашей встречи. Мне придётся жить со всем тем, что случилось. Я не буду прежней.

— А ты думаешь, я застрял в одном дне?

— Это всё из-за меня.

— Разумеется. Из-за тебя я стал «тем самым доктором», очередь к которому расписана на два месяца вперёд. Такой славы другие добиваются годами.

— И зачем тебе улитка? Мы были близки, но это был лишь первый росток чувства. Чтобы он начал расти, нужны разговоры, обеды, прогулки, веселье.

— Так пойдём, прогуляемся?

— Ты меня не слушаешь.

— Ты пока ещё слаба. И твоя нейронная сеть не в состоянии генерировать логичные сигналы. Как врач я с пониманием отношусь к тому, что твои умственные построения далеки от интеллектуального совершенства. А как любящему мужчине мне всё равно, что ты болтаешь. Мне нравится звук твоего голоса.

Вздыхнув, я спросила:

— Ты надолго забежал? Сколько у тебя времени?

— Нисколько.

— Побудь хоть немножко.

— Не могу. Я в образе злодея-похитителя. Сообщники волноваться будут, если я не вынесу тебя к дальней калитке через десять минут.

Я прижалась щекой к большой сильной руке, вобрала в себя всё острое счастье момента, а потом поёрзала и спросила:

— А, может, ты ускоришь процесс моего похищения? Нельзя уже взять и понести меня к калитке?

Вот. Другое дело. И осторожнее, не железную куклу несёшь.

Да, я тебя люблю. Шевели ногами.

70. ВРЕМЯ СТРОИТЬ

Сезон прошёл не просто хорошо.

Сезон прошёл блестяще.

Город заплатил за ливневые стоки. И за переукладку асфальта во всём переулке. Я договорилась насчёт пляжа и, оградив небольшой кусочек песка, поставила там свои тенты и свою будку проката. Я нашла толковую девчонку, которая организовала все экскурсии по высшему разряду. У меня были велосипеды и фонтаны, мастер-классы и дегустации, литературные чтения и музыкальные вечера. Наши морские прогулки-рыбалки-погружения разошлись по интернету восторженными откликами и комплиментами прекрасной хозяйке «Весёлых Ладошек».

Теперь пришло время стройки. Все проекты были готовы и утверждены, техника приехала. И под первый удар я подставляла старую мастерскую. В ней уже гулял ветер, оставалось вывезти лишь один последний артефакт.

Я могла бы давно увезти этот старый хлам, я могла бы распилить его на куски и выкинуть, ко мне неоднократно заглядывали сборщики металлолома, которые охотно взяли бы на себя все заботы по выкорчёвыванию этой нелепой вещи из нашего бытия.

Но я ждала Редди. Он этот сейф привёз, ему его и увозить. Не знаю, почему это было важным. Я знала, что это так, и всё.

Редди вернулся только пару дней назад. Лукас из разных уголков мира рассылал всем открытки от его имени, но на самом деле Редди в другой части страны мучительно и трудно возвращался к тому красавцу, который не смущался звания лучшего спасателя.

Увидев его, я открыла рот. Что сказать? Хорош. Даже слишком. Я знала, что и он восхищён, увидев меня в новом образе. Вот только новая я уже не была той Ладоской, которой он поверял свои секреты. Я на долю секун-

ды задержалась, прежде чем пожала его сильную руку. Он это заметил и улыбнулся — тепло, но откуда-то издалека, из галактики, о которой я ничего не знала.

У ворот отеля стоял грузовичок. Лёгкий ветерок стаскивал песок с дюны к его старым шинам. Людей вокруг не было, и пустые коробки уличных магазинчиков создавали впечатление запустения.

Суэта царила внутри мастерской. Трое работяг под командованием лучшего спасателя пытались сдвинуть искорёженный железный ящик с места. Искромсанные грани с остро торчащими заусенцами и зазубринами не давали работягам возможности ухватиться за удобные выступы. Прежде, чем они смогли подступиться к монстру, пришлось замотать его тряпками.

Наконец, старое помоечное чудо с печальным скрежежом запрокинулось на бок, взлетело на небольшую высоту и медленно двинулось к неизбежному — к превращению в сплюснутый кусок металла.

Я захлопала в ладоши, но Редди остался стоять истуканом. Подойдя к нему, я тоже замерла.

На обнажившемся квадрате пола лежало несколько давно ненужных, запылившихся и поблекших распечаток. И среди них — мятый листок с цифрами.

Тот самый листок.

Снаружи донёсся оклик:

— Таша! Редди!

Вбежав в распахнутые двери, Рим начал объяснять:

— Я заехал убедиться, что эта штука покинула территорию...

Подойдя к нам, он уставился на листок.

Редди поднял бумагу, осмотрел её со всех сторон, посмотрел на меня, на Рима — и потянулся к своему смартфону:

— Проверим координаты поля чудес?

Через пару минут напряжённой тишины он повернул к нам экран и рассмеялся:

— Новая Зеландия.

Мы тоже начали смеяться. Нервный смех стал смехом освобождения, а потом и просто счастливым смехом.

Мы вышли на улицу. Сейф уже загрузили в машину, и через пару минут грузовичок медленно тронулся, увозя историю про листок с цифрами в прошлое.

За грузовичком оказалась девушка.

Сделав несколько несмелых шагов к воротам, девушка сверилась с информацией в маленьком блокнотике. Прочитала название отеля на табличке. Неловко подтянула к себе чемодан. И заметила Редди. Засмотрелась секунд на пять, смутилась, снова уткнулась в блокнот.

Редди улыбнулся и направился к неуверенной курортнице.

Вслед ему я негромко воскликнула:

— Эге-гей! Эгей!

Не поворачиваясь, он махнул мне рукой.

Москва, 2017—2019

Все события, персонажи, места, объекты, описанные в книге, являются вымышленными.

Любые совпадения случайны и не преднамеренны.

LATUKOVA.RU

Читайте новые книги:

ТАТЬЯНА ЛАТУКОВА. «ПРИВИДЕНИЕ НА ПРОСЕКЕ»

Детектив из серии остросюжетных романов «Ведьма»

В сонное Лукогорье приезжает юная сиделка, и деревню захлестывает череда событий и происшествий. Связана ли страшная находка в овраге с пропажами деревенских девушек? Смогут ли приезжие эксперты разгадать тайны давно исчезнувшей княжны?

Древние легенды оживают, новые злодеяния будоражат умы, ниточки причинно-следственных связей переплетаются и запутываются. А там, где заканчиваются одни истории, начинаются другие.

Москва, «Издательские решения», 2019 год

ТАТЬЯНА ЛАТУКОВА. «НЕБО В АЛМАЗАХ»

Фантастический роман из трилогии «Мост Бизона»

Мать наследника горной империи мечтает о спокойном отдыхе, но попадает в катастрофу планетарного масштаба. Горстка выживших прячется в заброшенном бункере. Что скрывает альенка, рассказывая о несбывшихся мечтах? О чём умалчивает хромой умник, переиначивающий старые истории? Какие тайны открывает скромный инженер? Братство бункера отчаянно ищет пути спасения, но у каждого выжившего своя дорога. Не пожалеют ли счастливицы о сделанном выборе?

Москва, «Издательские решения», 2018 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	3
1. Маленький отель	5
2. Новый сосед	8
3. За пустым столом	11
4. Честный расклад	18
5. Вылазка на чужую территорию	22
6. Потеря самооценки	25
7. Смерть воришки	30
8. Пришелец и аборигенка	32
9. Чистые дворы	35
10. Кандидатка в мачехи	38
11. Здравпросвет	42
12. Перерытые столы	48
Глава 2	51
13. Дорожное происшествие	53
14. Редди	55
15. Песок и волны	58
16. Тетис	61
17. Подозрительная авария	65
18. Сила духа	68
19. Топа-топа	71
20. Стечение обстоятельств	74
21. Сочувствующие	76
22. Разобранные бумаги	80
Глава 3	83
23. Чёрная башня	85
24. Вдвоём	87
25. Хулиганы	91
26. Обсудим это	94
27. Круговорот ревности	97

28. Криминальные следы	101
29. Проблемы и ошибки	105
30. Выписка	107
Глава 4	111
31. Похожа, не похожа	113
32. Первый муж	118
33. Надёжная информация	120
34. Братики	123
Глава 5	127
35. Плохое настроение	129
36. Железная кукла	132
37. Свадебный вираж	137
38. Находки в сторожке	144
39. Гибкость кругозора	147
40. Семейные традиции	150
41. Верная русалка	154
42. Желейная барышня	156
43. Скромные возможности	160
44. Медленно и честно	163
Глава 6	169
45. Нежная встреча	171
46. Генетическая линия	174
47. Алечка	178
48. Старая история	181
49. Навязчивое дитя	188
Глава 7	193
50. Всё хорошо, прекрасный маркиз	195
51. Преступный замысел	197
52. Проблема в психике	200
53. Убежище для наживки	204
54. Деловая женщина	209
55. Взяли и потеряли	212
56. С одной планеты	216
57. Ошибка храбреца	222
58. Ревизия	224

59. Призрак	229
Глава 8	235
60. Без капитана	237
61. Золотая спираль	240
62. Дела друга	245
63. Лисса	252
64. Кровь и сталь	257
65. Столько не живут	262
66. Конфеты для плаксы	265
67. Личный тренер	270
68. Толян	275
69. Нелогичные построения	284
70. Время строить	287

Татьяна Латукова

Пять, восемь, тринадцать...